

Вестник Московского университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в ноябре 1946 г.

Серия 18

СОЦИОЛОГИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ

№ 1 • 2015 • ЯНВАРЬ — МАРТ

Издательство Московского университета

Выходит один раз в три месяца

СОДЕРЖАНИЕ

Теория и история социологии

- Полякова Н.Л.* Социальное неравенство в социологических теориях второй половины XX в. Оформление конструктивистской перспективы 5
- Васильев В.П.* Влияние глобальных процессов на эволюцию социальных функций государства 29
- Мамедов А.К., Якушина О.И.* Теоретические подходы к пониманию идентичности в современной социологической науке 43
- Катаев Д.В., Вольф Г.* Автономия и демократия в концепциях Макса Вебера и Корнелиуса Касториадиса 60
- Козлова Л.В.* Международные практики изучения высшего класса: обзор зарубежных исследований 73

Социология семьи

- Синельников А.Б.* Пределы расширения границ семьи и брака 90

Политическая социология

- Кочетков В.В.* Международно-политический символизм архитектуры правительственных зданий 109

Социология религии

- Мчедлова Е.М.* Разноаспектность результатов социологического исследования религиозности россиян (2010–2012) 127

Социальные проблемы современного российского общества

- Соловьёв А.К.* Бедность пенсионеров: факторы формирования и условия преодоления 138
- Гречихин В.Г.* Факторы социальной мобильности населения Дальневосточного федерального округа 187
- Коньков А.Т.* Проблема интеграции этнических мигрантов на Дальнем Востоке России и ее особенности в Сахалинской области . . . 206

Слово молодому ученому

- Беспалая Л.А.* Особенности формирования и проблемы развития гражданского общества в современной России на материалах Центрального федерального округа 221
- Ракитина А.Ю.* Социальная эффективность благотворительности . . . 238
- Рукина Н.А.* Информационное воздействие на общественное мнение: теоретические подходы. 245

Рецензии

- Сушко В.А.* Логика и принципы конструирования количественного социологического исследования. Рецензия на учебное пособие Ю.П. Аверина “Теоретическое построение количественного социологического исследования”. 257

CONTENTS

Theory and history of sociology

- Polyakova N.L.* Sociological theories of social inequality in the second part of 20th century. Constructivist perspective 5
- Vasiliev V.P.* The role of globalization in the evolution of welfare state functions. 29
- Mamedov A.K., Yakushina O.I.* Theoretical approaches to identity in contemporary social science (review) 43
- Kataev D.V., Wolf H.* Autonomy and democracy in the theories of Max Weber and Cornelius Castoriadis 60
- Kozlova L.V.* The upper class analysis: foreign experience review 73

Sociology of the family

- Sinelnikov A.B.* Limits for expansion of borders of family and marriage 90

Political sociology

- Kochetkov V.V.* International political symbolism of the architecture of government buildings. 109

Sociology of religion

- Mchedlova H.M.* Differentiation of aspects of population’s religiosity in Russia research (2010–2012) 127

Social problems of modern Russian society

- Solovyev A.K.* Poverty of pensioners: factors of formation and overcoming condition 138
- Grechikhin V.G.* Social mobility factors in the Far Eastern Federal District of Russia 187
- Kon’kov A.T.* The problem of integration of ethnic migrants in the Russian Far East and its features in Sakhalin region 206

Word of the young scientist

- Bespalaya L.A.* Civil society in modern Russia: formation and development (based on Central Federal District’s materials) 221

Rakitina A. Yu. Social efficiency of charity 238
Rukina N.A. Informational influence on public opinion: theoretical approaches 245

Book review

Sushko V.A. Logic and principles of quantitative sociological research project (review of the training manual “Theoretical constructs of quantitative sociological research” by Yu.P. Averin) 257

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ СОЦИОЛОГИИ

Н.Л. Полякова, докт. социол. наук, проф. кафедры истории и теории социологии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова*

СОЦИАЛЬНОЕ НЕРАВЕНСТВО В СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ТЕОРИЯХ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX В. ОФОРМЛЕНИЕ КОНСТРУКТИВИСТСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЫ

N.L. Polyakova

SOCIOLOGICAL THEORIES OF SOCIAL INEQUALITY IN THE SECOND PART OF 20TH CENTURY. CONSTRUCTIVIST PERSPECTIVE

Статья посвящена анализу процессов трансформации, претерпеваемых системами социального неравенства обществ второй половины XX в., и соответствующим изменениям в методологических подходах к изучению этих явлений.

Ключевые слова: *неравенство, класс, статус, потребление, стиль жизни, жизненные шансы, символические блага, конструктивизм.*

The paper analyzes the transformation processes of the systems of social inequality in the second half of XX century societies. It also views the changes in sociological theories and their research methods brought about by these transformations.

Key words: *inequality, class, status, consumption, life style, life chances, symbolic goods, constructivism.*

В 1970-е гг. под влиянием общей социальной трансформации в социологической теории оформляются новые перспективы и интерпретации природы социального неравенства. Все они обретают смысл и содержание в рамках более общих теоретических конструкций, претендующих на социологический диагноз современности. Среди ведущих построений, посвященных исследованию природы социального неравенства, следует выделить концептуализацию социального неравенства в рамках постиндустриального, информационного и посткапиталистического контекстов, теорию современного неравенства в постмодернистском контексте и в конструктивистской перспективе. Все эти теории и подходы предлагают собственное видение природы социального неравенства, которое не всегда воплощается в конкретное теоретико-эмпирическое по-

* Полякова Наталья Львовна, e-mail: theory@socio.msu.ru

строение групп, статусов, властных позиций, однако всегда старается выявить и продемонстрировать процесс дифференциации индивидов и групп и основания этой дифференциации, а также формы современного неравенства.

Теории социального неравенства конца XX в. можно начинать рассматривать с теории Д. Белла в качестве центральной фигуры постиндустриального контекста.

Белл следующим образом определяет свою программу в области социологии: "...находясь у истоков новых головоломных социальных перемен, мы должны отступить от *теории*, если под таковой понимается модель социальной структуры, конкретизирующая определенное взаимодействие основных переменных величин системы, устанавливающая эмпирические закономерности, позволяющие предсказать будущие формы социальных взаимосвязей, и обеспечивающая принципиальное разъяснение их истории и функционирования. Мы вынуждены возвратиться к созданию новых парадигм в том смысле, в котором использовал данное понятие Т. Кун, то есть концептуальных построений, которые сами по себе не являются ни моделями, ни теориями, а точками зрения; на их основе могут строиться модели и развиваться теории"¹.

Белл противопоставляет свою концептуальную схему марксистской детерминистской методологии, основывающейся на идее базиса, укорененного в экономических отношениях и определяемой им надстройке. Детерминистская схема потерпела, согласно Беллу, неудачу, что выразилось в отказе социологической теории от "любой общей концепции социальной причинности и... от попыток поиска каких-либо глубинных основ общественной жизни"².

Идея постиндустриального общества не опирается и на концепцию социальной системы. Общества не являются столь *органичными* или настолько *интегрированными*, чтобы их можно было рассматривать как *единую систему*. Идея постиндустриализма обозначает перемены в *социальной структуре*, но отказывается от фиксации какой-либо зависимости между изменениями в социальной структуре и другими измерениями общества — политическим и культурным.

Идея постиндустриального общества обозначает новый осевой принцип социальной организации и определяет единую сумму проблем, с которыми придется столкнуться обществам, становящимся постиндустриальными. "Идея осевых принципов и структур является попыткой выявить не причинность (это может быть сделано лишь в теории эмпирических отношений), а централь-

ность. В поисках ответа на вопрос, как функционирует общество, эта идея стремится определить в рамках концептуальной схемы его *организующий* остов, вокруг которого группируются прочие институты, или *энергизирующий* принцип, логически обуславливающий все остальные"³.

Опираясь на "методологию осевых институтов, или принципов", вокруг которых сосредоточиваются другие институты и которые ставят перед обществом важнейшие проблемы, требующие своего решения, Белл указывает, что "в капиталистическом обществе осевым институтом была, например, частная собственность, а в постиндустриальном им является господствующая роль теоретических знаний"⁴.

Постиндустриальные общества по своим проблемам сливаются, по мнению Белла, с посткапиталистическими, определяющей особенностью социальной структуры которых стала научно-техническая революция, или то, что он называет "центральной ролью теоретического знания как главного принципа социальной организации", соответственно отличительным признаком новой системы социального неравенства становится разделение между научными и техническими классами, с одной стороны, и теми, кто останется вне этой категории, — с другой.

Однако роль определяющего фактора в переходе к новому обществу играет не технология, а характер политического менеджмента, который придает организованную форму этому новому стратегическому ресурсу и использует его для формирования новой политической системы. Белл при этом подчеркивает, что "одна из трудностей социального анализа заключается в переплетении и противоречивом характере этих принципов... Так, в системе стратификации, которую социологи считают основополагающей для любого общества, исторической базой власти служила собственность, а способом ее получения было наследование. Сегодня хотя собственность и остается важным базовым принципом, конкурирующим с ней принципом становится техническое мастерство (компетентность), доступ к которому обеспечивается образованием"⁵. Политические же должности превращаются в основу власти и привилегий, а политическая активность и кооптация становятся средствами доступа к этим постам.

По мнению Белла, концепция постиндустриального общества есть попытка объяснить коренное изменение в социальной структуре, определяемой как совокупность экономики, технологии и

¹ Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. М., 1999. С. 152.

² Там же. С. 12.

³ Там же. С. 13.

⁴ Там же. С. 155.

⁵ Там же. С. 156.

системы стратификации. При этом он подчеркивает, что “инициатива реорганизации общества сегодня исходит в значительной степени от политической системы... Принципиальный водораздел современного общества не проходит между собственниками средств производства и однородным пролетариатом, а обозначен бюрократическими и властными отношениями между теми, кто имеет полномочия принимать решения, и теми, кто лишен таковых, и это касается любых организационных единиц — политических, экономических и социальных. Задачей политической системы становится управление этими отношениями в соответствии с разного рода давлениями, оказываемыми с целью перераспределения национального достояния и обеспечения социальной справедливости”⁶.

Основой неравенства в постиндустриальном обществе являются не собственность и военная сила, как в доиндустриальном, и не собственность, политическая организация и технические знания, как в индустриальном, а прежде всего технические знания и политическая организация, при этом и доступ к власти определяется “образованием, мобилизацией и кооптацией”.

Система социальной стратификации формируется, по мнению Белла, на основе меритократического механизма, базирующегося на образовании. Основой социального неравенства в постиндустриальном обществе является различие в способностях и новых, приобретенных в процессе образования знаниях и компетенциях. Образование становится главным механизмом доступа к различным социальным позициям и основой социальной мобильности. Белл одним из первых среди социологов начинает использовать понятие “доступ” в качестве обозначения механизма, формирующего систему социального неравенства, использование которого социальными агентами указывает на конструктивистские основания статуса.

Стратификационная схема имеет у Белла сложную и одновременно динамичную структуру, позволяющую не просто зафиксировать систему социального неравенства общества через концепцию статусной и ситуативной дифференциации, но и продемонстрировать процесс оформления и поддержания этого динамичного неравенства через концепцию “контролирующей системы”, совпадающей с политической организацией общества.

Статусные группы — это ось стратификации, которая выстраивается исходя из знания, это иерархизированные горизонтальные структуры. Среди статусных групп выделяются: а) класс профессионалов, в который включены четыре сословия — научное, технологическое, административное и культурологическое; б) техники и

полупрофессионалы; в) служащие и торговые работники; г) ремесленники и полуквалифицированные рабочие (синие воротнички). С точки зрения статуса (престиж, признание и доход) класс профессионалов является высшим классом постиндустриального общества. Ситуативные группы — это сферы приложения профессиональной деятельности, образующие вертикальные структуры. В них выделяются: а) экономические предприятия и коммерческие фирмы; б) правительство (юридическая и административная бюрократия); в) университеты и научно-исследовательские институты; г) социальная сфера (больницы, службы быта и т.д.); д) военные.

Социальная структура постиндустриального общества, как уже говорилось, имеет у Белла еще и третью составляющую — контролирующую систему, представляющую собой политическую организацию общества. Это: а) высшие эшелоны власти и б) политические группы — социальные объединения и группы давления, такие, как партии, элиты, мобилизационные группы — функциональные (деловые, профессиональные и др.), этнические, узконаправленные функциональные и группы носителей специфических интересов (молодежь, женщины, гомосексуалисты и т.д.).

Вывод, который следует сделать из рассмотрения теоретического построения Белла, в частности из его теории социального неравенства, состоит не только в том, что система социального неравенства в постиндустриальном обществе формируется на основе владения современным знанием, доступ к которому открывает система высшего образования, и именно она становится стержнем современной меритократии как принципа социальной дифференциации. Не менее важным представляется также указание Белла на то, что система социального неравенства формируется в сфере политического процесса. Это означает, что демократическая меритократическая система образования, лежащая в основе современного постиндустриального неравенства, является механизмом, использование которого делает социальный статус результатом индивидуального конструирования и достижения. Эту возможность следует охарактеризовать как субъектно-операциональный компонент статуса.

В этой связи следует обратить внимание на следующий вывод Белла. Он пишет: “Если важнейший исторический поворот последней четверти века сводится к подчинению экономической функции социальным целям, то политическая система неизбежно превращается в контролирующую структуру общества... Прежде всего это изменение может означать, что традиционные социальные конфликты просто сместились из одной сферы в другую, что борьба традиционных классов в сфере экономики, где ранее люди добивались сравнительных преимуществ в статусе, привилегиях

⁶ Там же. С. 161–162.

и влиянии, в настоящее время переместилась в сферу политики... Именно этот процесс происходил в последние годы, и он будет продолжаться в будущем”⁷.

Противопоставленная субстанциально-структуралистской индивидуально-конструктивистская природа социального неравенства еще более очевидным образом фиксируется в теориях информационного общества, в которых знание и образование как индивидуальный ресурс замещаются социальной информацией, которой владеет и которую может как ставку в социальной игре использовать индивид.

Теория социального неравенства Ф. Ферраротти, как представителя теории информационного общества, опирается на идею современности как определяемую организационно-корпоративными и информационными процессами, сделавшими субстанциально-экономическое представление о классе исторически неадекватным. Ферраротти предлагает иное, информационное, прочтение проблемы социального неравенства, кристаллизация и оформление которого возможны только на основе конструктивистского подхода.

Основной формой социальной организации в информационном обществе для Ферраротти выступает корпорация. Технократическая корпорация агрессивно устанавливает свою власть, навязывает своим членам все более жесткое взаимодействие и интеграцию, манипулирует каналами производства и потребления, создает новые формы неравенства и привилегии. Основу функционирования корпорации составляет информация. Накопление знания и информации необходимо для осуществления власти и принятия решения. Владеть информацией, значит обладать властью. Причем речь идет не просто об информации, как подчеркивает Ферраротти, а о социальной информации.

Понятие *социальная информация* является ключевым понятием в теории информационного общества Ферраротти. *Социальную* информацию нельзя путать с *коллективной* информацией — миром коллективных знаков и сообщений средств массовых коммуникаций и других знаков нашего повседневного опыта. “Социальная информация — это такая информация, которая охватывает все политические и социально значимые темы, относящиеся к взаимодействию граждан и институтов. В этом смысле вполне правомерно утверждать, что социальная информация относится к самому понятию власти и входит в него”⁸. Тот, кто контролирует систему социальных коммуникаций, тот имеет власть и оказывает влияние.

⁷ Там же. С. 503.

⁸ *Ferrarotti F.* The myth of inevitable progress. Westport; L., 1985. P. 157.

Поиск информации является выражением активной социальной политики. Отсутствие информации означает неучастие в системах принятия решения и организации, т.е. оборачивается отчуждением.

Прямым следствием такого процесса является возникновение новых форм неравенства и эксплуатации, таких, как манипулирование посредством внушения нереальных надежд и потребностей, создание потребителя. Типология этого нового неравенства и эксплуатации основана не на анализе ежедневного труда, описанного К. Марксом в “Капитале”, а на новых реальных и существенных фактах современной жизни, которыми являются *изоляция, сегрегация, одиночество, отрицание, исключение*. “Быть эксплуатируемым в современном мире, — пишет Ферраротти, — значит быть на краю, быть оторванным от информации”⁹. Современная власть эксплуатирует и угнетает не посредством некоторых прямых действий, которые могут быть объективно и логически оценены на основе предполагаемых действий и реально полученных результатов, она угнетает, игнорируя, отказываясь вмешиваться, предпринимать действия.

Быть отчужденным для индивида или группы означает не только оказаться “на краю”, быть подконтрольным или лишенным влияния. Быть отчужденным предполагает также потерю личностной идентичности и сведение своей личности к набору ролей в системе обмена и организации. Отчуждение включено также в потребительское поведение, диктуемое не личными запросами и потребностями, но рекламой и интересами производителя, а также в поведение на производстве, при котором физические и умственные рабочие затраты не сбалансированы их восстановлением вне работы и т.п. Главный социальный конфликт информационного общества касается всего общества, а не каких-то его сегментов. Он формулируется как борьба за право самоопределения каждого индивида перед лицом глобальных социальных структур, как самозащита, как защита своего “Я” и своей идентичности.

Ферраротти выделяет типы и уровни социальной информации, на которых осуществляется современная эксплуатация и выстраивается современное неравенство путем лишения человека этой информации. 1. Информация, касающаяся служб социального обеспечения и страхования. Роль этой информации чрезвычайно высока, особенно в каждодневной жизни: она касается взаимодействия граждан и институтов, предоставляющих соответствующие услуги. 2. Информация, касающаяся сферы рационального социального действия, создания средств, необходимых в данном обществе для реализации поставленных индивидом целей. 3. Информация, ка-

⁹ Ibid. P. 161.

сающаяся рационального планирования и социального изменения на надиндивидуальном уровне.

Эти три типа социальной информации являются ресурсами, которые может и должен использовать каждый индивид в рамках своей социальной деятельности, в том числе и для избежания попадания в ситуацию отчуждения, социальной эксплуатации. В зависимости от того, насколько успешно человек способен на индивидуальном уровне осуществлять поиск и применение полученной информации, настолько он успешен в деле преодоления депривации и неравенства.

Информационная природа современного неравенства приводит к тому, что “диалектическая игра внутреннего взаимодействия между социальными силами, трудом и политикой блокируется”¹⁰ и все большую значимость приобретает “новый социально ориентированный индивидуализм”.

Этот “новый социально ориентированный индивидуализм” выстраивает новую систему социального неравенства и требует создания новых теоретических моделей для исследования новых форм, в которых это неравенство проявляется.

Методологической основой для исследования этих новых форм неравенства стала модель “позиционной структуры” общества. Две концептуализации, созданные в социологии конца XX в., имеют в этом плане фундаментальное значение. В них осуществляется отказ от субстанциально-структурного подхода в теориях социальной структуры общества. Речь идет о концепциях Р. Дарендорфа и П. Бурдьё.

Р. Дарендорф является одним из ведущих теоретиков дискурса “конца труда” и “конца трудового общества”, оформившегося в конце 1960-х — начале 1970-х гг. В соответствии с теориями конца труда и трудового общества производственная сфера уже не определяет все остальные сферы жизни и общества, систему неравенства и социальных конфликтов, а рабочий класс уже не является ведущим социальным агентом, определяющим тип и интенсивность главного социального конфликта. Более того, рабочий класс не является классом в классическом марксистском понимании этого термина, а классическая марксистская теория классов и социального неравенства не соответствует социальным реалиям обществ середины и конца XX в. Капиталистическое общество, состоящее из двух больших классов буржуазии и пролетариата, которые противостоят друг другу в системе производства, распределения, обмена и потребления, — социологическая фикция, которую невозможно обнаружить в обществах середины и конца XX в.

Налицо нестабильность классовых образований и снижение интенсивности классового конфликта. Старая классовая модель, по мнению Дарендорфа, очевидно, утратила свое значение и поэтому должна быть переосмыслена.

Это переосмысление связано у Дарендорфа с процессами, зафиксированными теоретиками и критиками теорий менеджериального общества, теоретиками корпоративного общества. Вместе с этими исследователями Дарендорф считает, что роль и значение собственности в качестве фундаментального социального факта, определяющего все остальные измерения жизни общества, должны быть переосмыслены в пользу чего-то более фундаментального. Этим более фундаментальным фактом и основанием является власть, а собственность есть лишь частный случай власти, который приобрел особое значение в конкретный исторический период, связанный с процессами капиталистической промышленной модернизации конца XVIII—XIX в. Общества конца XX в. Дарендорф именуется посткапиталистическими.

Поэтому основой нового определения неравенства в этих обществах должны стать отношения господства и подчинения, т.е. причастность к тем или иным властным позициям, а не наличие или отсутствие у людей собственности. Собственность в этой паре подчинена и производна от власти.

Разработка проблемы социального доминирования становится у Дарендорфа основанием для разработки проблемы социального неравенства и его современных форм. Доминирование всегда выражается в форме конфликта, поэтому исследование природы современного конфликта становится ключом к пониманию современного неравенства. Дарендорф фиксирует очевидный процесс, наблюдаемый в современных обществах: “Вместо соединения и формулирования своих требований в качестве членов однородных социальных групп люди предпочитают конкурировать друг с другом в качестве самостоятельных индивидов”¹¹. Эта конкуренция является конкуренцией за свои возможности, личные жизненные шансы и осуществляется она в поле социальных позиций.

Дарендорф разрабатывает свою “позиционную структуру” общества как методологическую и теоретическую основу для выявления природы и построения концепций власти, доминирования, конфликта и неравенства в современных обществах. Дарендорф пишет: “Позиционная структура общества получает жизнь только благодаря тому, что мы есть что-то определенное и всегда делаем что-то определенное, или, говоря более точно, что всякая социальная позиция не просто помещает нас в поле иных позиций, но

¹⁰ Ibid. P. 82.

¹¹ Dahrendorf R. Class and class conflict in industrial society. Stanford, 1959. P. 60.

и в горизонт более или менее специфических ожиданий нашего поведения. Каждой позиции принадлежит социальная роль, т.е. множество способов поведения, заданных носителю роли (позиции) в конкретном обществе”¹².

Социальные роли — это формы и способы принуждения, существующие в данном обществе, призванные ограничить индивидуальные стремления и желания или выступить их гарантией и поддержкой. Ролевая система общества обязательным образом содержит соответствующие социальные санкции поощрения или наказания. Доступ к таким санкциям является основой господства одних над другими, основой социального неравенства: “Истоки неравенства между людьми, следовательно, заключаются в существовании во всех человеческих обществах норм поведения, снабженных санкциями”¹³. Общество в целом и каждый его сегмент в отдельности выступают в результате как “принудительно скоординированная” ассоциация, основу которой составляют отношения власти и неравенства, воплощаемые в господствующую систему ролей и санкций и переводимые в систему статусов, неравенств и классов.

Позиционное неравенство может порождать классы, классовое неравенство и конфликты, однако не следует забывать еще об одном фундаментальном процессе, определяющем движение и изменение современных обществ. Речь идет о теории и практике движения к равенству в обществах XX в. Это движение к равенству привело к изменению тем и условий классового конфликта, более того, оно, возможно, во многом и определило тот факт, что концепция класса стала неадекватной. Однако никакое движение к равенству не устраняет позиционного неравенства, не устраняет позиционного конфликта.

Это позиционное неравенство Дарендорф считает возможным передать через понятие “жизненные шансы”, заимствованное им у М. Вебера. Следуя веберовской логике индивидуального социального действия, помещенного в условия “рыночной” ситуации, Дарендорф посредством теории жизненных шансов переводит нормативно-ролевую позиционную теорию социального неравенства в теорию индивидуальной социальной мобильности, отвечая таким образом на главный вопрос: как люди в современных обществах конкурируют друг с другом индивидуальным образом, а не в качестве представителей класса и решают проблему социальной мобильности? Ответ на этот вопрос дает ответ на вопрос о природе

современного социального неравенства, которое имеет индивидуальный, а не классовый характер. Социальное неравенство — это неравенство жизненных шансов.

Жизненные шансы — это, согласно Дарендорфу, сумма всех общих возможностей, предлагаемых индивиду обществом в целом или позицией, которую он занимает в обществе. Жизненные шансы являются функцией двух элементов — опций и лигатур. Опции — это специфические комбинации прав и их обеспечения, это возможности выбора. Лигатуры — это социальные связи человека с различными важными для него ценностями и социальными группами. Возможности и социальные связи являются элементами социальной структуры, т.е. они предстают как элементы социальных ролей, а не как случайные объекты индивидуальных желаний и капризов. Жизненные шансы определяют выбор траектории индивидуального действия, возникающий из взаимосвязи возможностей и социальных связей.

В своих работах Дарендорф провозглашает неравенство в качестве главной ценности и цели общественной жизни. Важнейшие источники неравенства, такие, как различия в образовании, работе, возможности распоряжаться своим временем, невозможно устранить. Такое неравенство просто должно сочетаться с предоставлением всем полных гражданских прав и исключать право одних произвольно ограничивать шансы на вертикальную мобильность других. Именно в этом контексте Дарендорф и трактует центральное понятие своей теории — “жизненные шансы”, призванное зафиксировать индивидуальное положение человека в общей системе социального неравенства.

Концепция позиционной структуры и соответственно позиционной структуры социального неравенства с не меньшим успехом была разработана П. Бурдьё, который, опираясь на методологию “конструктивистского структурализма” или “двойного структурирования”, разработал теорию “социальной таксономии” как теорию природы социального неравенства.

Теория социального неравенства Бурдьё является производной от его общего методологического подхода, который он сам определяет как “конструктивистский структурализм”, или “структуралистский конструктивизм”. Базовой категорией социологической теории становится понятие “двойного структурирования”. Его содержание состоит в одновременном использовании двух подходов: структурализма, постулирующего существование объективных структур, способных организовывать и даже стимулировать те или иные действия или стремления людей, и конструктивизма, утверждающего активность субъектов в конструировании объектов и структур с опорой на жизненный опыт и опыт социализации.

¹² Dahrendorf R. Homo Sociologicus. Opladen, 1973. S. 99.

¹³ Дарендорф Р. Тропы из утопии. Работы по теории и истории социологии. М., 2002. С. 506.

Таким образом, социальные структуры обуславливают практики и представления агентов, но агенты производят практики и тем самым не только воспроизводят, но и преобразуют структуры.

Агент и структура связаны диалектически, и это требует введения соответствующих данной позиции понятий, которые бы ее зафиксировали. Во-первых, Бурдье выводит агента на субъектный уровень, подчеркивая не только активную, но и личностную роль агентов в воспроизводстве и производстве социальной реальности. Бурдье подчеркивает не только роль “инкорпорированных структур” — практических схем, являющихся продуктом интериоризации объективных социальных структур, но и “габитуса” — системы прочных, приобретенных предрасположенностей восприятия, мышления, чувствования (диспозиций), которые используются индивидом как исходные установки в процессе производства конкретных социальных практик. Способность индивида спонтанно ориентироваться в социальной реальности и адекватно реагировать на события и ситуации, которая складывается как результат работы по образованию и воспитанию в процессе социализации, а также продолжает корректироваться на протяжении всей жизни, кристаллизуется в соответствующий социальным условиям жизни и становления индивида тип габитуса.

Во-вторых, Бурдье разрабатывает понятие “социальное пространство” как мыслимый конструкт, как среду, в которой осуществляются социальные отношения. Социальное пространство при этом структурируется на ряд подпространств — “полей” (поле экономики, поле политики и т.д.). Поле — это относительно самостоятельная подсистема социальных отношений в общей системе социальных отношений, или социального пространства.

Целостное социальное пространство структурируется различными полями, а каждое конкретное поле структурируется как “поле сил (в котором присутствуют господствующие и подчиненные, связанные постоянными отношениями неравенства), но в то же время это поле борьбы за изменение или сохранение данного распределения сил. Внутри данного универсума каждый использует в конкурентной борьбе с другими силу (относительную), которой он располагает и которая определяет его положение в поле и, следовательно, стратегии этой борьбы”¹⁴. Концепция поля, таким образом, становится у Бурдье теоретическим основанием его теории социального неравенства.

Важнейшей характеристикой поля является форма взаимодействий между агентами — силовое взаимодействие господствующих и подчиненных, связанных постоянными отношениями неравен-

ства. Агенты определяются через занимаемые ими позиции, которые отличаются друг от друга сочетанием “объективированных в них капиталов” и как следствие — специфической властью и влиянием, получаемой материальной и символической прибылью, а также ценой, которую надо “заплатить”, чтобы занять ту или иную позицию.

Поля, таким образом, — это структурированные пространства неравных позиций. Ансамбль этих позиций определяется логикой борьбы за различные возможности — распределение капиталов, существующие классификации и иерархии, отношения господства и подчинения, доступ к власти.

Рассмотрение природы различных ресурсов в борьбе за занятие определенной позиции в рамках любого социального поля привело Бурдье к выводу, что за всем разнообразием этих ресурсов скрываются четыре категории капиталов: экономический капитал (обладание материальными благами — деньгами и товарами), культурный капитал (образование и соответствующий диплом, а также культурный уровень, полученный в процессе социализации), социальный капитал (ресурсы, связанные с принадлежностью к группе, которыми можно воспользоваться только посредством группы: семьи, друзей, клуба, церкви и т.д.), символический капитал (разновидность социального капитала, который связан с обладанием репутацией, признанием, авторитетом). Именно эти четыре типа капиталов и составляют основание социального неравенства.

Позиция агента в социальном пространстве определяется его позициями в различных полях, т.е. распределением власти в каждом отдельном поле, а также соответствующими видами капитала: экономического, культурного, социального и символического (престиж, репутация, имя). Важно, что именно символический капитал аккумулирует все другие виды капитала и именно в этой форме осуществляется их легитимация.

Бурдье выстраивает “упрощенную модель социального поля”¹⁵ — поля социально-статусных позиций как поля, имеющего свою собственную логику, собственную иерархию. При этом Бурдье указывает, что, несмотря на то что каждое поле, в том числе и социальное, имеет свою иерархию, определяемую иерархией вовлеченных в игру капиталов, тем не менее следует помнить, что экономическое поле и экономический капитал стремятся доминировать и навязать свою структуру другим полям.

Социальное поле Бурдье описывает как многомерное пространство позиций, в котором каждая позиция определена исходя из многомерной системы координат: по общему объему капитала,

¹⁴ Бурдье П. О телевидении и журналистике. М., 2002. С. 57.

¹⁵ См.: Бурдье П. Социология социального пространства. М.; СПб., 2007. С. 16.

которым они располагают, а также по относительному весу различных видов капитала. Структура капиталов определяет соотношение силы между агентами. Агенты определяются “объективно” по их позициям в этих отношениях, институционализированных, устойчивых, признанных социально и даже юридически гарантированных статусах.

На базе знания пространства позиций можно, согласно Бурдье, вычленив *классы* в логическом смысле этого слова — как совокупность агентов, занимающих сходную позицию, которые имеют шансы обладать сходными диспозициями и интересами, производить сходные практики. Однако этот класс является “классом на бумаге” и имеет лишь теоретическое существование, являясь продуктом объяснительной классификации, такой же, как, например, классификации, создаваемые в ботанике или зоологии. Они позволяют объяснить и предвидеть практики и свойства классифицируемых, их поведение, ведущее к объединению в группу. «Однако реально это не класс... в смысле группы, причем группы “мобилизационной”, готовой к борьбе... это лишь *возможный* класс»¹⁶. Классы, которые можно вычленив в социальном пространстве, не существуют как реальные группы, считает Бурдье. Они лишь объясняют вероятность своей организации в практические группы, семьи, ассоциации, профсоюзные или политические движения и являются результатом “работы представления”, которая ведется агентами непрерывно с целью навязать свое видение мира, свое положение в нем, свою идентичность.

“Что существует, — подчеркивает Бурдье, — так это *пространство отношений*, которое столь же реально, как географическое пространство, перемещения внутри которого оплачиваются работой, усилиями и в особенности временем”¹⁷. Это работа по выработке категорий по экспликации и классификации, которая ведется «в каждый момент обыденного существования, вследствие той борьбы, которая сталкивает агентов, имеющих различные ощущения социального мира и позиции в этом мире, различную социальную идентичность, при помощи всевозможного рода формул: хороших или плохих заявлений, благословений или проклятий, злословий или похвал, поздравлений, славословий, комплиментов или оскорблений, упреков, критики, обвинений, клеветы и т.п. Неслучайно *kategorothai*, от которого происходят категории и категоремы, означает “обвинить публично”»¹⁸. Называть и вызывать к существованию при помощи номинации — это и есть власть (символическая по своему источнику), образовать группы, фор-

мирау здравый смысл, консенсус как основание для любой группы. Восприятие социального мира структурировано схемами восприятия и оценивания, и все, что представлено, в частности, в языке, есть, как подчеркивает Бурдье, продукт символической борьбы и выражает распределение символических сил.

В известной мере схематизируя позицию Бурдье, можно констатировать, что его теория современного неравенства выстраивается, во-первых, как позиционное неравенство в каждом из полей, базирующееся на обладаемом индивидом капитале, востребованном данным конкретным полем; и, во-вторых, как неравенство в социальном поле, которое определяется совокупным капиталом индивида и является результатом процесса символической категоризации. Поэтому классы как субстанциальные реальные группы перестают существовать, а современные классы являются “классами на бумаге”.

Именно посредством “работы представления”, посредством классификации и категоризации, посредством распределения свойств социальный мир приходит к статусу *символической системы*, которая организуется по типу «системы феноменов в соответствии с логикой различения отдельных расхождений, а также заключающейся в значимых *различениях*. Социальное пространство и различия, которые проявляются в нем “спонтанно”, стремятся функционировать символически как *пространство стилей жизни* или как множество *Stände* (сословий), групп, характеризующихся различным стилем жизни»¹⁹. “Стили жизни”, таким образом, репрезентируют социальное неравенство, представляющее как результат символической категоризации.

“Стили жизни” жестко увязаны с категорией “различения”. Бурдье указывает, что социальные агенты, способные воспринимать в качестве значимых спонтанные различия, которые категории перцепции заставляют считать уместными, способны удваивать эти различия в стиле жизни при помощи “стилизации жизни”, которые можно увидеть в манере говорить, в отказе от мезальянса и т.д.

Основное произведение Бурдье, посвященное функционированию стиля жизни как показателя социального положения индивида, — это работа “Различение”. В ней сделана попытка продемонстрировать, каким образом социально усвоенные вкусы индивидов определяют их положение в рамках социальной иерархии. Опираясь на эту работу Бурдье, многие исследователи стремились очертить различные вкусы людей, принадлежащих к определенным социальным группам общества, и рассматривали этот кластер показателей, объединенных в “стиль жизни”, в качестве

¹⁶ Там же. С. 18.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же. С. 24.

¹⁹ Там же. С. 25.

показателя, позволяющего аналитически структурировать социальную топологию. Лишенные методологического и теоретического видения, разработанный Бурдье, и прежде всего лишенные опоры на принцип “двойного структурирования”, эти исследования предстают как малоубедительные при анализе проблем социального неравенства.

Следует помнить, что символическая номинация, реализующая себя в стиле жизни, самым серьезным образом, как подчеркивает Бурдье, находится под влиянием экономического и политического полей. Широко же распространенные в 1980–1990-е гг. исследования стиля жизни, несмотря на свои ссылки на работы Бурдье, осуществляются скорее в русле постмодернистских подходов в сочетании с анализом культуры. В рамках этих подходов утверждается, что современная постмодернистская потребительская культура в основе своей содержит распространение информации и размножение образов, не связанных с потребительской культурой устойчивых и ушедших в прошлое статусных групп, и не поддается иерархическому символическому упорядочиванию, соотносимому с социальным порядком и господствующей иерархией.

Современная потребительская культура и создаваемые в ней стили жизни, как считают эти исследователи, примером которых может служить М. Фезерстоун, создают иной, “культуралистский” порядок, в рамках которого ликвидируется связь между обществом и культурой, что предстает как победа “означающей”, “символизирующей” культуры и “конец социального” как основного тезиса в рамках современного социального анализа. “Нет правил, есть только акты выбора” и “Каждый может стать кем угодно” — таковы девизы постмодернистских исследовательских проектов²⁰.

Однако эта позиция современных “cultural studies” поддерживается не во всем и не всеми социологами постмодернистского направления. Примерами в этом отношении является теория неравенства, разработанная в перспективе общества потребления Ж. Бодрийаром (1970), и довольно недавняя теория неравенства З. Баумана (2000).

Первые наброски “общества потребления” как теоретической схемы, призванной описать новые явления в социальной и экономической структуре обществ последней трети XX в., оформились в рамках теорий роста и всеобщего благоденствия. Именно в рамках этих теорий был создан тезис, или эйфория, эгалитарный миф, как назвал этот тезис Бодрийяр, о том, что “рост ведет к изобилию, а значит, к равенству”. Согласно этому “мифу”, богатство

больше не влечет за собой фундаментальных преимуществ, таких как наличие власти, престижа, отличия у одних социальных групп и отсутствие их у других, которые оно некогда порождало в социальной системе отношений. Закончилась власть собственников и акционеров, закончилось потребление напоказ, закончились “великие состояния”. Власть и престиж перешли к группам экспертов и специалистов, интеллектуалам и даже ученым, оформилось всеобщее равенство в потреблении. Бодрийяр считает подобный тезис, наиболее ярко присутствующий у Дж. Гелбрейта, ложным и взамен его предлагает другое видение: сам рост является следствием неравенства. «Именно необходимость самосохранения “неэгалитарного социального порядка”, основанного на привилегиях социальной структуры, производит и воспроизводит рост как свой стратегический элемент»²¹. Направленное выравнивание доходов — именно на этом уровне действует, по мнению Бодрийяра, эгалитарный миф — необходимо для процессов экономического роста, который “воспроизводит общественный порядок с его структурой привилегий и классово власти”²².

«Социальное различие, власть и т.д., оставаясь *существенными*, перенесены в иное место, они не связаны больше с доходом или простым богатством. Неважно в этих условиях, что все доходы в конечном счете станут равны, система может даже позволить себе роскошь сделать большой шаг в этом направлении, *ибо теперь не в этом заключается* главное содержание “неравенства”. Знание, культура, структуры, берущие на себя ответственность за решение, власть — все эти критерии хотя еще во многом связаны с богатством и уровнем дохода, далеко отодвинули последние и с ними внешние проявления статуса в системе общественных ценностей, в иерархии критериев “силы”»²³, — утверждает Бодрийяр.

Богатый человек, подчеркивает Бодрийяр, больше не “ослепляет”, ситуация стала тоньше. Он “ультрадифференцируется”, “верхотличается” манерой потребления, стилем, поддерживает свою привилегированность, переходя от хвастовства к свертххвастливой “скромности”, от количества потребляемых благ — к изысканности, от денег — к культуре. Неравенство не уменьшилось, оно перенесено на другой уровень. Обычные предметы потребления все меньше отражают социальное положение, а в силу того что налицо рост доходов и смягчение в их различии, старый тип потребления утрачивает свою роль в оформлении статуса и уступает место другим критериям и другому потребительскому поведению.

²¹ Бодрийяр Ж. Общество потребления. М., 2006. С. 78.

²² Там же. С. 79.

²³ Там же.

²⁰ См., например: Featherstone M. Lifestyle and consumer culture // Theory, culture and society. L., 1987. Vol. 4. P. 55–70.

Современное общество потребления развивает новые сегрегации и новые неравенства, социальная иерархия приобретает более тонкие критерии, такие, как тип труда и ответственности, участие в принятии решений, уровень воспитания и культуры, способ потребления обычных благ, знание и власть. Вещи сегодня менее важны, чем пространство и социальная маркировка пространства, природа, чистый воздух и тишина в месте проживания.

Потребление — индивидуализированный процесс, и именно в нем находит свое выражение вечная погоня за статусом. Современная специфика этого потребления такова, что тема тела становится главной в теории потребления и косвенно — в теории неравенства. Тело нарциссически избрано, как показывает Бодрийяр, как объект “эротизированной заботы” и одновременно “соматически” превращено в объект тревоги и агрессивности. Поэтому теория тела и его статуса как объекта вождения и потребления становится компонентом современных теорий социального неравенства. Не важно, что ты делаешь, важно, какой ты, как скажет позднее З. Бауман.

Современное общество потребления создает, как считает Бодрийяр, новую форму репрессии и насилия. Этой формой насилия является само потребление, порождающее хроническую и неконтролируемую усталость и астению. Вместо того чтобы уравнивать шансы и сглаживать социальное соперничество, процесс потребления делает экономическую и статусную конкуренцию более сильной и острой. “С потреблением мы оказываемся, — указывает Бодрийяр, — в обществе распространившейся, *тотальной* конкуренции, которая действует на всех уровнях — на экономическом, на уровне знания, желания, тела, знаков и импульсов; все вещи отныне *производятся* как меновые ценности в непрерывном процессе дифференциации и сверхдифференциации”²⁴. Все индивиды и целые социальные категории охвачены императивом конкуренции и восходящей социальной мобильности, посредством глобального процесса “конверсии”, “символического” трансферта нехватки в длинную цепь знаков²⁵.

В основе потребления лежит социальная логика удовлетворения. Низшие и средние классы потребляют вещи, высшие реализуют свою потребительскую активность в сфере культуры и власти. Потребление — это всегда манипуляция предметами как знаками, которые “отличают”, либо присоединяя к своей группе, либо “отделяя” от своей и присоединяя к более статусной группе. Потребление — это механизм статусной дифференциации, в результате которого каждый вписывается в общество.

²⁴ Там же. С. 231.

²⁵ Там же. С. 233.

Еще одной влиятельной современной теорией неравенства, созданной на основе сочетания постмодернизма с критической теорией, является теория З. Баумана. Теория неравенства у З. Баумана не связана ни с теорией групп, ни с теорией классов или страт. Его подход индивидуалистичен в том простом смысле слова, что теория неравенства увязывает последнее с индивидуальной позицией человека в системе социальных отношений.

Основание теории неравенства у Баумана составляет теория социального действия, свободы и власти. Он пишет: “Тот факт, что люди различаются по степени свободы выбора, по характеру действий, которые они могут предпринять, и составляет сущность *социального неравенства* (т.е. социальных по своему происхождению различий между людьми; таких различий, которые были порождены и поддерживаются человеческими взаимодействиями и которые могут быть перераспределены или вообще устранены с изменением самих этих взаимодействий). Некоторые люди более свободны, чем другие: их выбор гораздо шире, поскольку они имеют доступ к большему количеству ресурсов и в их распоряжении имеется гораздо более широкий круг ценностей (обладание этими ценностями для них вполне реально и возможно, тогда как для менее удачливых они остаются, скорее, идеалом, недостижимой и безнадежной мечтой)”²⁶.

Различия в степени свободы следует понимать как различия в степени властвования, т.е. как степень возможности осуществлять действие, выбирать его цель и распоряжаться средствами, с опорой на которые возможно достижение цели. Чем больше у человека власти, тем шире возможности его выбора, круг целей. “Обладание властью позволяет действовать более свободно, а отсутствие власти или ее недостаток... означает, что свобода выбора ограничена решениями, которые принимают другие”²⁷.

Более полно природа современного неравенства раскрывается Бауманом в его теории “легкого капитализма”. Концепция легкого капитализма становится рамочной теоретической схемой, в перспективе которой выстраиваются последовательно теория индивидуализированного общества, теория потребления и теория идентичности, служащие основанием теории неравенства.

Бауман убедительным образом обосновывает значимость теории потребления при построении теории неравенства. Это обоснование укоренено в его теории текущей современности, являющейся синонимичным таким понятиям, как “постмодерн”, или “второй модерн”, у У. Бека, “легкий капитализм”, “постфордизм” и т.п.

²⁶ Бауман З. Мыслить социологически. М., 1996. С. 120.

²⁷ Там же. С. 121.

Понятие “текущая современность” раскрывается им через противопоставление “тяжелого” и “легкого” капитализма. “Способ понимания людьми мира, — пишет Бауман, — всегда имел тенденцию быть праксеоморфным: он всегда формировался под влиянием ноу-хау текущего дня, того, посредством чего люди могут действовать, и того, как они обычно действуют”²⁸. В этом плане для эпохи тяжелого капитализма фордистская модель являлась эпистемологическим фундаментом, на котором было воздвигнуто все представление о мире. Фордистскому заводу не было альтернативы, как и не было никаких препятствий для распространения фордистской модели на каждый аспект общества. «Фордизм был самосознанием общества в его “тяжелой”, “громоздкой” или “неподвижной” и “укоренившейся” “твердой фазе”. На этом этапе истории капитал, управление и труд были... обречены существовать в компании друг друга, связанными на протяжении долгого времени... конгломератами огромных заводов, крупных станков и массивом рабочей силы... Невидимая цепь, связывающая работников с рабочими местами и мешающая их мобильности, была... сердцем фордизма. Разрыв этих оков был также решающим, ключевым изменением жизненных порядков, связанных с упадком и ускоряющейся кончиной фордистской модели»²⁹.

Конец фордистской модели означал конец тяжелого капитализма и появление капитализма легкого. В легком капитализме капитал не привязан к месту, он путешествует налегке, “с багажом, состоящим лишь из портфеля, сотового телефона и портативного компьютера”. Место, к которому был ранее привязан труд, потеряло былую надежность, трудовая карьера более не связана с одним и тем же местом работы, с классом. Капитал и искусство управления в эпоху легкого капитализма направлены на высвобождение людских ресурсов, приведение их в движение: “краткие встречи заменяют длительные отношения” тяжелого капитализма, подвижная, текущая современность заменяет структурированное и “надежное” прошлое.

Капитал путешествует быстро и налегке, но эти его невесомость и подвижность превратились в главный источник неуверенности всех остальных. Неуверенность, неопределенность и негарантированность стали основой доминирования и основным фактором разделения общества. Бауман описывает это, используя очень яркий образ: «Пассажиры корабля “тяжелого капитализма” верили (правда, не всегда дальновидно), что отдельные члены команды, которым было дано право забираться на капитанский мостик, бу-

дут вести корабль к пункту его назначения... Пассажиры самолета “легкого капитализма”, напротив, к своему ужасу обнаруживали, что кабина пилотов пуста и что нет никакой возможности добиться от загадочного черного ящика с надписью “автопилот” информации, куда самолет летит, где собирается приземлиться, кто выбирает аэропорт и существуют ли какие-либо правила, позволяющие пассажирам обеспечить безопасную посадку»³⁰. Новизна момента состоит в том, что постфордистское общество легкого капитализма — это индивидуализированное общество с высочайшим уровнем неопределенности, которое содержит и порождает новые, глубинные и тяжело переживаемые формы социального неравенства.

Определенность и даже прозрачность тяжелого капитализма были обусловлены наличием в обществе представлений об общем благе, о хорошем и справедливом обществе, а также четкой концептуализацией как коллективных, так и индивидуальных интересов. Эти моменты утрачиваются в индивидуализированном и неопределенном обществе легкого капитализма. Сфера политики — это уже не проблема справедливости, она сужается до публичных исповедей, демонстрации интимной жизни, обсуждения частных достоинств или недостатков, публике упорно доказывается тезис о приоритете идентичности над интересами, “утверждается, что именно идентичность, а не интересы действительно имеет значение и важно лишь то, кем вы являетесь, а не что вы делаете”³¹. Эта идентичность, это “какой ты” выражается в современном обществе в стиле жизни и потребления. Потребление становится главным структурирующим принципом социальной реальности, единственным способом, как считает Бауман, найти выход из состояния отсутствия безопасности. Главное достоинство потребляемых, приобретаемых объектов состоит в том, что эти последние “...обещают определенность. Чем бы ни были импульсивные покупки, они также являются дневным ритуалом изгнания ужасных признаков неопределенности и отсутствия безопасности”³². Покупка — это борьба за свою определенность, это акт “свободы” и выбора.

В потребительском обществе всеобщая потребительская зависимость, универсальная зависимость от покупок является обязательным условием и показателем индивидуальной свободы, а главный способ отличиться от других — это “иметь свою идентичность”. Идентичность синтезируется индивидами посредством потребления и создания своего стиля жизни.

Современность рассталась с “аутентичной” индивидуальностью былых времен и приобрела “ассоциативную индивидуаль-

²⁸ Бауман З. Текущая современность. М., 2008. С. 64.

²⁹ Там же. С. 65–66.

³⁰ Там же. С. 67.

³¹ Там же. С. 118.

³² Там же. С. 90.

ность”, которая характеризуется “утратой связи между внутренней душой и внешней формой социальных отношений”³³. Бауман фиксирует, что картина отсутствия “общественно генерируемой” идентичности поражает. «Истинный или мнимый, в глазах аналитика, свободный “ассоциативный” статус идентичности, возможность “покупать”, принимать и избавляться от своего истинного “я”, “быть в движении” стали в современном потребительском обществе признаками свободы»³⁴.

Однако связь потребления со свободой и идентичностью только усиливает социальное неравенство. Чем выше степень свободы в рекламе и на экранах и чем соблазнительнее искушение прилавков магазинов, от которых бедные не могут отвести глаза, тем глубже ощущение убогости реальности и тем более неодолимым становится желание испытать счастье свободы выбора; чем больший выбор имеют богатые, тем ненавистнее для остальных жизнь без выбора, констатирует Бауман.

Рассмотренные теории социального неравенства, разработанные в последней трети XX в., с очевидностью позволяют сделать некоторые выводы обобщающего характера, относящиеся как к теории, так и к социальной реальности.

Совершенно очевидно, что концептуализация природы социального неравенства обретает социологический смысл только в рамках и в перспективе совершенно определенного видения современного общества. В зависимости от этой перспективы неравенство может быть укоренено в меритократическом механизме, базирующемся на образовании, как в постиндустриализме в различии жизненных шансов, например у Дарендорфа в неравном доступе и владении социальной информацией в теориях информационного общества. Свое видение природы социального неравенства предлагает постмодернистская социология, увязывающая неравенство с потреблением, и структуралистский конструктивизм Бурдые, у которого неравенство — результат борьбы за символическую категоризацию социального пространства.

Однако при всем различии перспектив на природу социального неравенства все рассмотренные теории отказываются от субстанционалистски-структуралистской интерпретации социального неравенства и осуществляют субъектно-операциональную тематизацию природы статуса и вообще социального неравенства. Тематизацию субъектно-операциональной природы статуса и вообще социального неравенства правомерно считать важнейшей новацией в концептуализации социального неравенства в социоло-

логии второй половины XX в., а различные варианты такого подхода в методологическом плане можно объединить под рубрикой “конструктивизм”.

Социальный конструктивизм — это характеристика процесса оформления, воспроизводства и изменения социальной реальности посредством социального действия. О социальном конструктивизме соответственно правомерно говорить и как о производстве и даже сознательном конструировании форм социального неравенства, особенно в современных обществах конца XX — начала XXI в., определяемых процессами информатизации, индивидуализации, “текучей” современности, сопряженной с процессом десубстанциализации социального порядка. Это делает правомерным и объясняет использование социологами конструктивистского методологического подхода при анализе социального неравенства в современных обществах. Методологический конструктивизм и его нарастающее влияние в социологической теории конца XX в. во многом является результатом методологической критики функционализма и структурализма, которая и направляет современные социологические исследования в конструктивистское русло.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Белл Д.* Грядущее постиндустриальное общество. М., 1999 (*Bell D. Grjadushhee postindustrial'noe obshhestvo*. М., 1999).
- Бауман З.* Мыслить социологически. М., 1996 (*Bauman Z. Myslit' sociologicheski*. М., 1996).
- Бауман З.* Текучая современность. М., 2008 (*Bauman Z. Tekuchaja sovremennost'*. М., 2008).
- Бодрийяр Ж.* Общество потребления. Его мифы и структуры. М., 2006 (*Bodrijjar Zh. Obshhestvo potreblenija. Ego mify i struktury*. М., 2006).
- Бодрийяр Ж.* Соблазн. М., 2000 (*Bodrijjar Zh. Soblazn*. М., 2000).
- Бурдые П.* Начала. М., 1994 (*Burd'e P. Nachala*. М., 1994).
- Бурдые П.* Практический смысл. СПб., 2001 (*Burd'e P. Prakticheskij smysl*. СПб., 2001).
- Дарендорф Р.* Тропы из утопии. М., 2002 (*Darendorf R. Tropy iz utopii*. М., 2002).
- Кимелев Ю.А.* Методология социальных наук. М., 2011 (*Kimelev Ju.A. Metodologija social'nyh nauk*. М., 2011).
- Кимелев Ю.А.* “Субъект” и “субъективность” в современной западной социальной философии. М., 2006 (*Kimelev Ju.A. “Sub#ekt” i “sub#ektivnost'” v sovremennoj zapadnoj social'noj filosofii*. М., 2006).
- Полякова Н.Л.* XX век в социологических теориях общества. М., 2004 (*Poljakova N.L. XX vek v sociologicheskijh teorijah obshhestva*. М., 2004).
- Bell D.* The cultural contradictions of capitalism. N.Y., 1978.
- Bell D.* The end of ideology. N.Y., 1960.

³³ Там же. С. 96.

³⁴ Там же.

Bauman Z. Consuming life // Journal of Consumer Culture. 2001. Vol. 1. N 1. P. 9–29.

Bauman Z. Memories of class: essays in pre-history and after-life of class. L., 1982.

Bauman Z. Work, consumerism and the new poor. Buckingham, 2004.

Dahrendorf R. Soziale Klassen und Klassenkonflikt in der industriellen Gesellschaft. Stuttgart, 1957.

Dahrendorf R. Life chances. Approaches to social and political theory. Chicago, 1979.

Featherstone M. Consumer culture and postmodernism. L., 1991.

Featherstone M. Life style and consume culture // Theory, Culture and Society. L., 1987. P. 55–70.

Ferrarotti F. The myth of inevitable progress. L., 1985.

Galbraith J. The affluent society. N.Y., 1958.

Inglehart R. Culture shift in advanced industrial society. Prinston, 1990.

В.П. Васильев, канд. эконом. наук, доц., зав. кафедрой государственного и муниципального управления социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова*

ВЛИЯНИЕ ГЛОБАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ НА ЭВОЛЮЦИЮ СОЦИАЛЬНЫХ ФУНКЦИЙ ГОСУДАРСТВА

V.P. Vasiliev

THE IMPACT OF GLOBAL PROCESSES ON THE EVOLUTION OF THE SOCIAL FUNCTIONS OF THE STATE

В статье рассматривается комплекс проблем эволюции современного государства. Определены тенденции модификации территориального государства в условиях глобализации. Исследованы институты, способствующие движению к новому мировому порядку, отмечены их недостатки, не позволяющие эффективно решать накопившиеся социальные проблемы. Показано, что кризис современного социального государства не предопределен государством как социальным институтом общества, причины находятся в генетических свойствах рыночной экономики.

Ключевые слова: либеральное государство, глобализация, транснациональные корпорации, кризис социального государства, социальная ответственность бизнеса, наднациональные органы и механизмы управления, “провалы рынка”, смешанная экономика, экономические кризисы.

This article describes a set of problems of evolution of the modern state. Tendencies modification of the territorial state in the context of globalization. Explore the possibility of going to the institutions of the new world order, marked their shortcomings, not to effectively solve the accumulated social problems. It is shown that the crisis of the modern welfare state is not predetermined by the state as a social institution of society; the causes are genetic properties of a market economy.

Key words: liberal state, globalization, multinational corporations, the crisis of the welfare state, the social responsibility of business, supranational bodies and mechanisms management, “market failures”, mixed economy, economic crises.

Новый этап глобализации, начавшийся в 70-е гг. XX в., к настоящему времени породил новые феномены и дискуссии о путях дальнейшего развития. Ряд социальных изменений наметился в основополагающих институтах глобализации, в деятельности государства и транснациональных корпораций.

В докладах Римского клуба 1970-х гг. были выявлены глобальные проблемы современности, поставлены вопросы, носящие иногда алармистский характер, о выживании человечества в усло-

* Васильев Владимир Петрович, e-mail: gos.ypravlenie@mail.ru

виях роста промышленности и обострения экологических проблем, хронической бедности и расслоения населения, военных угроз. По мнению авторов докладов, общие проблемы человечества требуют адекватных совместных действий, пересмотра международного экономического порядка¹.

На практике под эгидой ООН были некоторым образом реформированы международные банковские структуры и начали осуществляться согласованные меры по списанию внешних долгов ряда стран. Был принят ряд совместных деклараций по защите окружающей среды². Однако меры многосторонней координации экологических мероприятий не осуществляются. Один из знаковых согласованных документов — Киотский протокол, регулирующий выбросы парниковых газов, — не вступил в силу.

По-прежнему основные социальные и экологические проблемы решают национальные государства исходя из своих стратегий и финансовых возможностей.

Вместе с тем ряд исследователей в последние годы ставят вопрос об исчерпании роли национальных государств и их социальных функций в условиях глобализации. В конечном счете речь идет о “создании новой системы распределения мировых ресурсов, радикально отличающейся от той, что мы имеем сегодня”³.

Возникает два вопроса. Первый — “почему государство уходит или должно уйти от генетически присущей ему социальной функции?” Второй — “какой институт заменит социальные обязанности государства?” Ответы на второй вопрос более определены и прозрачны: функции государства в условиях углубления глобальных процессов будет выполнять некое космополитическое сообщество или транснациональные монополии, деятельность которых эволюционирует к возрастанию социальной ответственности. На наш взгляд, эти ориентиры утопичны, а сами авторы, дающие подобные ответы на второй вопрос, определяют срок наступления идилии в 50 лет. Заметим, что данная позиция по сути смыкается с утверждением марксизма об отмирании государства при коммунизме.

Существо ответов на первый из сформулированных выше вопросов может определить главные проблемы современного государства и показать направления его развития по крайней мере в среднесрочной перспективе.

Критика современного государства и моделирование институтов его возможной замены, как правило, связаны с кризисом ли-

берального государства. При этом не редко либеральная суть государства отождествляется то с экономическим дерегулированием, то с расслоением общества или с культивированием ценностей, граничащих со вседозволенностью и с распущенностью. Безусловно, эти проблемы существуют в социальных практиках и свидетельствуют о границах либерализма и демократии, но не определяют главное противоречие современного государства.

Обратимся к фундаментальным признакам либерального государства, сформировавшимся во второй половине XIX в. и ставшим “паневропейской нормой”. По утверждению И. Валлерстайна, эти принципы были рождены начавшимися реформами, состоявшими из трех компонентов: “Первый — избирательное право, вводимое с осторожностью, но неуклонно расширявшее охват населения... Вторая реформа заключалась в развитии трудового законодательства и перераспределении экономических благ... Третья реформа... состояла в формировании национального самосознания, главным образом за счет введения обязательного начального образования и всеобщей воинской повинности (для мужчин)”⁴.

Смысловое наполнение изложенной сути государства вряд ли может вызывать критику либерализма и необходимость его замены чем-то иным. На самом деле возникает противоречие между двумя фундаментальными признаками государства — либерализмом и государством благосостояния или социальным государством. Социальные практики второй половины XX — начала XXI в. обострили недоверие к государству из-за не сбывающихся ожиданий от действий либерального государства и демократизации общества. Именно демократизация, понимаемая как требование равных прав на получение основных благ (доход, образование, медицинское обслуживание), по мнению И. Валлерстайна, “усиливает великий беспорядок” и требует установления новой системы распределения мировых ресурсов. Причина отторжения либерального государства заключается не в основополагающих идеях национального государства, которые сами по себе не вызывают сомнений, а в невозможности на их базе реализовать принципы социального государства. Поэтому при построении моделей преобразования должен превалировать принцип не отрицания государственного либерализма в изложенном выше смысле, а поиска путей реализации социальной функции государства, прежде всего в национальных границах. Нет необходимости устранять избирательное право, перераспределение экономических благ и образование как достижения либерального государства, чтобы реализовать принципы социального государства. Социальный капитал общества, доверие

¹ См.: Медуз Д. и др. Пределы роста. М., 1972; Месаревич П. Человечество на перепутье. М., 1974; Тимберсе Я. Пересмотр международного порядка. М., 1976.

² См., например, Рио-де-Жанейрскую декларацию по окружающей среде и развитию 1992 г.

³ Валлерстайн И. Конец знакомого мира. Социология XXI века. М., 2003. С. 28.

⁴ Там же. С. 15–16.

населения к органам власти в рамках государственных границ необходимо усиливать, реформируя национальные системы распределения и производства.

З. Бауман связывает изменение роли национальных государств с последствиями современного этапа глобализации. По его мнению, государство периода Новой и Новейшей истории — “это учреждение, претендующее на законное право и утверждающее, что оно обладает достаточными ресурсами, чтобы установить и обеспечить соблюдение правил и норм, определяющих ход событий на определенной территории”⁵. Такое государство существовало на основе военного, экономического и культурного суверенитета, но более чем пятидесятилетняя современная эволюция государств, по мнению З. Баумана, привела к добровольному отказу от большей части их суверенитета. Поддержание законности и порядка объективно требовало вступления в межгосударственные союзы. Однако главным феноменом, подрывающим суверенитет как новых, так и давно существующих государств, стали финансовые рынки, утвердившаяся свобода движения товаров и капиталов, которые выходят из-под политического контроля государства. Однако и в этой конструкции наряду с полицейскими функциями за государством сохраняются функции “сбалансированного бюджета”, социальной защиты населения. По мнению З. Баумана, глубинный процесс заключается в перераспределении социальной власти в слабых квазигосударствах, а политика как институт коллективного выбора становится проблематичной.

В отличие от И. Валлерстайна З. Бауман выводит кризис современной государственности не из его внутренних противоречий, не из противостояния либерального государства и ожиданий граждан, а из процессов глобализации и прежде всего — из роста и влияния финансовых рынков, выходящих из-под влияния национальных “коллективных действий”. Именно в этих условиях в ряде стран наблюдаются утрата политического контроля со стороны национальных властных структур и политическая раздробленность на фоне слабых государств.

Проблема утраты национального суверенитета, исчерпания роли национальных государств в условиях глобализации детально раскрыта Э. Гидденсом, сделавшим вывод о контурах глобального космополитического общества, в котором осуществляется “мировой порядок, определяемый коллективной волей людей”⁶. Э. Гидденс не идеализирует зарождающийся новый мировой порядок и признает, что он противоречив и тревожен для человека.

Э. Гидденс связывает формирующийся мировой порядок с новым содержанием глобальных процессов, которые, по его мнению, со второй половины XX в. характеризуются интенсификацией финансовых потоков и движения капитала. Кроме того, происходит глобализация политической, технологической и культурной сфер общества на основе принципиально новых систем коммуникации, соединяющих людей по всему миру. Однако наряду с переходом ряда суверенных функций государств на международный уровень, возникают и центробежные тенденции, требования и действия, направленные на автономизацию местных сообществ. Э. Гидденс делает вывод о том, что государства еще обладают могуществом, но их экономическая политика уже не обладает прежней эффективностью. Государство, как и ряд других институтов, изменилось изнутри и не выполняет своих прежних функций.

Как видно из представленных позиций, современные государства, вступая в разного рода межгосударственные союзы, передают часть своего суверенитета, пытаются застраховаться от политических или экономических рисков. Однако главным является не устранение национальной государственности, а поиск путей эффективного регулирования социально-экономического развития, оптимального соотношения национально-государственной идентичности и интернационализации культур, ценностей и институтов. Тем более что предшествующей стадией нового мирового порядка, становления глобального космополитического общества была регионализация интеграционных процессов, в основе которых совместное регулирование региональных экономических процессов. Политическая интеграция и передача части суверенитета характерны для стран Европейского союза, принципы объединительного процесса которого не стали универсальными и для других регионов мира. Однако европейский опыт показывает, что вектор эволюции государства не в его исчезновении, замене иным институтом, а в укрупнении государства, делегировании ряда полномочий наднациональным органам управления, которые реализуют законодательную, исполнительную и судебную власть.

Кроме того, как показывает опыт нескольких последних десятилетий, межгосударственные институты оказались не способны решить глобальные проблемы человечества, формирующийся мировой порядок оказывается неэффективным. Проблемы войны и мира, бедности и неравенства, экологии и т.п. остаются в компетенции национальных государств.

В современных условиях меняется мир транснациональных корпораций (ТНК). Под влиянием технологических перемен произошла своеобразная диверсификация их состава на глобальных рынках, включая рынок труда. Доминируют не только сырьевые,

⁵ Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества. М., 2004. С. 89.

⁶ См.: Гидденс Э. Ускользящий мир: как глобализация меняет нашу жизнь. М., 2004. С. 14.

но и высокотехнологичные публичные компании. В настоящее время первая десятка топ-компаний мира выглядит следующим образом, по данным FTGlobal 500 в 2013 г.⁷: 1) Apple (США, технологическая продукция), имеет капитализацию в 415,7 млрд долл.; 2) Exxon Mobil (США, нефтегазовая компания), капитализация 403,7 млрд долл.; 3) Berkshire Hathaway (США, инвестиционная компания) — 256,8 млрд долл.; 4) Petro China (Китай, нефтегазовая компания) — 254,6 млрд долл.; 5) Wal Mart (США, розничная торговля) — 246,4 млрд долл.; 6) General Electric (США, промышленный сектор) — 239,8 млрд долл.; 7) Microsoft (США, программное обеспечение и вычислительная техника) — 239,6 млрд долл.; 8) IBM (США, программное обеспечение и вычислительная техника) — 237,7 млрд долл.; 9) Nestle (Швейцария, продукты питания) — 233,8 млрд долл.; 10) Chevron (США, нефтегазовая компания) — 230,8 млрд долл.

Наряду с крупнейшими банковскими структурами и основными отраслевыми рынками ТНК оказывают регулирующее воздействие на ход мирового экономического и социального развития, превосходя возможности внутринационального регулирования. Новыми явлениями деятельности ТНК, позволяющими видеть в них институт, способный в перспективе взять на себя внутригосударственные социально-экономические функции, является официальное провозглашение публичными компаниями принципа социальной ответственности и ориентация их деятельности на ряд международных стандартов, носящих социальный характер.

Более десяти лет назад под эгидой ООН был разработан Глобальный договор, в основу которого положены требования публичной отчетности и прозрачности, а также заинтересованность деловых кругов, профсоюзов и гражданского общества в организации конкретных совместных программ, направленных на реализацию заложенных в договоре принципов. Десять принципов Глобального договора основаны на Всеобщей Декларации прав человека, Декларации Международной организации труда об основополагающих принципах и правах в сфере труда, Декларации по окружающей среде и развитию (Декларации Рио), Конвенции ООН о борьбе против коррупции. Эти принципы сгруппированы следующим образом.

I. В сфере прав человека предпринимательские круги должны:

- 1) оказывать поддержку в соблюдении прав человека, провозглашенных международным сообществом;
- 2) обеспечивать свою непричастность к нарушениям прав человека.

⁷ Из российских компаний в топ-100 входят Газпром, Роснефть и Сбербанк, в топ-500 — Лукойл, Сургутнефтегаз, Норильский никель, Новотек.

II. В сфере трудовых отношений предпринимательские круги должны:

- 1) поддерживать свободу ассоциаций и признание на деле права на заключение коллективных договоров;
- 2) выступать за уничтожение всех форм принудительного труда;
- 3) выступать за полное искоренение детского труда;
- 4) выступать за ликвидацию дискриминации в сфере труда и занятости.

III. В сфере охраны окружающей среды деловые круги должны:

- 1) способствовать предупреждению негативных воздействий на окружающую среду;
- 2) предпринимать инициативы, направленные на повышение ответственности за состояние окружающей среды;
- 3) содействовать развитию и распространению экологически чистых технологий.

III. В сфере противодействия коррупции предпринимательские круги должны:

- 1) противодействовать коррупции во всех ее формах, включая вымогательство и взяточничество.

Для ТНК следование принципам социальной ответственности носит, скорее всего, репутационный характер и является одним из способов завоевания лояльности местных сообществ. Сложно предположить, что в перспективе они возьмут на себя функции помощи малообеспеченным гражданам, безвозмездного создания социальной инфраструктуры, а также другие компетенции государственных органов. ТНК — коммерческие структуры, их цель — получение прибыли. Государства действуют на основе “общественного договора” в интересах населения данной территории.

Национальные государства, имеющие единую территорию, аппарат управления, основанный на принципах разделения властей, государственный суверенитет и систему сбора налогов, в настоящее время лишь частично делегируют на межгосударственный уровень внешнеполитические компетенции и экономические ресурсы. Европейский союз вырабатывает консолидированные решения во внешней политике. Каждая из вошедших в ЕС стран передает в общий бюджет 1% своего валового внутреннего продукта, а денежное регулирование единой валюты осуществляет Центральный европейский банк. Однако эти новые явления межгосударственного взаимодействия в долгосрочной перспективе являются продолжением, а не устранением территориальных государств.

Поиск альтернативы территориальному государству связан с его противоречиями и кризисными состояниями в экономическом и социальном развитии.

Роль государства в экономическом развитии на протяжении примерно пятидесяти последних лет изменилась парадоксальным образом. Доминировавшая теоретическая неоклассика исходила из минимизации роли государства в экономических процессах, обосновывая это способностью рыночных механизмов самостоятельно обеспечивать пропорциональность и динамику. Отсюда первенство финансовых регуляторов, направленных на элиминирование инфляции, снижение дефицита государственных бюджетов и, следовательно, сокращение расходов государства.

Однако реальная действительность, особенно 60–80-е гг. XX в., показала почти двукратное увеличение роли государств во многих развитых странах⁸. В настоящее время развитые страны перераспределяют через налоговые системы 40–50% ВВП. В табл. 1 приведены данные Росстата 2009 г. по доле расходов консолидированных бюджетов.

Таблица 1

Доля расходов консолидированного бюджета в ВВП страны (в %, 2009 г.)

Франция	56
Швеция	52
Италия	50
Германия	49
Великобритания	49
США	41
Россия	38

Приведенные данные показывают тенденцию к сближению либерального и социал-демократического типов социальной политики. В конце 1990-х гг. соответствующие показатели в США и Швеции составляли примерно 32 и 60%.

Современные развитые государства большую часть своих бюджетов тратят на социальное развитие: здравоохранение, образование, оказание социальной поддержки малообеспеченных. Глобальная проблема заключается в принципиально разных возможностях государств для роста социальных расходов и инвестиций, сложившихся исторически, а не в самом институте органов государственного управления. Расходы государства, перераспределение ресурсов производны от уровня экономического развития. Поэтому в теорети-

⁸ Одним из основных универсальных показателей является доля государства (консолидированный бюджет) в перераспределяемом ВВП страны.

ческом аспекте не стоит исходить из некоего усредненного, абстрактного государства. По индексу человеческого развития⁹, в определенной степени синтезирующему экономический и социальный уровень государств, отчетливо различаются четыре группы государств: с очень высоким, высоким, средним и низким уровнем развития. Совокупный индекс человеческого развития стран с очень высоким и низким уровнем развития имеют значительный диапазон. Индекс человеческого развития государств, оказавшихся первыми в соответствующих группах в 2013 г., представлен в табл. 2¹⁰.

Таблица 2

Индекс человеческого развития государств (2013)

Страна	Индекс	Место в рейтинге
Норвегия — очень высокий уровень	0,955	1
Дания — высокий уровень	0,901	15
Казахстан — средний уровень	0,754	69
Гайана — низкий уровень	0,736	118
Россия (справочно) — высокий уровень	0,778	55

В экономической сфере существуют “провалы рынка” — монополия, асимметрия информации, экстерналии, производство общественных благ, — которые корректирует государство, осуществляя функции регулирования рынка, восполнения его недостатков и перераспределения ресурсов. Для локальных рынков названные функции являются определяющими с точки зрения их общественной эффективности. Возрастает значение институционального регулирования национальных экономик, а также перераспределения внутригосударственных экономических ресурсов. Государство становится непосредственным субъектом рыночных отношений, осуществляя масштабные заказы, закупки и инвестиции в частный сектор. В этом смысле экономика является смешанной, т.е. эконо-

⁹ Индекс человеческого развития измеряет достижения страны с точки зрения состояния здоровья, получения образования и фактического дохода ее граждан по трем основным направлениям: здоровье и долголетие, измеряемые показателем ожидаемой продолжительности жизни при рождении; доступ к образованию, измеряемый уровнем грамотности взрослого населения и совокупным валовым коэффициентом охвата образованием; достойный уровень жизни, измеряемый величиной валового внутреннего продукта на душу населения в долларах США по паритету покупательной способности.

¹⁰ Доклад о человеческом развитии 2013 (Human Development Report 2013), подготовленный Программой развития Организации Объединенных Наций (ПРООН).

мические процессы развиваются под воздействием и рыночных механизмов, и государства.

Несмотря на рост влияния государства в экономической сфере ему оказывается не подвластным устранение экономических кризисов, которые являются генетическим свойством рыночных процессов, отличающихся хаотичностью, цикличностью и нелинейностью динамики. Современные государства прежде всего локальными методами воздействия на экономику способны смягчать последствия кризисов, но не устранять многообразные причины, которые заложены в рыночный механизм.

Поскольку экономические кризисы уже более 100 лет носят глобальный характер, охватывают почти одновременно многие страны, логично предположить необходимость превентивных мер, основанных на совместном мониторинге и оперативном контроле финансовых рынков и экономической пропорциональности. Ряд экономических функций государства с необходимостью могут быть делегированы на наднациональный уровень, однако, как и на локальном уровне координация пропорций экономического развития не возможна без участия институтов ТНК, финансовых рынков и крупнейших банковских структур. Принципы смешанной экономики должны воспроизводиться в формирующемся новом “мировом порядке”. Каким образом эволюционно сложится такое взаимодействие и каким будет его механизм, — покажет будущее.

Социальная эффективность государства зависит от экономической динамики. Безработица, сокращение социальных пособий, рост затрат населения на образование и медицинское обслуживание непосредственно связаны с цикличностью экономики, рецессией и тем более кризисом. Эти явления вызывают критический настрой по отношению к современным институтам государства и в целом к территориальному социальному государству.

Принципы современного социального государства начали складываться с середины XIX в. под воздействием последствий промышленной революции (безработица, производственный травматизм), поставившей вопросы социальной защиты трудоспособного населения.

На протяжении ряда десятилетий в социальные практики вошли два главных института социального государства: равенство граждан перед законом в области социальной защиты и социальное страхование¹¹. В послевоенном развитии XX в. принципы соци-

¹¹ См.: Штейн Л. фон. История социального движения Франции с 1789 г. СПб., 1872. Нередко в дискуссиях о сути социального государства в России его принципы отождествляются на основе исторической памяти с принципами социализма или даже коммунизма.

ального государства дополнились механизмами “социального рыночного хозяйства”, “общества благосостояния”¹². Государство озаботилось тем, насколько доступна для граждан рыночная среда (снятие барьеров вхождения), а также помощь уязвимым слоям населения.

Общество “всеобщего благоденствия” как логическое продолжение основ социального государства масштабно стало использовать финансовую сферу для решения социальных запросов населения: массовому привлечению ипотечных, потребительских, образовательных и других видов кредитования для улучшения потребительского положения населения способствовали не высокие процентные ставки по банковским кредитам, а именно действия государства. Одновременно обнаружилось новые риски и для экономики в целом и для заемщиков. Агрессивные банковские стратегии, с одной стороны, и невозвраты кредитов — с другой, ведут к обрушению банковских структур и долговой зависимости населения. Амортизатором в таких ситуациях выступает территориальное государство: его финансовые власти повышают ликвидность банковского сектора, выплачивая часть потерянных населением вкладов или даже (как во время кризиса 2008 г. в США) национализируя отдельные финансовые учреждения. В условиях глобализации усиливается необходимость банковского контроля, так как возможно обрушение мировой банковской сферы по принципу домино. К сожалению, международные рейтинговые агентства (Fitch Ratings, Moody's, Standard&Poor's) во время кризиса 2008–2009 гг. давали правительствам и рынку ложные ориентиры¹³. Поэтому наряду с повышением эффективности внутрибанковского контроля на принципах международной координации (Базель-III) практика ставит вопрос о национальном контроле за деятельностью коммерческих банков.

Таким образом, следует сделать вывод о зависимости социальной компоненты государства, материального положения различных слоев населения от институтов рыночной экономики и их эффективности. Современный кризис социального государства, недовольство населения его действиями обусловлены двумя факторами.

¹² См., например: Социальное рыночное хозяйство. Концепции, практический опыт и перспективы применения в России / Под общ. ред. Р.М. Нуреева. М., 2007.

¹³ 10 сентября 2013 г. Генеральная Ассамблея ООН провела заседание, посвященное роли кредитных рейтинговых агентств в международной финансовой системе. Глава ООН заявил о необходимости добиваться исправления методологических недостатков, повышения транспарентности, недопущения конфликтов интересов.

**Оборона, общественный порядок, безопасность и социальная защита
в структуре бюджетов (в %, 2009 г.)**

Страна	Оборона, общественный порядок, безопасность	Социальная защита
Россия	14,2	25,0
Германия	6,0	45,6
Испания	6,9	35,2
Италия	6,6	38,5
Великобритания	10,8	33,5
Израиль	19,2	27,0
Индонезия	7,7	0,5
Казахстан	13,6	20,5
Китай	10,4	18,3
Пакистан	14,3	0,2
Таиланд	14,3	8,9
Филиппины	10,5	6,3
Египет	10,8	37,1
Эфиопия	15,0	10,0
ЮАР	13,7	22,0
США	17,1	21,1

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бауман З.* Глобализация. Последствия для человека и общества. М., 2004 (*Bauman Z.* Globalizacija. Posledstvija dlja cheloveka i obshhestva. М., 2004).
- Валлерстайн И.* Конец знакомого мира. Социология XXI века. М., 2003 (*Vallerstajjn I.* Konec znakomogo mira. Sociologija XXI veka. М., 2003).
- Гидденс Э.* Социология. М., 1999 (*Giddens A.* Sociologija. М., 1999).
- Гидденс Э.* Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь. М., 2004 (*Giddens A.* Uskol'zajushhij mir: kak globalizacija menjaet nashu zhizn'. М., 2004).
- Медоуз Д.* и др. Пределы роста. М., 1972 (*Medouz D. i dr.* Predely rosta. М., 1972).
- Месаревич П.* Человечество на перепутье. М., 1974 (*Mesarevich P.* Chelovechestvo na pereput'e. М., 1974).

Во-первых, провозглашением тезиса о “перегрузке государства” социальными обязательствами, культивируемого в 1970–1980-х гг. и предпринятыми попытками сокращения соответствующих расходов государственных бюджетов¹⁴. Во-вторых, последствиями кризиса 2008–2009 гг., во время которого страны объединенной Европы приняли ряд универсальных мер посткризисного развития, чувствительных для социальной сферы, — увеличили пенсионный возраст, сократили нормы индексации пенсий, снизили субсидии на образование и медицинское обслуживание.

За счет каких источников национальные государства могут увеличить свой вклад в социальное развитие, микшировать в определенной степени вопросы и недовольство населения, его уязвимых слоев, которые не могут по объективным обстоятельствам повысить уровень своего благосостояния? В прагматическом аспекте речь идет о росте расходной части государственных бюджетов. Наряду с известными традиционными способами максимизации размера бюджета (динамика ВВП, рост налогов, сокращение долговой нагрузки), современные государства смогут увеличить социальные расходы, коллективно решив ряд глобальных проблем.

По опросам общественного мнения, первое место среди глобальных проблем занимает коррупция¹⁵. Опасность этого “экономико-правового СПИДа” двояка: во-первых, воровство бюджетных средств, которые могут идти на реализацию социальных программ, во-вторых, рост недоверия к органам власти, негативизма по отношению к территориальному государству.

Очевидным источником увеличения бюджетных средств на социальные нужды является устранение военных и террористических угроз и почти постоянно ведущихся военных действий. В целом ряде стран расходы на оборону, общественный порядок, безопасность многократно превышают государственные расходы на социальную защиту населения или равны им, что подтверждается статистическими данными (табл. 3).

Современные территориальные государства накопили много нерешенных проблем, особенно в социальной сфере. Найдутся ли методы их решения у современных территориальных “либеральных государств”, характеризуемых в духе И. Валлерстайна? Представляется, что у территориального государства есть шансы, изменяя внутреннюю институциональную среду, оставаться доминантой не только полицейского толка.

¹⁴ См.: *Гидденс Э.* Социология. М., 1999. С. 307–308.

¹⁵ См., например: *Глобальный барометр надежды и отчаяния.* М., 2014.

Тимберсе Я. Пересмотр международного порядка. М., 1976 (*Timberse Ja. Peresmotr mezhdunarodnogo porjadka. M., 1976*).

Штейн Л. фон. История социального движения Франции с 1789 г. СПб., 1872 (*Shtejn L. fon. Istorija social'nogo dvizhenija Francii s 1789 g. SPb., 1872*).

Глобальный барометр надежды и отчаяния. М., 2014 (*Global'nyj barometr nadezhdy i otchajaniya. M., 2014*).

Социальное рыночное хозяйство. Концепции, практический опыт и перспективы применения в России / Под общ. ред. Р.М. Нуреева. М., 2007 (*Social'noe rynochnoe hozjajstvo. Konceptii, prakticheskij opyt i perspektivy primeneniya v Rossii / Pod obshh. red. R.M. Nureeva. M., 2007*).

А.К. Мамедов, док. социол. наук, проф., зав. кафедрой социологии коммуникативных систем социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова*

О.И. Якушина, асп. кафедры социологии коммуникативных систем социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова**

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ПОНИМАНИЮ ИДЕНТИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКЕ

A.K. Mamedov, O.I. Yakushina

THEORETICAL APPROACHES TO IDENTITY IN CONTEMPORARY SOCIAL SCIENCE

Обсуждаются концепции идентичности и факторы, влияющие на ее конструирование в условиях современного общества. В современном мире очень важными проблемами являются определение и конструирование индивидом своей идентичности. Множественность вариантов выбора, размывание устойчивых традиций и норм, факторы влияния создают предпосылки для постоянного переопределения индивидом своей идентичности, что оказывает влияние на социальную структуру современного общества. Большинство исследователей считает сегодня идентичность многоуровневой и изменчивой системой.

Ключевые слова: идентичность, индивид, общество, конструирование идентичности, концепции идентичности.

Identity and the factors influencing its construction in the contemporary society from the point of view of modern identity concepts are discussed. In contemporary society the definition and construction of the individual identity is one of the most important problems. Dynamics of choices' multiplicity, erosion of rigid traditions and norms, they challenge permanent override of individual identity; and this has an impact on the social structure of the society as whole. Most researchers agree that identity becomes a multi-leveled and flexible system as a result of pluralization and uncertainty of social life.

Key words: identity, individual, society, identity construction, concepts of identity.

Человеку всегда были нужны способы, критерии, с помощью которых можно идентифицировать, определить и отличить себя от других, основания для понимания и объяснения природы, мира, себя как составляющей части общества. Возникновение и разви-

* Мамедов Агамали Куламович, e-mail: soccomsys@mail.ru

** Якушина Ольга Игоревна, e-mail: yakfibio@gmail.com

тие концепта идентичности относятся к началу XX в., появление теории идентичности связывают с именем Э. Эриксона. Он считал, что идентичность конструируется на протяжении всей жизни человека и имманентно имеет три составляющие: биологическую, личностную и социальную¹, т.е. идентичность является междисциплинарной категорией и может изучаться как биологический (телесность), психологический (поведение) и социальный (рефлексия) объект.

“Идентичность” происходит от латинского корня “idem” — тождественный себе, тот же самый, что близко к “самости”, “сущности”². Понятие “идентичность” имеет широкое значение и может относиться к различным объектам. В общем случае “идентичность” определяют как осознание человеком своей принадлежности к той или иной социально-личностной позиции в рамках социальных ролей и “эго(“Я”)-состояний”³.

В современной зарубежной социологической теории идентичность — это «совокупность частей “Я” индивида, состоящего из различных значений (символов), которые индивиды придают тем многочисленным ролям, которые они выполняют в значимо дифференцированных современных обществах»⁴. В российской науке идентичность определяют как «представление человека о своем “Я”, характеризующееся субъективным чувством своей индивидуальной самоидентичности и целостности; отождествление человеком самого себя»⁵. Отечественные исследователи проблему идентичности, как правило, сводят к решению практических вопросов, например, для отдельных групп и слоев общества.

В целом социологический подход к идентичности предполагает, что существует определенное взаимоотношение между индивидом и обществом. Идентичность влияет на общество через действия индивидов, которые образуют группы, сети, институты. Со своей стороны и общество системно влияет на идентичность индивида через разделяемые в той или иной степени всеми людьми знаки, ценности, язык. Поскольку “Я” отражает ситуацию в обществе и возникает в нем, то социологический подход к изучению идентичности (т.е. себя и своих частей) означает, что мы должны понять и объяснить общество, в котором “самость” — искусство жить в социальном пространстве среди других индивидов с их идентичностями.

¹ Erikson E. Identity and the life cycle. N.Y., 1959.

² Рикер П. Герменевтика. Этика. Политика. М., 1995. С. 18.

³ Кондратьев М.Ю., Ильин В.А. Азбука социального психолога-практика. М., 2007. С. 146.

⁴ Stryker S., Burke P.J. The past, present, and future of an identity theory // Social Psychology Quarterly. Special Millenium Issue. 2000. Vol. 63. N 4.

⁵ Философия. Энциклопедический словарь. М., 2004. С. 299–300.

Крупные социальные преобразования последнего времени сформировали современный облик индивида, и обретение идентичности коренным образом изменилось: в повседневной жизни быстро сменяются знаки и образы, трансформируя наше восприятие окружающей реальности, и как следствие создаются множественные идентичности. Открытость информационной сферы общества, глобализация, технико-технологические изменения, существенно облегчающие труд и жизнь человека, новые коммуникационные технологии, доступ к данным и контактам без личного присутствия и как следствие дефицит прямого общения, ослабление человеческих связей значимо влияют на современную идентичность. Глубокие изменения в опыте времени, работы и смысле жизни (от четкой долгосрочной определенности к быстрым переменам) привели к тому, что большинство традиционных ценностей потеряло значение⁶. Методики социального анализа вписаны в контекст идентичности. Дискуссии о равенстве и справедливости ведутся с точки зрения права человека на отдельную идентичность.

Поэтому вопросы идентичности остаются актуальными и продолжают активно изучаться: что именно составляет “Я”, почему человек теряет или приобретает идентичность; если на протяжении жизни изменяются ценностные ориентации, убеждения, верования, то что происходит с его идентичностью, изменяется ли она коренным образом, остается той же или вообще перестает быть? Концепцию идентичности широко используют в практических целях для выделения неинструментальных модусов действия, чтобы найти одинаковые черты у разных индивидов или во временном интервале, выявить сущностные аспекты “самости”, показать фрагментированность современного “Я”. В данной статье сделана попытка обобщить последние опубликованные теоретические разработки, связанные с изучением феномена идентичности. Ряд исследователей опираются на социокультурную традицию, сводя идентичность к принадлежности индивида к какому-то этносу, другие — исключительно к коллективной идентичности. Большинство считает идентичность многоуровневой и изменчивой системой, а основное различие позиций исследователей заключается в сути явления: одни утверждают, что идентичность есть фундаментальная одинаковость, другие принимают постоянное изменение идентичности.

Современные исследователи предлагают прежде всего разделять концепты идентичности на “сильные” и “слабые”⁷. “Силь-

⁶ Bornman E. Struggles of identity in the age of globalization: searching for anchors that hold // Communicatio. 2003. Vol. 29. N 1–2.

⁷ Brubaker R., Cooper A. Beyond “identity” // Theory and Society. 2000. N 29.

ные” теории утверждают постоянство идентичности во времени, основаны на традиции, повседневном опыте и практиках. “Слабые” принимают изменчивость, даже отсутствие идентичности. Однако такое деление отражает не содержание понятия идентичности, а категоричность формулировки. Недостатком “сильных” концепций является неоднозначность части основополагающих положений, среди которых, например, такие: идентичность это то, что все индивиды имеют, должны иметь или ищут; все группы имеют или должны иметь идентичность; индивиды (и группы) могут иметь идентичность, даже не осознавая этого; коллективная идентичность есть групповая ограниченность и однородность. Из этого следует, что несмотря на утверждение “одинаковости” идентичности, степень ее “групповости” достаточно высокая, т.е. существует резкая граница между членами и не членами группы. Именно такая точка зрения отстаивается в дискуссиях о гендере, расе, этничности, национализме.

Приверженцы “слабых” или “мягких” концептов допускают, что можно и не иметь идентичности, что она не предписывается извне, не связана с группой и не однородна. “Слабые” подходы критикуют по следующим причинам: они как клише конструктивизма считают идентичность множественной, нестабильной, фрагментированной, текучей, конструируемой и изменяемой, т.е. не могут дать четкого определения; кроме того, их теоретические основы недостаточно разработаны для их практического использования — без “сильных” коннотаций “слабые” подходы не могут быть инструментом анализа⁸.

Теоретики социологии на рубеже XX–XXI вв. в рамках дискурса о поздней современности развили определенную социологическую точку зрения на идентичность, опираясь на “мягкие” интерпретации. С этих позиций преобладают идеи о множественности отбора и самостоятельном нарративе идентичности. В отсутствие сильного и устойчивого взгляда на мир на основе традиции идентичность должна быть высоко адаптивной, никогда не сможет быть единой, цельной, в современности фрагментированность и хрупкость идентичности только возрастают⁹. Если раньше индивиды априори ожидали установленные традицией, аскриптивные идентичности, то современное общество предлагает текучесть, подвижность и постоянный выбор. Поэтому невозможно иметь только одну идентичность¹⁰. Идентичности многообразно конструируются из различных пересекающихся и подчас противополо-

жных дискурсов, практик и позиций. Поэтому следует изучать исторические и институциональные условия конструирования идентичности¹¹. Сегодня каждый становится социальным артефактом, сущностью, которая формируется, переделывается и мобилизуется по господствующим культурным сценариям¹². Однако такая точка зрения умалывает роль власти, ошибочно предполагает существование многовекторности потока влияния¹³.

Современные теоретики изучают “реальное сегодня”, обращая внимание на различные сферы и аспекты идентичности (политические, экономические, социальные, духовные и т.д.), поэтому идентичность сегодня изучают в рамках существующих социально-философских концепций как их составной элемент и объект действия, а некоторые исследователи — и как отдельный феномен. Рассмотрим взгляды на идентичность в современной науке, условно выделив несколько блоков в соответствии с доминирующей в них идеей: рефлексивной индивидуализации, манипулируемой идентичности, изолированного приватизма, информационно-коммуникационных технологий и идентичности.

Рефлексивная индивидуализация

Рассмотрим сначала теории, которые анализируют новое состояние модерна, например поздний модерн, радикализированный модерн, текучую современность. Поиск идентичности представляет собой открытый, постоянно изменяющийся проект индивида. Э. Гидденс¹⁴ подчеркивает доминанту рефлексивности в посттрадиционном порядке поздней современности, когда общество становится все более фрагментированным и индивид сталкивается с невероятным разнообразием выбора. З. Бауман ключевой характеристикой современности считает “текучесть”, которую связывает с рефлексивностью идентичности¹⁵. Индивид вынужден постоянно воссоздавать свое “Я”. Индивиды считают конструирование идентичности приятным, но это — вынужденный процесс, а ее постоянное изменение требует больших затрат сил, времени и средств. У. Бек развивает идеи о связи между рефлексивной инди-

¹¹ Hall S. Who needs “identity”? From identity: a reader / Ed. by P. du Gay, J. Evance, P. Redman. L., 2000.

¹² Cerulo K. Identity construction // An. Rev. of Soc. 1997. Vol. 23. N 1. P. 387.

¹³ Gilman S. Difference and pathology: stereotypes of sexuality, race, and madness. Ithaca; N.Y., 1985; Calhoun C. Critical social theory: culture, history, and the challenge of difference. N.Y.; Wiley, 1995; Connell R. Gender and power: society, the person, and sexual politics. Stanford, 1987; Giddens A. Modernity and self-identity: self and society in the late modern age. Stanford, 1991.

¹⁴ Giddens A. Op. cit.

¹⁵ Бауман З. Текучая современность. СПб., 2008.

⁸ Ibid. P. 7–11.

⁹ Luckmann T. Personal identity as a sociological category. Zagreb, 2006.

¹⁰ Kehily M. What is identity? A sociological perspective. ESRC Seminar. L., 2009.

видуализацией и процессом глобализации рефлексивности и индивидуализации¹⁶. Он указывает на растворение традиционных институтов, рост транснациональных сил и на четкую тенденцию к индивидуализации как на результат влияния глобализации и рисков.

Одна из новейших разработок идентичности дана в концепции “нового индивидуализма”¹⁷. В XXI в. высокотехнологичная культура глобализации и связанная с ней скоротечность породили постоянную эмоциональную борьбу индивида, при этом процессы и структуры самоопределения постоянно исследуются, пересматриваются и преобразовываются. Сегодня в социальном плане все более значимым становится то, как люди воссоздают и заново конструируют свои идентичности, культурные формы и прежде всего скорость изменения идентичности. Основные черты “нового индивидуализма” — неустанное переосмысление себя, желание мгновенного изменения, увеличение динамизма и ускорение процесса индивидуализации, озабоченность скоротечностью и фрагментарностью событий. В отличие от “индивидуализма” как зрелого и спокойного чувства (как описал А. де Токвиль в работе “Демократия в Америке”) особенность “нового” индивидуализма — это, скорее, чувство паники, порожденное ростом возможностей выбора. Именно акцент на мгновенной передаче и трансформации, в частности страхов и тревог, отличает “новый индивидуализм” от иных концепций рефлексивной индивидуализации¹⁸. Процессы развиваются изнутри индивида наружу, а не только внутри индивида, и связаны с эмоциональными опытами людей в воображаемой области, в фантазиях. Индивидуальный уровень — основной, но это не исключает влияния общества на фоне транснационального капитализма, реструктуризации политических арен, глобализации¹⁹. Все это требует от человека определения идентичности с точки зрения самоактуализации, и большое значение имеют культурные формы, через которые люди обретают, символизируют идентичности, прежде всего скорость процессов²⁰.

Современные формы глобальной взаимозависимости сами по себе не предопределяют для индивидов глобального набора общего культурного опыта, социальных ценностей или идеологии. Измене-

ния во взаимодействии людей глубоко вписаны в чувство индивидуализма, требуя от индивида значительной психической нагрузки и реорганизации собственной жизни²¹. Следовательно, социологические теории должны принять вызовы изменений социальной жизни и объяснять сложные, противоречивые пути, которыми индивиды формируют и преобразовывают чувство собственной идентичности и индивидуализма²².

Сегодня существует много разных факторов и внешних сил, влияющих на рост индивидуализма: капитализм стал многоликим и многонациональным, изменилась география центров политической активности, идет модернизация экономик и организации жизни. Многоликая культура мегаполисов, создание корпоративных сетей, фрилансерство, сокращение штата организаций, электронные руководства по самопомощи и др. изменили социальные условия жизни²³. Переосмысливаются социальные практики, управляемые и нацеленные на гибкость, пластичность и постоянные изменения. Это создает и возможности и угрозы как личной идентичности, так и институциональному развитию общества. Процессы глобализации действуют не только по горизонтальной оси, унифицируя в мире деятельность многонациональных капиталов, но и по вертикальной оси, проникая в суть “Я” современного индивида. Рост индивидуализма при постоянной озабоченности гибкостью, соблазны, стремление к индивидуальной самореализации негативно отражаются на устойчивости социальной структуры так называемого “сделай себя сам” общества²⁴. Постоянное желание обновления, “переизобретения” себя быстро становится целью жизни, часто приводит к зависимости от навязчивых идей, разного рода расстройств. Индивиды хотят преобразовать и “улучшить” всего себя, изменяться, причем немедленно, что наиболее ярко проявилось в феномене потребления. Рыночные отношения предлагают различные решения, обещающие мгновенные желаемые изменения, которые сводятся к “покупке” идентичности (от психотерапии до пластической хирургии). Индустрия рекламы постоянно убеждает вести постоянный поиск и выбор своего “Я”. Концепция “нового индивидуализма” объясняет факт формирования культуры “до следующего раза”, непрестанной жажды мгновенного изменения²⁵. Конструирование идентичности рефлексивно отражает процессы, происходящие в современном обществе.

¹⁶ Beck U. The reinvention of politics. Cambridge; N.Y., 1997; *Idem*. What is globalization? Cambridge, 2000; *Idem*. Individualization. Thousand Oaks, 2002.

¹⁷ Elliott A., Lemert C. The new individualism. The emotional costs of globalization. L., 2006.

¹⁸ *Ibid.* P. 71–73.

¹⁹ *Ibid.* P. 72

²⁰ Elliott A. The new individualist perspective: identity. Transformations in the aftermath of the global financial crisis // Forum. 2010. N 11. P. 33–34.

²¹ Elliott A., Lemert C. *Op. cit.* P. 7–11.

²² *Ibid.* P. 90.

²³ Elliott A. *Op. cit.* P. 32.

²⁴ Elliott A., Lemert C. *Op. cit.* P. 3.

²⁵ Elliott A. *Op. cit.* P. 35.

Манипулируемая идентичность

В теориях манипулируемой идентичности за основу берется теоретическое наследие Франкфуртской школы²⁶ с акцентом на доминирование общества над отдельным человеком посредством безличных форм системы и формул науки. Определенная модель поведения навязывается, в частности, с помощью культуриндустрии, формируя стандартные потребности и их удовлетворение стандартными продуктами. На основе принципа доминирования власти над подчиненным индивидом появляется тотальный универсум. Ю. Хабермас в концепции коммуникации и публичной сферы указал на манипуляционные аспекты, на то, как они влияют на идентичность современного человека²⁷. Его идея состоит в том, что язык содержит нормы для критики господства и репрессии, а также силу, которая может быть основой для действительной демократизации общества. Коммуникативное действие рационально и может инициировать критику и поддерживать процесс дискурсивного волеизъявления. Ю. Хабермас утверждает, что публичная сфера была разрушена теми же силами, которые ее создали, в частности государством, капиталистической экономикой, политическим контролем. Возник новый вид влияния: определенные силы (и в конкурентной борьбе) посредством контроля над потоками коммуникаций влияют на индивидов, манипулируют поведением людей, формируя нужные идентичности путем отбора тем для обсуждения и способов их артикуляции.

Вопросы идентичности с позиции манипуляции исследуются в работах С. Холла²⁸. Он считает идентичность точкой пересечения субъективных процессов, вписанных в жизнь индивидов, и дискурсов, которые представляют индивидов и конструируют их в качестве субъектов. Идентичности — это точки временного прикрепления к субъектным позициям, построенным из дискурсивных практик. Идентичности никогда не унифицированы и становятся все более фрагментированными, их репрезентация происходит не изнутри, а извне. Идентичности производятся в конкретных исторических и институциональных условиях как результат конкретных практик.

Н. Роуз²⁹ рассматривает вопросы идентичности при построении теории общества и объяснении современных взаимозависимостей

²⁶ Хоркхаймер М., Адорно Т. Диалектика просвещения. Философские фрагменты. М.; СПб., 1997.

²⁷ Habermas J. The structural transformation of the public sphere. Massachusetts, 1991.

²⁸ Hall S. Representation: cultural representations and signifying practices. L., 1997; Hall S. Who needs "identity"? From identity: a reader.

²⁹ Rose N. Governing the soul. L., 1999; Rose N., Miller N. Governing the present: administering economic, social and personal life. L., 2008.

в системе “политика власти — эксперты (группы влияния) — человек”. Он считает, что индивид не самостоятелен в выборе идентичности и ее конструировании, на него оказывают действие “специально обученные эксперты человеческих душ” — группы влияния, тактику которых задают и целенаправленно формируют внешние силы. Следовательно, идентичность управляема и манипулируема. Другой важный элемент формирования идентичности — действие техник влияния, в частности психологического воздействия, навязываемые модели поведения. Третий фактор — капиталистическое производство и общество потребления: от индивида требуется только работать и покупать без лишних вопросов, т.е. нужны предсказуемые и манипулируемые индивиды. Происходит “кодификация искусства существования”³⁰, техники влияния должны формировать требуемую идентичность. Жизнь, работа индивидов как субъектов общества регулируются не структурами аппарата власти и управления централизованного государства, а техниками влияния института агентов на его “Я”, которые при необходимости “включают” амбиции политических, научных, благотворительных и профессиональных организаций или социальных институтов. Н. Роуз обращает внимание на распространение методов психотерапии. Даже тело человека одновременно стало объектом изучения и клиническим участником применения новых терапий, средством воздействия и фрагментации “Я” индивида. Лексика психотерапии все шире входит в нашу жизнь, и это неминуемо влияет на идентичность: как индивид выбирает, переживает, дисциплинирует, конструирует свое “Я”³¹. Индивид не просто может выбирать, но обязан толковать жизнь с точки зрения оценки своего выбора, его возможностей и ценностей. Когда индивид не выдерживает личной ответственности за выбор, то ищет, на кого ее переложить. И задача психотерапии — восстановить способность человека делать выбор в единстве своего “Я” у тех, кто не способен действовать в условиях императива выбора или считает выбор бессмысленным, испытывает страх фрагментации “Я”. Психотерапия производит индивидов “свободных в выборе”, но при этом способных принимать модели выбора, заданные экспертами, агентами влияния³². У психотерапии есть положительные стороны, поскольку она позволяет “научиться” самоутверждению, самоконтролю и качествам, обеспечивающим успех в жизни. С помощью приемов и методов психологии можно научиться отдыхать, расслабляться, овладеть искусством личных отношений. Но при

³⁰ Rose N. Op. cit. P. 217.

³¹ Ibid. P. 218.

³² Ibid. P. 231.

этом возникают постоянные сомнения, неуверенность, даже удовольствие становится формой работы “под знаком профессиональной экспертизы и под эгидой научно кодифицированного знания”. Жизнь становится искусством подражания заданным агентами влияния образцам и образам жизни. Эти образы задают индивиду шаблоны принятия решений. В соответствии с этим миром идеальных образов и ценностей идентичность должна быть изменена, перестроена с целью добиться успеха сообразно заданным моделям. Распространение психотерапевтических методов, по мнению Н. Роуза, не является государственным надзором, регулированием индивидов как социальных субъектов³³. Главной особенностью агентов, институтов и методов влияния является их отрыв от центральной власти и регулирование на уровне социальных институтов и внутреннего мира отдельных индивидов. Использование техник манипуляции имеет значение не как расширение сферы влияния, а как превращение их в реальные практики, которые, способствуя праву индивида быть свободным, оказывают значимое влияние на его идентичность³⁴.

Изолированный приватизм

В социологии приватизм интерпретируется как внимание только к личным интересам, исключая широкие социальные проблемы и отношения. С точки зрения концепций идентичности приватизм — это новый преобладающий модус жизни. Д. Рисмен³⁵ выдвинул тезис об “одинокой толпе” как обществе ложной интеграции, ложной персонализации и вынужденной изоляции. Развивая эту идею, К. Лэш³⁶ рассматривает идентичность с точки зрения концепции “минимального Я” как стратегии выживания, попытки человека выжить посреди страхов и опасностей современного мира. Р. Белла³⁷, исследуя взаимоотношение индивидуализма и ценностей либеральной демократии, не делает различия между личной и публичной жизнью человека и много внимания уделяет месту религии в современном мире. Изолированный приватизм и его возможные политические последствия для общества рассматриваются Р. Путнэмом³⁸ через сферу досуга. Он приводит в пример боулинг: чем больше людей станет им заниматься, тем большее их число будет “играть”

³³ Ibid. P. 242–243.

³⁴ Ibid. P. 261–262.

³⁵ Riesman D. The lonely crowd. Yale, 2001.

³⁶ Lasch C. The minimal self: psychic survival in troubled times. N.Y., 1985.

³⁷ Bellah R. Habits of the heart: individualism and commitment in American life. Los Angeles, 1996.

³⁸ Putnam R. Bowling alone: the collapse and revival of American community. N.Y., 2001.

в одиночестве, т.е. все меньше людей участвуют в социальном общении. А. Хохшильд³⁹ связывает приватизм с коммерциализацией жизни, когда дом становится работой, а работа домом; с господством рыночных отношений, особенностью которых сегодня является то, что любое действие, покупка подчинены принципу рациональности. Он описывает способы того, как индивидуальное “Я” человека сдерживает напор внешних сил, действующих в обществе, и как индивиды отдаляются не только от других, но и от самих себя.

Следует остановиться на концепции Р. Сеннета⁴⁰, представляющей собой критический анализ форм современного капитализма и его влияния на общество. Быстро развивающийся гибкий глобальный капитализм лишает человека четких ориентиров в жизни и ведет к “коррозии характера”, при которой подлинные чувства, связи и симпатии становятся все более ущербными и скудными⁴¹. Р. Сеннет подчеркивает социальную природу характера человека, который он определяет как этическую ценность. Эту этическую ценность индивиды в долгосрочной перспективе и на устойчивых началах придают своим собственным желаниям и отношениям с другими. Человек может и должен эмоционально сопереживать другим. Коррозия характера означает, что одновременно утрачены устойчивые качества и социальное участие. В число причин, вследствие которых это происходит, включены следующие моменты: новые формы занятости и труда в форме непостоянной занятости, подрядных работ угрожают характеру человека; больше нет согласованности и преемственности в опыте работы, сообщества постепенно исчезают из общества; возрастает отчуждение от собственных потребностей и идеалов.

Р. Сеннет⁴² ставит ряд важных вопросов: каким образом мы решаем, что является непреходящей ценностью в обществе, ориентированном только на ближайший момент? Возможно ли иметь ориентиры и обязательства, которые постоянно разбиваются на части или неустанно переизобретаются? Р. Сеннет изучал последствия частых переездов, смены работы и установил, что сегодня средний американец может сменить работу до 11 раз и три раза поменять профессию, т.е. у него очень мало оснований для стабильной жизни. Неустойчивость социальных институтов означает, что люди сегодня не в состоянии проявить привязанности, необходимые для межличностных отношений и гражданского участия,

³⁹ Hochschild A. The commercialization of intimate life. Los Angeles, 2003.

⁴⁰ Сеннет Р. Коррозия характера. Новосибирск, 2004; Sennett R. The fall of public man. N.Y., 1992; Idem. The craftsman. Yale, 2008.

⁴¹ Сеннет Р. Указ. соч.

⁴² Там же.

потому что их эмоциональные глубины и аффективное пространство межличностного общения пусты. Упадок публичной жизни происходит вследствие патологического нарциссизма и расстройств характера. Сокращение публичного пространства происходит не просто из-за влияния рынков или бюрократизации, но вследствие существования приоритета желаний самореализации, чувственного удовлетворения и эгоцентризма над социальными связями, контактами.

Р. Сеннет считает свой метод критической социологии “культурным материализмом”, попыткой найти практические способы вовлечь людей в коллективные практики, развить у них самоуважение и взаимное уважение. Он подчеркивает важность решения этических вопросов и полагает, что ценности Просвещения достижимы лишь на основе практической деятельности. Человеческое достоинство гораздо важнее, чем “суперблаго” как нравственный идеал неолиберальной морали. Идея свободы обычно проявляется в стремлении к личной независимости, что подрывает социальную сплоченность общества. Поэтому Р. Сеннет продолжает разработку концепции в направлении поиска практических способов сплочения людей⁴³. Так, по инициативе голландского философа Х. Остерлинга в Роттердаме разработан и осуществлен образовательный проект для молодых людей, реализация которого подразумевала совместное ведение быта, практику боевых искусств, изучение философии, дискуссии с целью развития чувств солидарности и ответственности.

Исследователи указывают на негативное, дезориентирующее влияние современности на идентичность, в частности на то, что мир непостоянной занятости, временных, подрядных работ реорганизует внутреннюю жизнь человека. Главная причина этого — глубокое изменение в протяженности работы во времени и в смысле труда, когда на смену ясной и фиксированной долгосрочной определенности пришли скоротечность и легкость перемен.

Информационно-коммуникационные технологии и идентичность

Термин “век информации” возник как результат современного социологического воображения с целью показать влияние глобальной коммуникации и потоков информации. Эра глобальных коммуникаций и технологий открыла новые возможности, которые неминуемо влияют на современные идентичности и проникают в суть человеческого опыта.

⁴³ Sennett R. The craftsman. P. 7–11.

Ж. Бодрийяр⁴⁴ детально разработал теоретические положения о том, как потоки коммуникации, информации, изображений, идей и идеологий пронизывают повседневную жизнь. Центральное место в его анализе информационного общества занимает переход от модернистского понимания реальности к постмодернистской концепции искусственной, виртуальной реальности, которую Ж. Бодрийяр называет гиперреальностью. Он утверждает, что ее время, “век”, начинается с разрушения всех старых основ бытия. Сегодня наш мир насыщен образами СМИ, симуляцией, имитацией реальности. Моделирование пространства, которое должно представлять современный мир, “взрывает” этот самый мир. Жизнь круглые сутки в пространстве, в среде потоков массовой информации давит на человека, потому что люди соперничают увиденному, испытывают стрессы, ужасы борьбы, насилия, которые воспринимают за признаки реального и пытаются преодолеть связанную с ними напряженность в действительности.

Вопросы идентичности во взаимосвязи с широким распространением новых информационно-коммуникационных технологий анализирует Д. Мейровиц⁴⁵. По его мнению, они меняют контекст идентичности, ослабляя связи между физическим и социальным местом, локализуя “Я” индивида в новых гибридных пространствах действий. Информационно-коммуникационные технологии представляют собой смесь публичного и личного, привлекают, манят новыми вариантами представления и идентификации себя, в том числе формируя коллективные конфигурации. Эти технологии изменили границы коллективов: различия в возрасте, физических возможностях, профессиональной принадлежности и т.д. теперь не столь жесткие как отличие компьютерно-грамотных от компьютерно-безграмотных.

Д. Олзайде⁴⁶ указывает на новые коммуникационные форматы: режимы выбора, организацию и представление информации, которые создают условия для идентификации “Я”, предоставляют новые возможности и модели выбора. Эти новые форматы определяют социальную активность, могут изменить, ликвидировать существующую практику или способствовать появлению новой. Клавиатуры телефонов, компьютеров, банкоматов, терминалов открыли путь к принципиально новому взаимодействию, являя тип обратной социализации, сокращая дистанцию между детьми и взрослыми,

⁴⁴ См.: Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция. Тула, 2013.

⁴⁵ Meyrowitz J. No sense of space: the impact of electronic media on social behavior. Oxford, 1985.

⁴⁶ Altheide D. An ecology of communication: cultural formats of control. Hawthorne; N.Y., 2005; *Idem*. The control narrative of the Internet // Symb. Interact. 2004. Vol. 27. N 2.

работой и игрой. Новые коммуникации направляют форму и содержание социального взаимодействия индивидов. Д. Олзайде исследует взаимоотношение структур власти и общественного контроля, а также то, как современные технологии дают тем или иным лицам власть определять социальное положение других, намечает способы “блокировки” социального пространства и создания сценариев нового действия. Есть мнение⁴⁷, что медиаобъекты способны задавать, даже диктовать человеку модели построения идентичности, став сегодня своего рода “живыми”, что отношения человека — машины “зеркалят” человеческие отношения.

В мире, в котором нет устойчивости, присутствуют лишь мимолетные знаки реального, а информационно-коммуникационные технологии наполняют его потоками разнообразной и разнородной информации, ничто не сохраняет стабильность долго, идентичности фрагментированы, а окружающая действительность оказывается одним из мерцаний смоделированных событий, одноразовых изделий, заданных фантазий.

В заключение хотелось бы сказать следующее. Интенсивно глобализующийся мир новых технологий, открытый мир моделей и образов с пространством, “независимым” от места или региона, означает ли он непрерывное конструирование и борьбу за идентичность, их многообразие или, наоборот, приведет к исчезновению феномена идентичности в современном понимании? Современные концепты характеризуют идентичность как многофакторное явление и противоречивый опыт, отражающий социальные преобразования в обществе. Процесс конструирования своего “Я” теперь не основывается на традиции и все больше подвержен внешнему воздействию, различным формам зависимости, а одна из причин этого — открывшаяся свобода исследования идентичности и экспериментирования с ней. Мнения многих исследователей и общественных деятелей о социальных и политических опасностях переопределения форм идентичности основываются на росте индивидуализма в современной культуре. Проблемы конструирования идентичности, сплоченности социальных групп на глобальном уровне связаны с широкомасштабными преобразованиями, которые обусловлены транснациональным капитализмом, модернизацией и глобализацией. Исследования в области теорий индивидуализма отмечают такие ключевые процессы социальных изменений, как наличие определенного давления, целенаправленной политики идентичности и индивидуализации, обособление личной культуры. Слом традиционных аскриптивных идентичностей привел к активному подъему множества фрагментированных

практик, которые в свою очередь открывают новые способы конструирования себя в личной и общественной жизни.

Исследователи изучают различные факторы, влияющие на конструирование идентичности, механизмы, с помощью которых она создается, поддерживается и изменяется. Информационно-коммуникационные технологии освободили человека от необходимости физического соприсутствия при взаимодействии, расширили спектр вариантов, моделей “обобщенных других” для построения идентичности. Озабоченность мотивами групп влияния и самоопределением человека дала новый импульс к изучению процессов идентификации. Центр внимания сместился на коллективную идентичность и результаты коллективных самоопределений с ориентацией на гендер/пол, расу/этничность и классы по причине активизации и распространения в последние десятилетия социальных и национальных движений⁴⁸, в частности на социальные и политические последствия, возникающие в результате таких коллективных самоопределений.

Сегодня в социогуманитарных науках нет однозначных подходов к проблеме идентичности. Одни исследователи опираются на методологические принципы, другие характеризуют идентичность по “сильным и слабым” сторонам, третьи изучают последствия ее изменения для общества. Разработки в области социологических теорий выявили различные глобальные институциональные силы, которые подпитывают новые тенденции понимания “Я” и конструирования идентичности в современности. Несмотря на различия предлагаемых концепций, в них прослеживается одна общая социологическая линия — индивиды все чаще вынуждены становиться “архитекторами своей жизни”, они не опираются более на традицию и постоянно переопределяют, формируют свою идентичность.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бауман З. Индивидуализированное общество. М., 2002 (*Bauman Z. Individualizirovannoye obshchestvo. M., 2002*).

Бауман З. Текучая современность. СПб., 2008 (*Bauman Z. Tekuchaya sovremennost'. SPb., 2008*).

Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция. Тула, 2013 (*Bodriyyar Zh. Simulyakry i simulyatsiya. Tula, 2013*).

Кондратьев М.Ю., Ильин В.А. Азбука социального психолога-практика. М., 2007. (*Kondrat'yev M.Yu., Il'in V.A. Azbuka sotsial'nogo psikhologa-praktika. M., 2007*).

⁴⁷ Reeves B., Nass C. The media equation. Cambridge, 1996.

⁴⁸ Appiah A., Gates H. Identities. Chicago, 1995.

Полякова Н.Л. Современные социологические теории общества. М., 1996. (*Polyakova N.L.* Sovremennyye sotsiologicheskiye teorii obshchestva. M., 1996).

Рикер П. Герменевтика. Этика. Политика. М., 1995 (*Riker P.* Germe-nevtika. Etika. Politika. M., 1995).

Сеннет Р. Коррозия характера. Новосибирск, 2004 (*Sennet R.* Korroziya kharaktera. Novosibirsk, 2004).

Хоркхаймер М., Адорно Т. Диалектика просвещения. Философские фрагменты. М.; СПб., 1997 (*Horkheimer M., Adorno T.* Dialectica prosveshhe-niya. Filosofskkiye fragmenty. M.; SPb., 1997).

Философия. Энциклопедический словарь. М., 2004 (*Filosofiya. Entsiklo-pedicheskiy slovar'.* M., 2004).

Altheide D. An ecology of communication: cultural formats of control. Hawthorne; N.Y., 2005.

Altheide D. The control narrative of the Internet // *Symb. Interact.* 2004. Vol. 27. N 2.

Appiah A., Gates H. Identities. Chicago, 1995.

Beck U. The reinvention of politics. Cambridge, 1997.

Beck U. What is globalization? Cambridge, 2000.

Beck U. Individualization. Thousand Oaks, 2002.

Bornman E. Struggles of identity in the age of globalization: searching for anchors that hold // *Communicatio.* 2003. Vol. 29. N 1–2.

Brubaker R., Cooper A. Beyond “identity” // *Theory and Society.* 2000. N 29.

Bellah R. Habits of the heart: individualism and commitment in American life. Los Angeles, 1996.

Calhoun C. Critical social theory: culture, history, and the challenge of dif-ference. N.Y., 1995.

Cerulo K. Identity construction // *An. Rev. of Soc.* 1997. Vol. 23. N 1.

Connell R. Gender and power: society, the person, and sexual politics. Stan-ford, 1987.

Elliott A. The new individualist perspective: identity. Transformations in the aftermath of the global financial crisis // *Forum.* 2010. N 11.

Elliott A., Lemert C. The new individualism. The emotional costs of globaliza-tion. L., 2006.

Erikson E. Identity and the life cycle. N.Y., 1959.

Habermas J. The structural transformation of the public sphere. Massachu-setts, 1991.

Hall S. Representation: cultural representations and signifying practices. L., 1997.

Hall S. Who needs “identity”? From identity: a reader / Ed. by P. du Gay, J. Evance, P. Redman. L., 2000.

Hochschild A. The commercialization of intimate life. Los Angeles, 2003.

Giddens A. Modernity and self-identity: self and society in the late modern age. Stanford, 1991.

Gilman S. Difference and pathology: stereotypes of sexuality, race, and mad-ness. Ithaca; N.Y., 1985.

Kehily M. What is identity? A sociological perspective. ESRC Seminar. L., 2009.

Lasch C. The minimal self: psychic survival in troubled times. N.Y., 1985.

Luckmann T. Personal identity as a sociological category. Zagreb, 2006.

Meyrowitz J. No sense of space: the impact of electronic media on social be-havior. Oxford, 1985.

Putnam R. Bowling alone: the collapse and revival of American community. N.Y., 2001.

Reeves B., Nass C. The media equation. Cambridge, 1996.

Riesman D. The lonely crowd. Yale, 2001.

Rose N. Governing the soul. L., 1999.

Rose N., Miller N. Governing the present: administering economic, social and personal life. L., 2008.

Sennett R. The fall of public man. N.Y., 1992.

Sennett R. The craftsman. Yale, 2008.

Stryker S. Symbolic interactionism. Menlo Park, 1980.

Stryker S., Burke P.J. The past, present, and future of an identity theory // *Social Psychology Quarterly. Special Millenium Issue.* 2000. Vol. 63. N 4.

Д.В. Катаев, канд. социол. наук, доц. кафедры социологии Липецкого государственного педагогического университета*

Г. Вольф, докт. социол. наук, научный сотрудник социологического исследовательского института университета (SOFI) им. Георга Августа (г. Геттинген)**

АВТОНОМИЯ И ДЕМОКРАТИЯ В КОНЦЕПЦИЯХ МАКСА ВЕБЕРА И КОРНЕЛИУСА КАСТОРИАДИСА

D.V. Kataev, H. Wolf

AUTONOMY AND DEMOCRACY IN THE THEORIES OF MAX WEBER AND CORNELIUS CASTORIADIS

Актуализация веберовской исследовательской программы, ее дальнейшая разработка и применение являются одними из основных задач нео- и поствеберизма. Данная статья посвящена анализу взаимосвязи воззрений Макса Вебера и Корнелиуса Касториадиса на проблемы автономии, бюрократии и демократии в свете экспликации веберовской исследовательской программы в методологическом и онтологическом аспектах. Рассматриваются проблемы репрезентативности демократии в условиях бюрократизации и олигархизации.

Ключевые слова: автономия, имагинарность, демократия, бюрократия (бюрократизация), веберовская исследовательская программа, нео- и поствеберизм.

Realization of Weber's research program, its further development and application is one of the main objectives of neo- and post-Weberianism. This article is devoted to the analysis of interrelation of views of Max Weber and Cornelius Castoriadis on problems of an autonomy, bureaucracy and democracy in the light of an explication of Weber's research program in methodological and ontological aspects. Problems of a representativeness of democracy in the conditions of bureaucratization and oligarchization are considered.

Key words: autonomy, imaginary, democracy, bureaucracy (bureaucratization), weberian research program, of neo- and post-Weberianism.

Анализируя перспективы веберовской исследовательской программы, выдающийся исследователь творчества Макса Вебера Вольфганг Шлюхтер подчеркивает, что она направлена не просто на интерпретацию, но на экспликацию, что означает “следовать предложенной Вебером постановке проблем, но не во всем следо-

вать его решениям”¹. Аналогичная точка зрения на развитие и актуализацию веберовских идей представлена в работе Ю.Н. Давыдова², который, с одной стороны, последовательно отстаивает принцип целостного и аутентичного прочтения классика, а с другой — отмечает необходимость актуализации веберовских идей, поскольку многие “проклятые вопросы” так и остались нерешенными. При этом речь идет не только об основополагающих теоретико-методологических принципах эмпирической, понимающей социологии, но и о социально-политических и других аспектах творчества Макса Вебера, таких, как анализ автономии (в понимании Корнелиуса Касториадиса), тотальной бюрократизации, возможностей и форм демократии.

Творческой экспликацией веберовских работ, в процессе которой при сохранении постановки проблемы происходит поиск решений через осмысление и переосмысление, можно считать работы Корнелиуса Касториадиса. Несмотря на то что сам “еретик демократии” редко ссылается на работы классика, его первая научная работа, опубликованная в журнале “Архив социологии и этики”³, была посвящена Макс Веберу⁴. Именно ее интерпретатор и переводчик Касториадиса Дэвид Куртис считает важнейшим идейно-теоретическим истоком критики “бюрократического капитализма”⁵.

Обращает на себя внимание и то, что краеугольным камнем критических воззрений греческого мыслителя становятся веберовские вопросы о возможности спасения остатков индивидуалистической свободы личности в бюрократической “стальной клетке послушания” и контроля над постоянно растущим и всесильным слоем чиновников. Данные вопросы раскрываются и актуализируются Касториадисом как проблема автономии индивида в “либеральной олигархии”.

Неудержимое шествие бюрократии, как считает Вебер, ее эффективность, рациональность и в то же время непоколебимость грозит тем, что “единственной и последней ценностью для людей станет рациональное управление чиновников”, и таким образом бюрократизация может заморозить исторически сложившуюся об-

¹ Шлюхтер В. Действие, порядок и культура: основные черты веберовской исследовательской программы // Журнал социологии и социальной антропологии. 2004. Т. VII. № 2. С. 25.

² См.: Давыдов Ю.Н. Макс Вебер и современная теоретическая социология: актуальные проблемы веберовского социологического учения. М., 1998.

³ Castoriadis C. Εισαγωγή στον Max Weber (Μετάφραση της Εισαγωγής από το βιβλίο του Max Weber Οικονομία και Κοινωνία) // Αρχαίον Κοινωνιολογίας και Ηθικής. 1944. Ν 2.

⁴ См.: Нежелская И.В. Интеллектуальная биография К. Касториадиса // Политико-философский ежегодник. М., 2010. С. 57.

⁵ Curtis D.A. The Castoriadis reader / Ed. by D. Ames. Oxford, 1997.

* Катаев Дмитрий Валентинович, e-mail: dmitrikataev@rambler.ru

** Вольф Гаральд, e-mail: harald.wolf@sofi.uni-goettingen.de

щественную структуру посредством “приковывания” каждого члена общества к производству, классу, профессии. Поэтому чем эффективней функционирует бюрократия, тем больше она становится “машиной”, “стальной клеткой”, ведет к нивелированию, безличному господству, формализму, угрожает демократическим ценностям. Вследствие продвижения бюрократического господства Вебер ставит вопросы о будущей политической организации, которые и в настоящее время остаются актуальными: о возможности сохранения “индивидуалистических свобод”, о возможности политического и общественного “контроля вездесущей бюрократии”, о возможных формах демократического правления.

Эти “проклятые вопросы”, поставленные Вебером в 1918 г., остаются актуальными для Касториадиса во второй половине XX в. Как и Вебер, Касториадис размышляет о том, как в условиях “либеральной олигархии”⁶ возможна автономия индивида и подлинная демократия, понимаемая в традициях Аристотеля как ситуация, когда “каждый в состоянии управлять и быть управляемым”⁷. Когда не случай или случайный выбор определяют действие индивида, а он сам принимает участие в управлении. Греческий мыслитель считает радикальной случайностью ситуацию, когда “в данной общественно-исторической формации в определенное время и в определенном месте из миллионов тел появляется эта элитарная куча мычащего мяса и ничего другого”⁸.

Вебер видит возможность сохранения индивидуалистической свободы и демократических ценностей благодаря эффективному контролю государственной бюрократии со стороны общества, парламента и плебисцитарно избранного политического лидера при сохранении репрезентативности, а в идеальном случае — рационализации, превращения ее в нейтральный инструмент на службе общества (отчасти идеалистичная и в определенной мере утопичная теория, как и теория прямой демократии Касториадиса). В противоположность ему Касториадис говорит о необходимости изменения политической системы, о совершенно иной социальной организации, при которой граждане сами будут принимать участие в принятии решений и формировать социальные институты.

Касториадис частично осознает утопичность своих воззрений, признавая, что это “огромная проблема — реализовать действительную, прямую демократию не в афинском полисе с 30 000 жителями, а в государстве с 40 миллионами граждан, как во Фран-

⁶ *Castoriadis C. Autonomie oder Barbarei Ausgewählte Schriften. Band 1 übersetzt von Michael Halfbrodt / Hrsg. von M. Halfbrodt, H. Wolf. Hessen, 2006. S. 38.*

⁷ *Ibid. S. 63.*

⁸ *Ibid. S. 64.*

ции”⁹. Это неслыханно сложные проблемы, считает Касториадис, однако они решаемы, если люди мобилизуют свои способности.

Так же и Вебер в политической социологии реалистичен в оценке “нейтральности” и “эффективности” бюрократии, когда использует для ее характеристики метафоры “железной клетки”, “клетки послушания”, “машины”, прекрасно осознавая опасность апелляции к “профессиональному знанию” и “техническому превосходству”, подчеркивая угрозы появления в современных обществах восточно-египетской стратификации с привилегированным сословием чиновничества, которая затмит все преимущества рациональной бюрократии¹⁰.

Вопросы о сохранении индивидуалистической свободы или автономии непосредственно связаны с исследованием концепции демократии и демократических форм правления Касториадисом и Вебером. В 1917 г. Вебер пишет о необходимости дополнения трех типов господства еще одним — демократическим. Несмотря на то что впоследствии он отказывается от этой идеи¹¹, проблема демократии остается одной из центральных в его последних работах. Неслучайно С. Колберг относит идеальный тип бюрократии не к “логическим” (как это, например, принято в социологии организации), “контекстуальным” (замечание Шмоллера по поводу образца прусской бюрократии) и “эволюционным” (парсоновская трактовка бюрократии как эволюционной универсалии) моделям, а к “динамическим”¹². Динамизм при этом, согласно Колбергу, проявляется в постоянной напряженности в отношении демократии.

Однако демократию в значении “власть народа” Вебер считает иллюзией и фикцией. В письме Р. Михельсу он пишет: «Такие понятия, как “волеизъявление народа”, “действительное волеизъявление народа” для меня больше не существуют»¹³. Это в полной мере относится и к демократическому управлению: “Демос в смысле массы людей никогда не управляет в больших социальных образованиях самостоятельно, наоборот, является объектом управления и определяет лишь вид господствующей элиты—управленцев и степень влияния на нее”¹⁴.

⁹ *Ibid. S. 33.*

¹⁰ *Weber M. Wirtschaft und Gesellschaft: Grundriss der verstehenden Soziologie // Max Weber. Besorgt von Johannes Winkelmann. Tübingen, 1980. S. 835.*

¹¹ *Breuer S. Typen und Tendenzen der Demokratie // Max Webers Grundbegriffe: Kategorien der kultur- und sozialwissenschaftlichen Forschung / Hrsg. von K. Lichtenbau. Wiesbaden, 2006. S. 218.*

¹² *Kalberg S. Einführung in die historisch-vergleichende Soziologie M. Webers. Wiesbaden, 2001. S. 133–134.*

¹³ *Weber M. Briefe 1906–1908 / Hrsg. von M.R. Lepsius, W.J. Mommsen, B. Rudhard, M. Schön. Tübingen, 1990. S. 615.*

¹⁴ *Weber M. Wirtschaft und Gesellschaft... S. 568.*

Иллюзорность (имагинарность) демократии, а также олигархическая, бюрократизированная организация общества неоднократно подчеркивается Касториадисом: “Современная политическая система — это не демократия (не народ обладает властью и осуществляет ее), а либеральная олигархия”¹⁵. Таким образом, Вебер и Касториадис считают прямую демократию, демократию как “власть народа”, как истинное волеизъявление народа, фикцией в современном обществе. Однако Касториадис, в отличие от Вебера, несмотря на огромные проблемы, связанные с реализацией прямого волеизъявления, не только допускает возможность прямой демократии, но и считает ее единственно возможной формой реализации автономии индивида: “...настоящая демократия включает в себя участие всех граждан в принятии решений, в образовании институтов, которые способны управлять и быть управляемыми, как это точно выразил Аристотель”¹⁶.

В свою очередь Вебер более скептически относится к перспективе демократического управления. Для него “очередность, жребий, выборы” являются “примитивными” формами рекрутирования управленческого аппарата. Данный тип не должен быть отправным пунктом типического, исторического “эволюционного ряда”, а только типологическим пределом, из которого следует исходить при рассмотрении категорий господства и управления¹⁷, и лишь примером стремления к отсутствию структуры управления и его деперсонализации. Данная форма предполагает, по Веберу, принципиально одинаковую квалификацию всех членов организации и руководства, минимизацию командной власти и отсутствие аппарата управления. Если аппарат управления и представлен, то только в рудиментарной форме. Об отсутствии структуры управления и деперсонализации управленческих решений речь идет в той мере, в какой для данной формы управления характерны отсутствие иерархии, ведомственная ротация, низкая специализация, нивелирование должностей и т.д. Однако при этом “непосредственная демократия, — пишет Вебер, — является рациональной организацией или может ею быть”¹⁸, но только в локально ограниченных условиях (коммунальное управление) или при решении задач, не требующих специальной подготовки.

Следует учитывать в данной связи, что прямая демократия, как и другие формы коллегиального управления, служит для Вебера методологическим средством для акцентуации эффективности

¹⁵ Castoriadis C. Autonomie oder Barbarei Ausgewählte Schriften... S. 38.

¹⁶ Ibid. S. 32.

¹⁷ Weber M. Wirtschaft und Gesellschaft... S. 568.

¹⁸ Ibid. S. 170.

“чистого типа” рационально-легальной бюрократии в рамках сравнительно-структурной перспективы, а не целью конструирования идеального типа. Это отмечает Шлюхтер в своей ранней работе “Аспекты бюрократического господства”¹⁹. Экспликация Касториадиса “прямой демократии”, напротив, ставит целью исследование перспектив прямой демократии, а бюрократическое господство выступает средством исследования, однако уже в аспектах дисфункциональных проявлений.

Экспликация Касториадиса, выраженная в превращении веберовских целей в средства исследования и средств в цели, идентична исследованиям патримониального типа бюрократии Вебера применительно к бюрократии советского типа целым рядом социологов, таких, как Р. Пайпс²⁰, С. Бройер²¹ и М. Масловский²². В данном случае речь идет уже не о сравнительно-структурной, а о сравнительно-исторической перспективе в выделении специфических рациональных черт легальной бюрократии. В то время как этот тип из веберовской исторической кальки для анализа формально-рациональных аспектов современного типа бюрократии трансформируется в цель исследования и актуализации (в данном случае патримониализм в России советской эпохи, как утверждают авторы).

В веберовских текстах мы находим, однако, замечания, что Россия встала на неотвратимый путь рационализации и индустриализации; тип патримониальной бюрократии он применяет лишь ко времени правления Екатерины II, Петра III, и Павла I²³. Бюрократию в социализме Вебер все же склонен рассматривать как рациональную бюрократию с ориентацией на материальную рациональность в рамках легального господства²⁴. Несмотря на довольно спорную трактовку патримониальной бюрократии с точки зрения “аутентичного прочтения” Вебера, актуализация и экспликации универсально исторической методологии на современные проблемы бюрократии заслуживают самой высокой оценки.

Неслучайно Ю.Н. Давыдов предпочитает говорить о бюрократии нового типа применительно к советской бюрократии, а не о патримониальной или традиционной, предостерегая от опасностей ассоциаций между сталинизмом и “русским абсолютизмом”,

¹⁹ Schluchter W. Aspekte bürokratischer Herrschaft. Studien zur Interpretation der fortschreitenden Industriegesellschaft. München, 1972. S. 88.

²⁰ Pipes R. Russia under the Bolshevik regime. L., 1994.

²¹ Breuer S. Soviet communism and Weberian sociology // Journal of Historical Sociology. 1992. Vol. 5. N 3.

²² См.: Масловский М. Харизма разума, изобретенная традиция и советская модель модерна // Неприкосновенный запас: дебаты о политике и культуре. 2013. № 4 (90).

²³ Weber M. Wirtschaft und Gesellschaft... S. 681.

²⁴ Ibid. S. 834.

“которыми побаловались на Западе, а теперь балуются у нас, встречая восторги околонуточной публики”²⁵. Следуя традициям немецкой интерпретационной школы (аутентичность, целостность и актуализация прочтения Вебера), Давыдов конструирует новый, уникальный тип тоталитарной бюрократии, с идеально-типowymi характеристиками, такими как репрессивность, вездесущность, всеохватность, самовозвышение и др.²⁶, с вытекающими условиями “люмпенизации” общества, рассмотрением согласно веберовской терминологии “харизмы” вождя и определением функциональности.

Такая точка зрения во многом совпадает с мнением Касториадиса, с работами которого, очевидно, был знаком Давыдов²⁷. Как и для Вебера и его интерпретатора Давыдова, социализм и капитализм для греческого мыслителя — это две формы бюрократического господства, различающиеся лишь видом собственности, распределения и степенью централизации власти²⁸. Русская революция, пишет Касториадис, привела к созданию нового типа режима подавления и эксплуатации с бюрократией, образовавшейся вокруг коммунистической партии, в качестве нового господствующего класса. Этот режим он обозначает как тотальный, соответственно тоталитарный бюрократический капитализм²⁹.

Касториадис также четко разграничивал сравнительно-исторические и сравнительно-структурные аспекты идеального типа, соответственно для него также существует дихотомия “профессионализма” бюрократии и “дилетантизма” коллегиальных (демократических) форм управления. Однако сама рациональность и профессионализм бюрократии предстают у Касториадиса как “имагинарность”, как “иерархичная структура, заполненная противоречиями, постоянной борьбой и конфликтами”³⁰, обладающая “псевдознанием” и “псевдорациональностью”, которые легитимируют власть³¹. Подвергая сомнению рациональность и прежде всего эффективность бюрократического аппарата, Касториадис изменяет исследовательский вектор в сторону прямой демократии, представленной у Вебера как типологический предел для анализа типов господства, и конструирует собственный идеальный тип, главными чертами которого являются сотрудничество, кооперация и автономия.

²⁵ Давыдов Ю.Н. Указ. соч. С. 440.

²⁶ Там же. С. 441–442.

²⁷ См.: Давыдов Ю.Н. Социология контркультуры: инфантилизм как тип мировоззрения и социальная болезнь. М., 1980.

²⁸ Weber M. Wirtschaft und Gesellschaft... S. 119; Castoriadis C. Autonomie oder Barbarei Ausgewählte Schriften... S. 190.

²⁹ Castoriadis C. Autonomie oder Barbarei Ausgewählte Schriften... S. 18.

³⁰ Ibid. S. 98.

³¹ Ibid. S. 80.

Следует отметить в связи с концепцией прямой демократии теорию полиархии Роберта Дая. Он согласен с Вебером и Касториадисом в том, что демократия — это утопия, но, как он полагает, утопия полезная и достижимая. Средством достижения этой утопии служит полиархия, идеально типовые характеристики которой включают в себя как веберовское видение механизмов контроля бюрократии со стороны общества и парламента, так и концепцию автономии Касториадиса, предполагающую формирование автономных общественных институтов³². С точки зрения сочетания экспликации веберовской модели контроля бюрократии со стороны плебисцитарно избранного лидера и необходимости формирования автономных институтов обращает на себя внимание модель “делегативной демократии” Г. О’Доннелла³³ как демократии переходного периода от авторитаризма и социализма к демократическому режиму. Автор обращает внимание на тот факт, что в случае провала социально-экономической политики и отсутствия автономных демократических институтов неизбежен возврат к авторитаризму и утрата легитимности лидера.

Сама концепция репрезентативности требует пояснения и конкретизации в работах обоих авторов. Как считает Вебер, в случае преобладания четкой организации управления, а также деловых, а не личных ориентаций речь идет о формах репрезентативной демократии. Подобная форма, по Веберу, означает, “что действия определенных членов организации (представителей) являются для остальных значимыми и легитимными”³⁴, представители фактически исполняют не волю избирателей или всего народа, а свою собственную или волю партии.

Касториадис в свою очередь считает идею репрезентативности и само разделение властей “имагинарностью”, констатируя «отсутствие философии “репрезентативности”», а саму репрезентативность он считает “имплицитной метафизикой”, не поддающейся “социологическому анализу”³⁵. Греческий мыслитель считает абсурдной ситуацию, в которой избиратели безвозвратно передают собственную власть тому, в интересах которого эта власть и осуществляется. Цитируя Вебера, он утверждает, что представитель выполняет свою собственную волю или волю партии: “Партии — это не объединения с общими убеждениями и даже не организации по интересам, а бюрократические аппараты, во главе которых стоят кланы, самостоятельно определяющие, кто к ним относится

³² См.: Дая Р. Полиархия: участие и оппозиция. М., 2010.

³³ O’Donnell G.A. Delegative democracy // Journal of Democracy. 1994. Vol. 5. N 1.

³⁴ Weber M. Wirtschaft und Gesellschaft... S. 171.

³⁵ Castoriadis C. Autonomie oder Barbarei Ausgewählte Schriften... S. 82.

ся”³⁶. Повторим: “даже не организации по интересам”, и это также отличает его от Вебера, который утверждает, что партии — это рекламные объединения по интересам³⁷. “По содержанию беспринципные, они (политические партии) пишут, конкурируя друг с другом, те требования в свою программу, которым они приписывают наибольшее рекламное воздействие на избирателя”³⁸. Принцип разделения властей для Вебера и Касториадиса в современных демократиях также мало чем отличается от монархий, поскольку партия, получившая большинство, обладает и исполнительной и законодательной властью.

В качестве объекта критического осмысления репрезентативной демократии Вебер и Касториадис выбирают США. Политическую систему американского общества Вебер обозначает как “плебисцитарную машину”. Основными чертами такой “машины” становятся независимость бюрократии от парламента, так как глава исполнительной власти является одновременно главой “ведомственного патроната”, а также и экономическая эксплуатация политики. В другом месте Вебер вообще пишет об отсутствии парламента как государственного органа в США. В руках президента находится 300 000–400 000 назначений на должности в исполнительной власти — партийцев, которые назначаются не на основании квалификации, а на основании заслуг перед партией. Немецкий социолог подчеркивает, что такое состояние имеет следствием чудовищные недостатки и злоупотребления, такие, как коррупция и неэффективность, которые может выдержать только страна с неограниченными экономическими возможностями³⁹.

Важнейшей фигурой американской политической системы Вебер считает “босса”, политически ангажированного капиталистического предпринимателя, обеспечивающего голоса избирателей. Фигура “босса”, пишет Вебер, необходима в качестве прямого получателя средств от финансовых магнатов. Его не интересуют социальные почести, для него важна власть как источник денег, средства он получает от чиновников, приобретших благодаря ему и его партии должность, а также от взяток и подачек. Таким образом, резюмирует Вебер, в США существует строго организованное партийное предприятие, основа которого — в четко упорядоченных клубах, которые стремятся исключительно к получению прибыли через достижение политической власти. Небюрократическая форма структуры⁴⁰ государства компенсируется строго организованными

³⁶ Ibid. S. 82–83.

³⁷ Weber M. *Wirtschaft und Gesellschaft...* S. 837, 846.

³⁸ Ibid. S. 839.

³⁹ Ibid. S. 836–839.

⁴⁰ Ibid. S. 860.

политическими образованиями — партиями профессиональных политиков. В этом отношении бюрократически организованные партии постоянно стремятся к “кастрации харизмы”⁴¹, которая происходит постоянно в рамках института президентства, поскольку она в своем первоначальном смысле угрожает налаженному бюрократическому предприятию партий как в финансовом, так и в организационно-структурном плане. Резюмируя, Вебер обозначает такой порядок как экономическая эксплуатация политических должностей.

Касториадис также критично подходит к демократии в США. Он обращается к трактату Алесиса де Токвиля “Демократия в Америке”⁴². Опираясь на данную работу, Касториадис пишет, что уже в 1830 г. наличие рабовладельческих плантаций на юге и ускоренная индустриализация севера с одновременным возникновением мощных коррупционных аппаратов показали, что схема классической (греко-римской) демократии с равенством возможностей и экономическим базисом независимых мелких и средних производителей имеет меньше общего с реальностью и больше — с либеральной олигархией с экстремально усилившейся “тиранией большинства”⁴³.

Таким образом, Вебер и Касториадис полагают, что американская демократия имеет следующие черты⁴⁴: 1) беспринципность; 2) наличие системы продажи должностей; 3) коррупция и непрофессионализм государственного аппарата управления, которые возможны лишь благодаря неограниченности ресурсов; 4) экономическая обусловленность политической сферы, выраженная, по Касториадису, в олигархизации политической системы, а согласно характеристике Вебера — в капиталистическом, строго организованном партийном предприятии, нацеленном исключительно на получение прибыли через политическую власть.

Вопросы о сохранении остатков индивидуалистической свободы в условиях тотальной бюрократизации и о возможности выхода из “железной клетки послушания”, которые ставит Вебер и которые красной нитью проходят в трудах Касториадиса, ищущего альтернативные формы демократии, при которой “каждый гражданин способен управлять и быть управляемым”, являются актуальными и сегодня. Тезис Шлюхтера о том, что ценность веберовской исследовательской программы заключается в способе постановки

⁴¹ Ibid. S. 562.

⁴² Tocqueville A. de. *De la démocratie en Amérique*. P., 1839.

⁴³ Castoriadis C. *Autonomie oder Barbarei* Ausgewählte Schriften... S. 72.

⁴⁴ См. также: Kalberg S. *Searching for the spirit of American democracy: Max Weber's analysis of a unique political culture, past, present, and future*. Boulder, 2013.

проблемы, а решения могут быть иными, подтверждается в работах Касториадиса о демократии, в которых греческий мыслитель пытается ответить на поставленные Вебером “проклятые вопросы” о будущем политической системы. Однако если, с точки зрения Вебера, прямая демократия технически неосуществима, то, с точки зрения Касториадиса, информационное общество предлагает новые возможности для ее реализации. И тем не менее перспективы продвижения идеи прямой демократии, при которой каждый будет способен принимать управленческие решения и нести ответственность за свои действия, выглядят, с точки зрения обоих авторов, более чем туманно. И если Вебер последовательно аргументирует “неизбежность и непоколебимость” тотальной бюрократии, которая концентрирует знание и образует особую статусную группу, разумеется, не заинтересованную из-за материальных, статусных и властных соображений в участии в управлении дилетантов, т.е. граждан, то аргументация Касториадиса скорее утопична и направлена в будущее, обнаруживая противоречие. С одной стороны, Касториадис говорит о необходимости прямого участия граждан, а с другой — утверждает, что индивид в обществе потребления сориентирован на экономические ценности и не заинтересован в том, чтобы участвовать в политике. При этом оба автора подчеркивают необходимость политического и общественного контроля над деятельностью государственного аппарата. Компромиссными теориями на этом фоне выглядят концепции партиципативной демократии и полиархии Даля и делегативной демократии О’Доннелла. Также интересные параллели во взглядах обнаруживаются при актуализации веберовской исследовательской программы выдающимся отечественным веберистом Давыдовым и Касториадисом в процессе исследования бюрократии советского типа и критики капитализма (но это предмет рассмотрения отдельной работы).

Итак, сделаем выводы. Во-первых, установлена взаимосвязь в постановке проблем автономии в бюрократизированном обществе у Корнелиуса Касториадиса и Макса Вебера. Веберовская проблема “сохранения остатков индивидуалистической свободы” в условиях тотальной бюрократизации экстраполируется Касториадисом на проблемы автономии индивида в условиях либеральной олигархии. Во-вторых, выявлена теоретико-методологическая экспликация веберовской исследовательской программы в сравнительно-историческом и сравнительно-структурном аспектах рациональности и эффективности бюрократии. В-третьих, определены возможности дальнейшей актуализации веберовской исследовательской программы на примере актуализации и дальнейшего применения универсально-исторических работ (исследования демократии в США).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Давыдов Ю.Н. Макс Вебер и современная теоретическая социология: актуальные проблемы веберовского социологического учения. М., 1998 (*Davydov Ju.N. Maks Veber i sovremennaja teoreticheskaja sociologija: aktual'nye problemy veberovskogo sociologicheskogo uchenija. M., 1998*).
- Давыдов Ю.Н. Социология контркультуры: инфантилизм как тип мировоззрения и социальная болезнь. М., 1980 (*Davydov Ju.N. Sociologija kontrkul'tury: infantilizm kak tip mirovozzrenija i social'naja bolezn'. M., 1980*).
- Даль Р. Полиархия, плюрализм и пространство // Вопросы философии. 1994. № 3 (*Dal' R. Poliarhija, pljuralizm i prostranstvo // Voprosy filosofii. 1994. N 3*).
- Даль Р. Полиархия: участие и оппозиция. М., 2010 (*Dal' R. Poliarhija: uchastie i opozicija. M., 2010*).
- Масловский М. Харизма разума, изобретенная традиция и советская модель модерна // Неприкосновенный запас: дебаты о политике и культуре. 2013. № 4 (90) (*Maslovskij M. Harizma razuma, izobretennaja tradicija i sovetskaja model' moderna // Neprikosnovennyj zapas: debaty o politike i kul'ture. 2013. N 4 (90)*).
- Нежелская И.В. Интеллектуальная биография К. Касториадиса // Политико-философский ежегодник. М., 2010 (*Nezhel'skaja I.V. Intellektual'naja biografija K. Kastoriadisasa // Politiko-filosofskij ezhegodnik. M., 2010*).
- Шлюхтер В. Действие, порядок и культура: основные черты веберовской исследовательской программы // Журнал социологии и социальной антропологии. 2004. Т. VII. № 2 (*Shluchter W. Dejstvie, porjadok i kul'tura: osnovnye cherty veberianskoj issledovatel'skoj programmy // Zhurnal sociologii i social'noj antropologii. 2004. T. VII. N 2*).
- Breuer S. Soviet communism and Weberian sociology // Journal of Historical Sociology. 1992. Vol. 5. N 3.
- Breuer S. Typen und Tendenzen der Demokratie // Max Webers Grundbegriffe: Kategorien der kultur- und sozialwissenschaftlichen Forschung / Hrsg. von K. Lichtenbau. Wiesbaden, 2006.
- Castoriadis C. Autonomie oder Barbarei Ausgewählte Schriften. Band 1 übersetzt von Michael Halfbrodt / Hrsg. von M. Halfbrodt, H. Wolf. Hessen, 2006.
- Castoriadis C. Εισαγωγή στον Max Weber (Μετάφραση της Εισαγωγής από το βιβλίο του Max Weber Οικονομία και Κοινωνία) // Αρχαίον Κοινωνιολογίας και Ηθικής. 1944. N 2.
- Curtis D.A. The Castoriadis reader / Ed. by D. Ames. Oxford, 1997.
- Kalberg S. Einführung in die historisch-vergleichende Soziologie M. Webers. Wiesbaden, 2001.
- Kalberg S. Searching for the spirit of American democracy: Max Weber's analysis of a unique political culture, past, present, and future. Boulder, 2013.
- O'Donnell G.A. Delegative democracy // Journal of Democracy. 1994. Vol. 5. N 1.
- Pipes R. Russia under the Bolshevik regime. L., 1994.

Schluchter W. Aspekte bürokratischer Herrschaft. Studien zur Interpretation der fortschreitenden Industriegesellschaft. München, 1972.

Tocqueville A. de. De la démocratie en Amérique. P., 1839.

Weber M. Briefe 1906–1908 / Hrsg. von M.R. Lepsius, W.J. Mommsen, B. Rudhard, M. Schön. Tübingen, 1990.

Weber M. Ein Vortrag M. Webers über die Probleme der Staatssoziologie (Wien) // Neue Freie Presse. 1917. 26 Oct. N 19012.

Weber M. Wirtschaft und Gesellschaft: Grundriss der verstehenden Soziologie / Max Weber. Besorgt von Johannes Winckelmann. Tübingen, 1980.

Л.В. Козлова, науч. сотрудник Отдела развития Базового центра подготовки, переподготовки и повышения квалификации рабочих кадров Научно-исследовательского института труда и социального страхования Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации*

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ПРАКТИКИ ИЗУЧЕНИЯ ВЫСШЕГО КЛАССА: ОБЗОР ЗАРУБЕЖНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

L.V. Kozlova

THE UPPER CLASS ANALYSIS: FOREIGN EXPERIENCE REVIEW

В статье рассматривается международный опыт изучения высшего класса (США, Великобритания, Норвегия, Швеция). На основе анализа зарубежных исследований выделяются основные критерии идентификации данного социального класса и формулируется его сущностное определение.

Ключевые слова: высший класс, богатство, доход, власть, образование, социальное происхождение.

The article considers the international experience of studying of the upper class (USA, UK, Norway, Sweden). On the ground of the foreign studies we can try to highlight the main criteria for the identification of a given social class and formulate its essential definition.

Key words: upper class, wealth, income, power, education, social origin.

В современной социологической науке происходит постепенное возрождение научного интереса к анализу категории “социальный класс” и изучению классового расслоения, вызванное акцентуацией экономических различий и эскалацией социального неравенства в мировом пространстве, включающих не только неравномерное распределение материального благосостояния и доходов, но также многочисленные социальные и культурные показатели: образование, здоровье и качество жизни, уровень смертности, формы проведения досуга и т.д. В рамках указанной проблематики наибольшее внимание уделяется исследованию богатства и бедности, выявлению базовых параметров среднего класса, а также обусловленности жизненных шансов социальным положением индивида, в то время как доля исследований, посвященных выявлению критериев идентификации высших слоев населения и выполняемых ими социальных функций, составляет незначительную часть. Как следствие теоретическое осмысление сущностных характери-

* Козлова Лидия Викторовна, e-mail: lidiyakozlova@yandex.ru

стик социальной группы, играющей определяющую роль в жизни общества, а также методологические подходы к ее изучению представляются слабо разработанными в зарубежной и отечественной исследовательской практике.

Целесообразность изучения высшего класса обусловлена не только низким уровнем теоретико-методологической рефлексии, но и необходимостью анализа социальных позиций и функций, выполняемых его членами, т.е. изучением и интерпретацией данной социальной группы в качестве ключевого элемента классово-структурной структуры. Представители рассматриваемого социального класса осуществляют контроль в сфере материального производства и иных секторах экономики, в политической сфере, а также управляют производством доктрин и идей, определяя культурный облик общества, выполняют интегративные функции и выступают в качестве утилитарной референтной группы для остальных слоев населения. Таким образом, анализ доминирующего положения членов высшего класса позволит выявить основные тенденции развития общества и сформировать прогноз его будущего функционирования.

Слабая научная разработанность анализируемой проблематики сопряжена со сложностями в определении критериев выделения высшего класса и как следствие — в применении объективных методов, позволяющих однозначно идентифицировать индивида в качестве представителя привилегированного социального слоя. Следовательно, анализ международного опыта исследования структуры, качественно-количественных параметров данной социальной группы, а также методологических подходов к ее изучению является актуальной исследовательской задачей.

В рамках данной работы нами будет проанализирован опыт изучения высшего класса, представленный исследованиями, проведенными в США, Великобритании, Норвегии и Швеции. В процессе отбора зарубежных практик анализа привилегированных слоев населения учитывались не только высокий уровень научного интереса, интенсивность и степень распространенности исследований, а также разработанность теоретических подходов, посвященных данной тематике, но и ряд дополнительных характеристик:

— во-первых, степень неравенства в распределении доходов и богатства в указанных странах;

— во-вторых, особенности социально-политического устройства и исторического развития государств и их влияние на формирование и развитие высшего социального класса.

Таким образом, кроме масштабности и уровня репрезентативности исследований важным критерием отбора выступал коэффициент Джини, отражающий степень расслоения общества в зави-

симости от распределения дохода в рамках государства. Следует отметить, что значения данного показателя рассматривались исходя из распределения семейного, а не личного дохода, поскольку именно семья, согласно многочисленным исследованиям высшего класса, представляет собой базовую единицу анализа данной социальной группы¹. Согласно данным за 2010–2012 гг., коэффициент Джини в России равен 42, а среди развитых западных стран наиболее близкое значение имеют США — 45, Великобритания — 32,3. Скандинавские страны характеризуются наиболее сбалансированным распределением доходов: Норвегия — 25, Швеция — 23², что является минимальным значением данного показателя во всем мире.

Помимо распределения доходов в рамках отбора международного опыта во внимание была принята концентрация распределения богатства в указанных государствах, являющегося важным критерием отнесения к высшим социальным слоям. Согласно данным Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), распределение богатства в перечисленных странах выглядит следующим образом: 10% населения, занимающего высшие позиции в системе социальной иерархии США, принадлежит 69,8% богатства, в Швеции — 58,6, Великобритании — 56, Норвегии — 50,5%³.

Исходя из представленных данных мы видим, что в скандинавских странах концентрация распределения богатства наименьшая, и это в совокупности с более равномерным распределением доходов, что объясняется, с одной стороны, налоговой политикой государств, направленной на снижение социально-экономического неравенства с помощью высоких налогов и социальных трансфертов, а с другой — их социально-политическим устройством, в рамках которого наряду с монархом существует слой дворянства, принадлежность же к последнему определяется социальным происхождением, и детерминирует членство в привилегированных слоях общества. Исторически сложилось, что Швеция и Норвегия не проходили ярко выраженную стадию развитого феодализма (если сравнивать с тем же периодом в континентальной Европе)⁴, однако представители скандинавской аристократии все же обладали зна-

¹ См. подробнее: *Baltzell E.D.* Philadelphia gentlemen: the making of a national upper class. Philadelphia, 1958; *Ostander S.* Women of the upper class. Philadelphia, 1984; *Domhoff G.W.* Who rules America? N.Y., 2002; *Leeder E.J.* The family in global perspective: a gendered journey. Thousand Oaks, 2004; *Gilbert D.* The American class structure: in an age of growing inequality. Belmont, 2008.

² Country comparison: distribution of family income — GINI index. URL: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/rankorder/2172rank.html>

³ *Davies J., Sandström S., Shorrocks A., Wolff E.N.* The world distribution of household wealth // Discussion Paper No. 2008. N 3. P. 4.

⁴ *Sanandaji T.* The upper class and wealth inequality in Sweden. URL: <http://super-economy.blogspot.ru/2013/04/the-upper-class-and-wealth-inequality.html>

чительной властью и влиянием, что обусловило облик современного высшего класса данных государств.

Отличительной чертой США, напротив, является сосредоточение богатства и доходов в руках немногочисленной группы лиц, занимающих высшие социально-экономические позиции, что свидетельствует о высоком уровне социального неравенства в американском обществе и существовании ограниченного круга индивидов, обладающих доминирующим положением в системе социальной иерархии. Специфика генезиса американского высшего класса состоит в отсутствии непосредственного воздействия на процесс зарождения привилегированных слоев общества наследственного дворянства, поскольку в историческом развитии американского общества отсутствует ярко выраженная феодальная стадия⁵. Как следствие высший класс формировался из членов среднего класса, ставших монополистами не только материального производства, но также власти и престижа.

Наконец, Великобритания характеризуется высокой степенью неравномерного распределения доходов в условиях умеренного распределения богатства, а также наличием дворянского сословия, обуславливающего принадлежность к высшему социальному классу. Высший класс Соединенного Королевства состоит преимущественно из уважаемых и старейших семей с высоким уровнем материального благосостояния, унаследованного, как правило, от предыдущих поколений.

С целью анализа международного опыта изучения привилегированных слоев населения нами были отобраны два полярных образца социально-политического устройства общества, отличающихся распределением богатства и доходов, а также промежуточная модель, сочетающая в себе черты как первого, так и второго.

США

Рефлексия классового расслоения и социальной поляризации общества является одним из ключевых направлений американской социологической мысли и включает исследование социальной структуры общества в целом, а также ее отдельных элементов. Как следствие высший класс анализируется как в рамках изучения общей модели классовой структуры, так и посредством конкретных эмпирических исследований.

Общая модель классовой структуры современного американского общества представлена тремя базовыми исследованиями, ставшими в настоящий момент академическими: Д. Гилберта “Амери-

канская классовая структура в эпоху растущего неравенства” (2008)⁶, У. Томпсона и Д. Хики “Общество в фокусе: введение в социологию” (2005)⁷, Л. Бигли “Структура социальной стратификации в Соединенных Штатах” (2007)⁸. В рамках перечисленных работ привилегированная социальная группа имеет различные наименования (“класс капиталистов”, “высший класс”, “сверхбогатые”), однако, несмотря на разницу в трактовке и интерпретации, авторы указанных работ вычленяют схожие сущностные характеристики высшего социального класса: 1% от общей численности населения, включающий руководителей высшего звена, высокопоставленных чиновников и политиков, наследников состояний и знаменитостей, получивших образование в университетах Лиги плюща, чей доход превышает 350–500 тыс. долл. в год.

Почетный профессор социологии Университета Штата Флорида Л. Бигли в рамках работы “Структура социальной стратификации в Америке”, переизданной к настоящему времени в пятый раз, провел анализ классовой структуры американского общества, придерживаясь структуралистского подхода к изучению социальной структуры и различая два уровня объяснения социальной стратификации — индивидуальный и структурный. Ученый акцентирует внимание на влиянии социального положения на жизненные шансы и возможности индивидов и выделяет три ключевых направления, позволяющих раскрыть данную проблематику:

- влияние власти на распределение ресурсов в американском обществе;
- роль социальной структуры в формировании образа жизни индивидов и детерминация их поведения;
- обусловленность поведения индивидов социально-психологическими факторами, оказывающими воздействие на поведение и реакции индивидов в той или иной ситуации.

В рамках анализа социальной структуры американского общества Л. Бигли указывает три основных фактора социальной дифференциации: класс, пол и этническую принадлежность. Ключевым критерием классовой структуры социолог признает имущественное неравенство и отмечает, что экономическая система Америки создает условия для социальной поляризации и увеличения количества бедных, поскольку индивидуальные усилия человека имеют минимальное влияние на его классовое положение. Принимая экономический критерий в качестве ключевого фактора классовой дифференциации, автор формулирует модель социальной страти-

⁶ Gilbert D. Op. cit.

⁷ Thompson W., Hickey J. Society in focus. Boston, 2005.

⁸ Beeghly L. The structure of social stratification in the United States. Boston, 2007.

⁵ См.: Миллс Ч.Р. Властвующая элита. М., 2007. С. 39.

фикации американского общества, состоящую из пяти основных классов: класс сверхбогатых (0,9%), класс богатых (5%), средний класс (46%), рабочий класс (45%) и класс бедных (12%)⁹.

Л. Бигли утверждает, что все домохозяйства, стоимость которых превышает 1 млн долл., могут быть отнесены к высшему классу, однако внутри данной социальной группы социолог также проводит разделение, выделяя класс богатых и класс сверхбогатых. Отличительной чертой класса сверхбогатых является высокий уровень материального благосостояния, который они способны поддерживать вне зависимости от их профессиональной деятельности. В состав данного социального класса входят мультимиллионеры, знаменитости, политики и топ-менеджеры крупных компаний, имеющие высшее образование, полученное в университетах Лиги плюща, и обладающие доходами выше 350 000 долл. в год. Выделенный ученым класс сверхбогатых по своим сущностным характеристикам в целом сопоставим с определением высшего класса, используемого большинством других американских социологов.

У. Томпсон и Дж. Хики представили собственную модель социальной структуры американского общества в работе “Общество в фокусе: введение в социологию”. В рамках указанного произведения социологи признают основным источником классовой дифференциации различие в доходах и богатстве, которое наиболее ярко проявляется при сравнении индивидов, занимающих верхние и нижние ступени социальной иерархии¹⁰. Ученые различают пять основных социальных классов: высший класс (около 5%), высший средний класс (15%), низший средний класс (33%), рабочий класс (30%) и низший класс (от 14 до 20%).

В качестве определяющей характеристики высшего класса У. Томпсон и Дж. Хики выделяют высокую концентрацию богатства и доходов, при этом основным источником последнего показателя выступают собственные активы индивидов, а не их профессиональная деятельность. Ученые ссылаются на данные, представленные в работе Л. Мишель, Дж. Бернштейна и Дж. Шмитта “Состояние рабочей Америки” (2001)¹¹, и указывают, что 1% самых богатых членов американского общества обладает собственностью, которая в совокупности превосходит собственность 90% американцев. Помимо этого 1% населения США обладает почти 38% всего богатства Америки, в то время как нижние 80% — лишь 17%.

⁹ Ibid.

¹⁰ *Thompson W., Hickey J.* Op. cit. P. 205–206.

¹¹ *Mishel L., Bernstein J., Schmitt J.* The state of working America, 2000–2001. Ithaca: N.Y., 2001.

В состав высшего класса У. Томпсон и Дж. Хики включают следующие социальные группы¹²:

– семьи, принадлежащие к старому высшему классу, чье состояние было приобретено несколькими предшествующими поколениями, и являющиеся членами “синих книг”, или “Общественного реестра”. В настоящее время члены данной подгруппы нередко являются акционерами крупных корпораций, но могут и не принимать активного участия в экономической жизни, вести расточительный образ жизни, заниматься благотворительностью и в редких случаях быть на государственной службе;

– семьи, которые достигли высокого уровня материального благосостояния в недавнем прошлом, как правило, в предыдущем поколении, путем создания собственных корпораций;

– крупные государственные чиновники, топ-менеджеры корпораций, средств массовой информации, звезды спорта, обладающие высоким уровнем дохода;

– банкиры, владельцы фабрик, крупные фермеры, победители лотерей, накопившие свое состояние в довольно короткий срок, а также профессионалы, чье состояние превышает четверть миллиона долларов в год.

Следует отметить, что авторы не ограничиваются характеристикой экономического положения высшего класса и утверждают, что богатство и доходы не являются единственными показателями принадлежности к данной социальной группе. Члены высшего класса, согласно концепции ученых, занимают доминирующее положение в корпоративном сообществе и имеют непропорциональное влияние на национальную политику, сферу образования, религию и ряд других учреждений. Кроме того, данному социальному классу присуща высокая степень социальной солидарности, именуемой учеными “сознанием рода” и имеющей национальный масштаб. Важную роль в формировании классового сознания играют такие социальные институты, как частные подготовительные школы и университеты Лиги плюща, общественные клубы и эксклюзивные места отдыха.

Профессор колледжа Гамильтона, доктор философских наук Корнельского университета Д. Гилбрейт разработал в соавторстве с Дж. Калем модель социальной структуры США, включающую шесть основных классов: класс капиталистов (1%), высший средний класс (15%), низший средний класс (30%), рабочий класс (30%), класс работающих бедных (13%) и низший класс (андер-класс, 12%).

¹² *Thompson W., Hickey J.* Op. cit. P. 208.

Рассматриваемая модель принимает во внимание преимущественно экономическую дифференциацию, поскольку авторы полагают, что классовая структура имеет свои корни в экономической системе, а престиж является производным от экономических показателей социального класса¹³. Как следствие Д. Гилбрейт и Дж. Каль используют в качестве основного критерия идентификации социальных классов источники, а не уровень доходов населения. К числу дополнительных критериев социологи относят образование и профессиональную деятельность, которые в свою очередь напрямую детерминируют место индивида в системе социальной иерархии: высокий уровень образования способен обеспечить высокооплачиваемую занятость, повышающую его классовую позицию. Таким образом, модель Гилберта-Калей, несмотря на предположение о преобладающем значении экономических различий, присущее марксистским теориям, включает в себе черты веберинского подхода и имеет в своей основе три фактора социального расслоения: доход, образование, род занятий.

Высшие позиции в системе социальной стратификации, согласно анализируемой модели, занимает класс капиталистов, основным источником доходов которого является капиталистическая собственность. Численный состав данной социальной группы не превышает 1% от общей численности населения США и включает руководителей высшего звена, высокопоставленных политиков, успешных бизнесменов, владельцев коммерческой недвижимости, наследников состояний, ключевой характеристикой которых является высокий уровень доходов. Так, доля собственного капитала данной социальной группы составляет 33,8%, а процент домохозяйств, доход которых превышает 100 000 долл., неуклонно растет и составляет 20,5%¹⁴. Данные показатели, по мнению социологов, свидетельствуют об усилении социального расслоения американского общества, снижении его эгалитарности и концентрации богатства в руках немногочисленного класса сверхбогатых капиталистов, влияние которых распространяется не только на экономическую систему, но также охватывает иные сферы общественной жизнедеятельности: они принимают решения, обуславливающие возможности трудоустройства населения, финансируют политические партии, содержат средства массовой информации, что позволяет им влиять на образ жизни и мировоззрение других социальных классов.

Обобщая вышеизложенное, мы можем заключить, что, согласно проанализированным исследованиям, определяющим критерием

идентификации высшего класса американского общества выступают экономические различия и место в системе властных отношений, в то же время престиж, образование и профессиональная деятельность зачастую выступают лишь в качестве производных экономического положения данного социального класса. Важными характеристиками представителей данной привилегированной социальной группы являются высокий уровень материального благосостояния (богатство и доходы), обладание властными полномочиями, высокий уровень образования и престижная профессиональная деятельность.

Сущностные характеристики высшего класса, представленные в ранее проанализированных моделях социальной структуры американского общества, коррелируют с результатами исследований высшего класса и властвующей элиты, проводимых профессором Калифорнийского университета в Санта-Крус У. Домхоффом на протяжении последних пятидесяти лет¹⁵.

Великобритания

Одним из наиболее масштабных исследований классовой структуры в истории Соединенного Королевства является исследовательский эксперимент, проведенный учеными под эгидой BBC и представляющий собой новую модель социальной стратификации, основанную на дифференциации экономического, социального и культурного капитала¹⁶. Опрос проводился в 2011 г. и охватил 161 400 респондентов посредством интернета и впоследствии был дополнен национальным выборочным исследованием (1026 респондентов) с помощью метода квотной пропорциональной выборки ввиду серьезного смещения характеристик опрошенных индивидов в части уровня образования. Таким образом, в общей сложности в исследовании приняли участие 161 458 человек, из них 86% — жители Англии, 8 — Шотландии, 3 — Уэльса, 1% — Северной Ирландии. Половозрастная структура респондентов выглядела следующим образом: 56% мужчин, 43% женщин, средний возраст — 35 лет¹⁷.

Теоретическую основу данного исследования составила концепция П. Бурдьё, впервые представленная в работе “Различение:

¹⁵ См. подробнее: *Козлова Л.В.* Теория властвующей элиты Уильяма Домхоффа: опыт изучения американского высшего класса. URL: http://www.online-science.ru/m/products/social_science/gid1483/pg0/

¹⁶ *Le Roux B., Friedman S., Miles A.* and all. A new model of social class? Finding from the BBC's Great British class survey experiment // *Sociology*. 2013. N 47 (2). P. 220.

¹⁷ Britain now divided into seven classes not just upper, middle and working. Wich are you? URL: <http://www.mirror.co.uk/news/uk-news/britain-now-divided-seven-classes-1806186>

¹³ *Gilbert D.* Op. cit. P. 14.

¹⁴ *Ibid.* P. 16–17.

социальная критика суждения”¹⁸. В рамках проведенного исследования были использованы три ключевых критерия социального расслоения: экономический, социальный и культурный капиталы, которые в совокупности позволили очертить границы социальных классов с помощью индуктивной классовой схемы. Экономический капитал был измерен с помощью традиционных показателей материального благосостояния (доход домовладения, сбережения и стоимость жилья). Вопросы, касающиеся социального капитала, были основаны на “генераторе позиций”, сформированном американским ученым Н. Лин¹⁹, и содержали информацию о статусе социальных контактов и их частоте. Вопросы о культурном капитале включали информацию о досуге, хобби, пищевых, музыкальных предпочтениях и использовании средств массовой информации. Кроме того, учеными была получена информация о составе домохозяйств, уровне образования, социальной мобильности.

Полученные данные подверглись латентно-структурному анализу с помощью метода k-средних, примененному для непрерывных скрытых переменных²⁰. Результатом проведенного исследования стала разработка модели социальной структуры Великобритании, включающей семь социальных классов: элита (6%), обеспеченный средний класс (25%), технический средний класс (6%), умеренно обеспеченные новые работники (15%), традиционный рабочий класс (14%), новые работники сферы услуг (19%), прекариат (15%).

Высшие позиции классовой структуры британского общества занимает элита, доля которой в обществе не превышает 6%. Финансовый барьер включения индивидов в данный класс составил 140 000 фунтов стерлингов, что существенно ниже критерия, используемого американскими учеными, и отчасти объясняет относительно высокий процент от общей численности населения. В состав данной социальной группы вошли индивиды, обладающие высоким уровнем любой формы капитала: их доход превышает 89 000 фунтов стерлингов, что почти вдвое больше, чем у обеспеченного среднего класса, сбережения составляют не менее 142 458 фунтов стерлингов, стоимость жилья — не менее 325 000 фунтов стерлингов. Помимо этого элита обладает самым высоким показателем культурного и социального капиталов. Авторы приходят к выводу, что данный социальный класс имеет ярко очерченную сегрегацию от остальных на основе экономических преимуществ и социокультурных показателей.

¹⁸ См.: Бурдье П. Различение: социальная критика суждения // Западная экономическая социология: Хрестоматия современной классики / Сост. и науч. ред. В.В. Радаев. М., 2004.

¹⁹ Lin N. Social capital. Cambridge, 2001.

²⁰ Le Roux B., Friedman S., Miles A. and all. Op. cit. P. 229.

Социально-демографический портрет британского высшего класса включает следующие параметры: средний возраст — 57 лет, доля женщин — 50%, доля этнических меньшинств — 4%. Кроме того, более половины представителей данной социальной группы (56%) являются выпускниками элитных учебных заведений (Оксфорд, Кембридж, Тринити-колледж, Бристоль и др.), 63% занимают руководящие должности. Наиболее характерными видами профессиональной деятельности для данного социального класса являются генеральные (исполнительные) директора, функциональные директора и менеджеры, адвокаты и судьи, специалисты по рекламе и связям с общественностью.

Обобщая полученные результаты, исследователи пришли к выводу о существовании серьезной социальной поляризации британского общества, в котором на вершине социальной пирамиды находится небольшая, социально и пространственно замкнутая эксклюзивная социальная группа, чье финансово-экономическое состояние превалирует над финансово-экономическим состоянием остального населения страны. Кроме того, авторы обосновывают необходимость реинтеграции классового анализа и элитистских исследований, что позволит сформировать более адекватную модель классовой структуры современного общества.

Норвегия

Концепция социального пространства П. Бурдье также стала основной исследования М. Флеммена, проведенного с целью выявления гетерогенности высшего класса Норвегии и изложенного в работе “Структура высшего класса: социально-пространственный подход”²¹. Для построения внутреннего пространства норвежского экономического высшего класса, включающего различные типы собственников, топ-менеджеров, руководителей крупных компаний и бизнес-профессионалов, автором были использованы различные формы капиталов.

Экономический капитал был измерен с помощью таких категорий, как: заработная плата, доход от капитала, доход от самозанятости и активы. В число категорий, характеризующих культурный капитал, вошли уровень образования, сфера образования, уровень образования родителей, сфера образования родителей. Социальный капитал был измерен посредством подсчета количества братьев и сестер с высшим образованием и количества братьев и сестер, уровень дохода которых относится к верхним 10% населения. Кроме

²¹ Flemmen F. The structure of the upper class: a social space approach // Sociology. 2013. N 46 (6) P. 1039–1058.

того, социологом был отдельно исследован унаследованный капитал: профессиональная деятельность отца и относительный доход родителей.

Эмпирическую базу исследования составили данные налоговых деклараций, реестров занятости и образования Норвегии, охватывающие индивидов, родившихся в Норвегии с 1955 по 1970 г., что в совокупности составило 1 231 640 индивидов, среди которых 48,6% женщин и 51,4% мужчин. В качестве метода анализа данных был использован МСА (многомерный анализ соответствий) — метод, практически не задействованный в рамках социологической науки, однако, по мнению социолога, наиболее адекватный с точки зрения пространственного подхода, поскольку подходит для пространственного моделирования, а также применим для работы с переменными и категориальными данными²². Данный метод позволил автору построить пространство социальных позиций высшего класса Норвегии посредством выявления сходств и различий профилей различных форм капиталов.

М. Флеммен осуществил конструирование социального пространства высшего класса Норвегии на основе выделения трех ключевых осей социальной стратификации. Первая ось представляет образовательный и унаследованный капитал, свидетельствующий о социальном происхождении и уровне образования. Значение высшего класса по данному показателю составляет 38,6%. Вторая ось — экономический капитал, отражающий уровень дохода, заработную плату, доходы от самозанятости и активов (23,9%). Третья ось практически не анализируется в работе автора, однако ученый указывает, что она выделяет группы на основе самозанятости индивидов и включает данные о доходе от самозанятости, уровне образования, социальном происхождении и заработной плате.

Социолог, используя в качестве основы работу Дж. Скотта²³, различающего четыре типа капиталистов (предприниматель, рантье, исполнительные и финансовые капиталисты), выделяет в структуре норвежского высшего класса крупных собственников, получающих доходы от собственности, превышающие 1 млн норвежских крон, а также топ-менеджеров, менеджеров и бизнес-профессионалов, чей доход больше 100 млн норвежских крон. Доля высшего класса от общей численности населения Норвегии, согласно оценке ученого, составляет 1,2%, причем 86,3% приходится на мужчин и лишь 13,7% — на женщин. Помимо превалирования мужской доли населения в составе высшего класса характерными чертами данной социальной группы являются высокий уровень образова-

²² Ibid. P. 1043.

²³ Scott J. Corporate business and capitalist classes. Oxford, 1997.

ния и высокое социальное происхождение. Автор отмечает, что существует сильная корреляция между членством в высшем классе и социальным происхождением индивида, что позволяет говорить о последней характеристике как о базовом критерии идентификации привилегированных слоев населения. Кроме того, аналогичная взаимообусловленность наблюдается между социальным происхождением и уровнем образования индивида.

Интерпретация полученных данных позволила М. Флеммену сформулировать три потенциальные линии разделения высшего класса:

— во-первых, дифференциация по объему унаследованного капитала, измеряемого профессиональной деятельностью, уровнем доходов и образованием и имеющего тесную корреляцию с уровнем образования индивида и родственников;

— во-вторых, расслоение высшего класса на собственников и менеджеров, зачастую обусловленное социальным происхождением;

— в-третьих, выделение относительно небольшой автономной группы индивидов, основным источником доходов которой является самозанятость.

Социолог заключает, что результаты проведенного им исследования позволяют сделать вывод о важности системы образования для воспроизводства классовой структуры общества, значимости социального происхождения в качестве базового критерия принадлежности к высшему классу, а также о внутренней разнородности анализируемого социального класса, включающего класс собственников и класс менеджеров высшего звена.

Швеция

Швецию принято считать наиболее эгалитарной страной, где государственная политика направлена на сбалансированное распределение доходов среди населения за счет налоговых сборов и социальных трансфертов, однако результаты последних исследований показывают, что степень социального расслоения и поляризации общества в данном государстве достаточно высока²⁴. Рост неравенства, согласно данным ОЭСР, обусловлен неравномерным распределением источников доходов и прежде всего дохода от капитала, доля которого с середины 1980-х гг. выросла более чем

²⁴ См подробнее: Cowen T. Sweden has lots of wealth inequality. URL: <http://marginalrevolution.com/marginalrevolution/2014/05/wealth-inequality-in-sweden.html>; Björklund A., Roine J., Waldenström D. Intergenerational top income mobility in Sweden: capitalist dynasties in the land of equal opportunity? URL: http://www.yale.edu/leitner/resources/papers/Waldenstrom_Intergenerational.pdf

на 2%²⁵. Кроме того, отмечается концентрация капитала среди 20% наиболее богатых граждан Швеции: доля капитала среди них увеличилась на 10%, в то время как для 20% наиболее бедных — всего на 1%.

Проблема экономического неравенства и всеобщего благосостояния является одним из центральных направлений исследований шведских экономистов и социологов, констатирующих рост социально-экономической дифференциации населения и наличие классовой сегрегации в обществе. Одним из наиболее актуальных исследований экономического неравенства в Швеции является работа Дж. Ройна и Д. Вальденстрема²⁶, фокус которой был направлен на изучение концентрации материальных благ в верхней части экономической иерархии общества на фоне общего распределения богатства в Швеции посредством анализа официальных демографических и налоговых данных. Согласно полученным результатам 1% жителей Швеции, занимающих высшие статусные позиции, является владельцем от 25 до 40% общего богатства, что в совокупности с данными ОЭСР свидетельствует о сосредоточении материальных благ в верхних эшелонах общественной иерархии и утверждает богатство, в том числе владение капиталом, в качестве непреложного атрибута принадлежности к высшим социальным слоям.

Следует отметить, что материально-имущественное положение является базовым источником социально-экономического неравенства в Швеции, в то время как уровень доходов не рассматривается в качестве критерия идентификации социальных классов, поскольку:

- во-первых, налоговая политика государства направлена на равномерное распределение доходов среди населения;
- во-вторых, широко распространено уклонение от уплаты налогов, что осложняет оценку данного параметра.

Результаты серии исследований, проведенных Д. Ройном и Д. Вальденстромом, показали, что 80–90% материальных ресурсов Швеции передается по наследству следующим поколениям: доля самых богатых шведов, получивших свое состояние посредством наследования, составляет 2/3, среди которых 1/3 — это предприниматели²⁷. На основе приведенных данных ученые формулируют вывод, что уровень материального благосостояния зачастую обус-

ловлен социальным происхождением и детерминирует членство в том или ином социальном классе, а принадлежность к высшему классу определяется не только финансовой состоятельностью индивида. Таким образом, социальное происхождение и богатство рассматриваются в качестве превалирующих критериев идентификации высшего класса Швеции, причем последнему показателю уделяется наибольшее внимание²⁸.

Социальный состав высшего класса Швеции состоит из двух социальных групп: наследственной аристократии (0,2% населения) и представителей крупной буржуазии, которые постепенно адаптируются и начинают перенимать образ жизни, стиль одежды и манеры поведения дворянских семей²⁹. Следует отметить, что, несмотря на присутствие в структуре высшего класса шведского общества индивидов, ставших членами данного социального класса путем собственных усилий, социальная мобильность является крайне низкой, поскольку налоговая политика государства снижает стимулы к накоплению капитала, а также существуют неформальные классовые барьеры, связанные с социальным происхождением.

Дифференциация шведского общества помимо экономических различий и социального происхождения также имеет социально-политические характеристики. Так, представители высшего класса являются собственниками не только непропорционального объема наследуемого богатства, но также обладают высокой концентрацией властных полномочий. Согласно оценкам шведского экономиста Т. Санандаи, 10% наиболее состоятельных шведов являются членами аристократических семей, а 20% премьер-министров в истории современной Швеции обладали знатным происхождением³⁰, что в свою очередь подтверждает тенденцию конвергенции экономического и политического капитала, выявленную в рамках исследований, проведенных в других экономически развитых странах. Классовая сегрегация шведского общества также подтверждается исследованиями, направленными на изучение различий с точки зрения качества жизни, в том числе доступа к услугам системы образования, здравоохранения³¹.

Обобщая вышесказанное, мы можем заключить, что, несмотря на различия в распределении доходов и богатства, а также диффе-

²⁸ Cowen T. Op. cit.

²⁹ Sanandaji T. Op. cit.

³⁰ Ibid.

³¹ См., например: Torssander J., Erikson R. Stratification and mortality — a comparison of education, class, status, and income. URL: <http://esr.oxfordjournals.org/content/26/4/465.abstract>; Le Grand C., Szulkin R., Tåhlin M. Education and inequality in Sweden: a literature review. URL: http://www2.sofi.su.se/~mta/docs/Education_and_inequality_in_Sweden_-_A_literature_review.pdf

²⁵ Divided we stand: why inequality keeps rising. URL: <http://www.oecd.org/sweden/49564868.pdf>

²⁶ Roine J., Waldenström D. Wealth concentration over the path of development: Sweden, 1873–2006. URL: <https://shibboleth2.uchicago.edu/idp/Authn/MCB>

²⁷ Waldenström D. Den ekonomiska ojämlikheten i finanskrisens Sverige // IFN Policy Paper. 2010. N 33.

рениацию социально-политического устройства государств, в современной исследовательской практике начинают складываться единые параметры принадлежности к высшим социальным слоям. Следовательно, на основе проанализированных данных представляется обоснованным интерпретировать высший класс как совокупность семей с высоким уровнем материального благосостояния, обеспечивающим им господствующее положение в системе властных отношений и положительно привилегированную оценку их социального положения, занимающих передающиеся по наследству ведущие должностные позиции в ключевых сферах жизнедеятельности обществ, а также отличающихся знатностью социального происхождения и элитарным образованием и в целом составляющих 1% от общей численности населения. Таким образом, слабая взаимосвязь между социально-экономическим и политическим развитием стран и ключевыми признаками привилегированных слоев позволяет сделать вывод о возможности и целесообразности применения формирующейся модели идентификации высшего класса применительно к современному российскому обществу с целью выявления его качественно-количественных параметров и существенных характеристик.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бурдье П. Различение: социальная критика суждения // Западная экономическая социология: Хрестоматия современной классики / Сост. и науч. ред. В.В. Радаев. М., 2004 (*Bourdieu P.* Razlichenie: social'naja kritika suzhenija // Zapadnaja jekonomicheskaja sociologija: Hrestomatija sovremennoj klassiki / Sost. i nauch. red. V.V. Radaev. M., 2004).

Козлова Л.В. Теория властвующей элиты Уильяма Домхоффа: опыт изучения американского высшего класса. URL: http://www.online-science.ru/m/products/social_science/gid1483/pg0/ (*Kozlova L.V.* Teorija vlastvujshhej jelity Uil'jama Domhoffa: opyt izuchenija amerikanskogo vysshego klassa. URL: http://www.online-science.ru/m/products/social_science/gid1483/pg0/).

Миллс Ч.Р. Властвующая элита. М., 2007 (*Mills Ch.R.* Vlastvujshhaja jelita. M., 2007).

Baltzell E.D. Philadelphia gentlemen: the making of a national upper class. Philadelphia, 1958.

Beeghly L. The structure of social stratification in the United States. Boston, 2007.

Björklund A., Roine J., Waldenström D. Intergenerational top income mobility in Sweden: capitalist dynasties in the land of equal opportunity? URL: http://www.yale.edu/leitner/resources/papers/Waldenstrom_Intergenerational.pdf

Britain now divided into seven classes not just upper, middle and working: wich are you? URL: <http://www.mirror.co.uk/news/uk-news/britain-now-divided-seven-classes-1806186>

Country comparison: distribution of family income — GINI index. URL: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/rankorder/2172rank.html>

Cowen T. Sweden has lots of wealth inequality. URL: <http://marginalrevolution.com/marginalrevolution/2014/05/wealth-inequality-in-sweden.html>

Davies J., Sandström S., Shorrocks A., Wolff E.N. The world distribution of household wealth // Discussion Paper No. 2008. N 3.

Divided we stand: why inequality keeps rising. URL: <http://www.oecd.org/sweden/49564868.pdf>

Domhoff G.W. Who rules America? N.Y., 2002.

Flemmen F. The structure of the upper class: a social space approach // Sociology. 2013. N 46 (6) P. 1039–1058.

Gilbert D. The American class structure: in an age of growing inequality. Belmont, 2008.

Le Grand C., Szulkin R., Tåhlin M. Education and inequality in Sweden: a literature review. URL http://www2.sofi.su.se/~mta/docs/Education_and_inequality_in_Sweden_-_A_literature_review.pdf

Le Roux B., Friedman S., Miles A. and all. A new model of social class? Finding from the BBC's Great British class survey experiment // Sociology. 2013. N 47 (2).

Leeder E.J. The family in global perspective: a gendered journey. Thousand Oaks, 2004.

Lin N. Social capital. Cambridge, 2001.

Mishel L., Bernstein J., Schmitt J. The state of working America, 2000–2001. Ithaca; N.Y., 2001.

Ostander S. Women of the upper class. Philadelphia, 1984.

Roine J., Waldenström D. Wealth concentration over the path of development: Sweden, 1873–2006. URL: <https://shibboleth2.uchicago.edu/idp/Authn/MCB>

Scott J. Corporate business and capitalist classes. Oxford, 1997.

Thompson W., Hickey J. Society in focus. Boston, 2005.

Sanandaji T. The upper class and wealth inequality in Sweden. URL: <http://super-economy.blogspot.ru/2013/04/the-upper-class-and-wealth-inequality.html>

Torssander J., Erikson R. Stratification and mortality — a comparison of education, class, status, and income. URL: <http://esr.oxfordjournals.org/content/26/4/465.abstract>

Waldenström D. Den ekonomiska ojämlikheten i finanskrisens Sverige // IFN Policy Paper. 2010. N 33.

СОЦИОЛОГИЯ СЕМЬИ

А.Б. Синельников, канд. экон. наук, доц. кафедры социологии семьи и демографии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова*

ПРЕДЕЛЫ РАСШИРЕНИЯ ГРАНИЦ СЕМЬИ И БРАКА

A.B. Sinelnikov

LIMITS FOR EXPANSION OF BORDERS OF FAMILY AND MARRIAGE

Основной (нормативный) тип семьи — супружеская пара с детьми. Только такие семьи могут обеспечить выживание населения. Периферийные типы семьи (бездетные пары, семьи с одним родителем) имеют неполный комплект семейных связей, ролей и функций. Но это все-таки семьи, которые могут стать нормативными, если у бездетных супругов родятся дети или одинокая мать выйдет замуж. Однополые пары не могут пройти такой переход и выполнять все функции семьи. Это новое явление, для которого требуется новое название, отличное от слов “брак” и “семья”.

Ключевые слова: брак, семья, нормативный тип семьи, периферийные типы семьи, семейные связи, роли и функции, однополые пары.

The basic (standard) type of family — a married couple with children. Only such families can ensure the survival of the population. Peripheral types of families (childless couples, one parent families) are incomplete set of family links, roles and functions. But it's still a family which can become standard, if childless spouses born children or a single mother get married. Same-sex couples can't go through this transition and to perform all the functions of the family. This is a new phenomenon that requires a new name that is different from the words of the “marriage” and “family”.

Key words: marriage, family, basic (standard) type of family, peripheral types of families, family links, roles and functions, same-sex couples.

Во все большем числе стран однополым парам разрешается регистрировать свои отношения как “брак” и даже усыновлять детей. Однако кто в этих “семьях” является “мужем”, а кто — “женой”, кого из “приемных родителей” ребенок должен называть “папой”, а кого — “мамой”?

На сайте новостей lenta.ru от 21 июля 2014 г. сообщается, что: «В молдавский закон об охране здоровья внесли поправки, — сообщает Moldnews. — Слова “мать” и “отец” заменили формулировкой “один из родителей”. Поправки были приняты на прошлой

неделе в рамках Национальной программы по обеспечению гендерного равенства на 2010–2015 годы. Поясняется, что они призваны “обеспечить включение принципа равных возможностей для женщин и мужчин в нормативные акты и документы”. В сентябре 2010 года Совет Европы (СЕ) предложил исключить слова “отец” и “мать” из официальных документов, поскольку счел это проявлением сексизма. Соответствующая инициатива СЕ, касавшаяся в том числе бланков и формуляров в школах и детских садах, носила рекомендательный характер. Молдавия в июле 2014 года ратифицировала соглашение об ассоциации с Евросоюзом. Документ, подписанный в Брюсселе 27 июня, поддержали 59 депутатов. Ранее, в начале апреля, Молдавия установила с Евросоюзом безвизовый режим, предварительно выполнив ряд требований ЕС: были открыты пункты миграционного контроля на границе с непризнанным Приднестровьем, принят закон о борьбе с дискриминацией, запретивший, помимо прочего, ущемлять права геев»¹.

После голосования в английском парламенте по законопроекту об однополых союзах, которые были разрешены в 2013 г., премьер-министр Дэвид Камерон заявил, что “многие страны повторят это”, и объявил о намерении начать всемирную кампанию за переопределение понятия семьи².

Так называемые “передовые” демократические страны оказывают давление на так называемые “отсталые” страны, в том числе и на Россию, чтобы заставить их “демократизироваться”. Одно из главных условий “демократизации” — разрешение однополых “браков”. В результате подобной политики у многих людей в России демократия стала ассоциироваться с гомосексуализмом, либералов часто стали называть “либерастами” (231 тыс. упоминаний в русскоязычном интернете), а Европу — “Гейропой” (153 тыс. упоминаний)³.

Сторонники однополых “браков” ссылаются на то, что отношение к добрачным связям, супружеской неверности, разводам, сожительству и рождению детей вне брака стало более терпимым, чем во времена наших дедов и бабушек. Они считают, что либерализация должна распространиться и на отношение к гейским и лесбийским “супружеским” парам.

Не так давно внебрачное материнство считалось позором, а расторжение брака было нелегким делом и осложняло дальней-

¹ В молдавском законе заменяют понятия “отец” и “мать” // Сайт новостей LENTA.RU. URL: <http://lenta.ru/news/2014/07/21/parents/> (дата обращения: 05.08.2014).

² Премьер-министр Великобритании будет экспортировать пересмотр понятия брака. URL: <http://demographia.ru/node/34> (дата обращения: 05.08.2014).

³ Результаты yandex-поиска по состоянию на 28.07.2014.

* Синельников Александр Борисович, e-mail: sinelka@mail.ru

шую жизнь: женщинам это мешало вновь выйти замуж, а мужчинам — делать карьеру.

Либерализация общественного мнения отразилась и на брачно-семейном законодательстве. Во многих странах была упрощена процедура развода. В СССР еще в 1965 г. отменили газетные объявления о предстоящих бракоразводных процессах, которые тогда проходили публично, что дискредитировало разводящихся супругов или одного из них.

В 1969 г. супругам, не имеющим общих детей до 18 лет, разрешили разводиться без суда — прямо в ЗАГСе. Ныне действующий семейный кодекс РФ, принятый в 1995 г., сохранил судебный порядок расторжения брака для семей с общими детьми, но установил правило, что при согласии мужа и жены на развод суд расторгает брак без выяснения его мотивов⁴.

В 1969 г. были отменены “прочерки” в графе “отец” в свидетельствах о рождении детей, матери которых не состояли в зарегистрированном браке. В эту графу разрешили вносить фамилию, имя и отчество отца (с его согласия или по решению суда) либо делать эту запись со слов матери. Миллионы детей и матерей были избавлены от незаслуженного “клейма”, а общественное мнение перестало их осуждать.

Стали широко употребляться выражения “гражданский муж” (89 тыс. упоминаний в русскоязычном интернете) и “гражданская жена” (102 тыс.)⁵. Хотя “гражданским” является брак, зарегистрированный в отделе записи актов *гражданского* состояния, т.е. в ЗАГСе, люди называют так союз мужчины и женщины, живущих вместе без свидетельства о браке.

Если отцовство признано добровольно или установлено по суду, то отец имеет те же обязанности (включая выплату алиментов) по отношению к ребенку, рожденному в сожительстве, как и в зарегистрированном браке. Но по отношению к сожительнице никаких обязанностей у него нет. Если он не напишет на нее завещание, то наследство достанется не ей, а его родным.

Выражение “гражданский брак” вошло в употребление из-за отсутствия других подходящих названий. В 1960-х и 1970-х гг. в научной литературе часто писали о “фактических браках”. Однако почти все зарегистрированные браки — тоже фактические. Более правильно называть устойчивое сожительство “незарегистрированным браком”, но это слишком длинно, трудно произносимо и мало отличается на слух от “зарегистрированного брака”. Хотя

в интернете “незарегистрированный брак” упоминается не так уж редко (20 тыс. раз), но о “гражданском браке” пишут в 13 раз чаще (263 тыс. раз)⁶.

Слово “сожительство” и сегодня несет на себе негативный оттенок. Общество стало относиться к этому явлению более либерально, поэтому возникла необходимость в ином названии. Тут-то и возродилось старое выражение “гражданский брак”.

В России в конце XIX — начале XX в. “гражданскими” мужьями и женами называли людей, которые жили вместе как супруги, но по каким-то причинам не могли либо не хотели обвенчаться. Например, студентам-двоечникам запрещалось жениться, но это не мешало им жить с “гражданскими женами”. Эти отношения не признавались ни церковью, ни государством, но получили моральное признание, особенно среди интеллигенции.

Единственной формой законного брака был церковный (точнее, религиозный) брак. Государство признавало браки, заключенные по христианским, иудейским, мусульманским и буддийским обрядам.

Советская власть отделила церковь и религию от государства, перестала признавать религиозные браки (кроме заключенных до революции) и создала ЗАГСы. После этого выражение “гражданский брак” потеряло смысл и вышло из употребления до 1990-х гг., когда сожительство и рождение детей вне зарегистрированного брака стали социально приемлемыми явлениями. В наше время говорят “гражданский брак”, чтобы “облагородить” сожительство. Это выражение стало альтернативой как зарегистрированному, так и церковному браку: без документа из ЗАГСа не венчают.

При всех различиях определения понятия “семья”, принятых в юриспруденции, демографии, социологии и других науках, в любом случае считается, что семья состоит из людей, связанных друг с другом отношениями брака и (или) родства. По определению А.И. Антонова, “семья — это основанная на единой общесемейной деятельности общность людей, связанных узами супружества — родительства — родства и тем самым осуществляющая воспроизводство населения и преемственность семейных поколений, а также социализацию детей и поддержание существования членов семьи”⁷. Единая общесемейная деятельность — это воспитание детей, ведение домашнего хозяйства, материальное обеспечение семьи и т.д.

Здесь указаны связи в семье из двух поколений: между мужем и женой (супружество), между родителями и детьми (родительство),

⁴ Семейный кодекс Российской Федерации по состоянию на 25 января 2014 г. М., 2014. Ст. 23 (серия “Законы и кодексы”).

⁵ Результаты yandex-поиска по состоянию на 28.07.2014.

⁶ Там же.

⁷ Социология семьи: Учебник / Под ред. А.И. Антонова. М., 2005. С. 44.

между братьями и сестрами (родство). В семье из трех поколений в систему связей входят также свойство (связь одного из супругов с родственниками другого) и прародительство (связь деда и бабушки с внуками). Однако члены таких семей часто рассматривают себя как две родственные семьи, которые вынуждены жить вместе из-за нехватки денег на покупку или аренду отдельного жилья.

По данным выборочной переписи населения 1994 г., 6,5% россиян, считающих себя состоящими в браке, указали, что брак не зарегистрирован. По переписи 2002 г., этот показатель был равен 10%, а по переписи 2010 г. — 13%. В молодых возрастах процент незарегистрированных браков намного больше, чем среди населения в целом. Еще в 1972 г. демограф Л.Е. Дарский писал, что “заключение брака часто представляет собой процесс, растянутый во времени”⁸, т.е. пара какое-то время живет вместе, а потом регистрирует брак.

Распад брака тоже происходит постепенно. Между мужем и женой происходят частые конфликты, прекращаются интимные отношения, затем они разъезжаются по разным адресам (если есть, куда уйти) и лишь после длительного раздельного проживания оформляют развод. Поэтому средняя продолжительность расторгнутого брака в нашей стране составляет 10 лет⁹.

Миллионы людей ходят либо в процессе создания семьи (состоящие в “гражданском”, т.е. еще не зарегистрированном браке), либо в процессе ее распада (разошедшиеся без формального развода). “Гражданский брак” — это переходный этап между безбрачием и законным браком. Семья, основанная на таком союзе, — это промежуточная форма между нормальной семьей и “несемейной” формой человеческого общежития”.

Семья как социальный институт переживает кризис. Все более массовыми и социально приемлемыми становятся ее периферийные типы: “гражданские браки”, добровольно бездетные пары, неполные семьи. Во всех этих случаях комплект семейных связей неполный, некоторые из функций семьи выполняются недостаточно или вообще не выполняются.

В бездетных парах есть супружество, но нет родительства: такие семьи не выполняют ни воспроизводственной, ни воспитательной функции.

В неполных семьях нет супружества, а родительство существует в усеченной форме: обычно это материнство без отцовства. Это за-

трудняет выполнение воспитательной функции. Чаще всего в таких семьях дети получают однобокое женское воспитание, что влияет на их взрослую жизнь. Девочки из неполных семей видят своих матерей в роли матери, но не в роли жены и соответственно не готовы выполнять эту роль. У них много шансов повторить судьбу своих матерей. Мальчики из подобных семей не представляют себя ни в роли мужа, ни в роли отца. У них меньше шансов создать и сохранить семью, чем у тех, кто был воспитан обоими родителями¹⁰.

В однодетных полных семьях есть и супружество, и родительство, но нет родства между братьями и сестрами. Эти семьи лишь частично выполняют функцию воспроизводства населения: на смену двум родителям приходит только один ребенок. Выполнение же воспитательной функции затруднено из-за того, что у него нет братьев и сестер, с которыми надо считаться и договариваться. Весьма вероятно, что он вырастет эгоистом. Однако однодетные супружеские пары и “гражданские супруги” с детьми намного ближе к нормативному типу семьи, чем бездетные пары и неполные семьи.

Периферийные типы семьи отличаются от нормативного типа неполным комплектом связей, ролей и функций, но эти различия преодолимы. “Гражданские супруги” могут зарегистрировать брак. Супруги, решившие никогда не иметь детей, могут передумать и все-таки родить ребенка. Однодетная пара может решиться на рождение второго ребенка. Вдова, разведенная или незамужняя женщина с ребенком (детьми) может выйти замуж. При этом неполная семья становится полной.

Однако гейская или лесбийская пара не может превратиться в гетеросексуальную семью. Сторонники движения ЛГБТ убеждены в том, что нетрадиционная ориентация носит врожденный характер и не меняется. Это служит для них аргументом за разрешение однополых “браков”.

В России в конце XIX — начале XX в. лишь 2% детей рождались вне брака, а в 2013 г. — 23%. В 1913 г. на 1000 браков приходилось только 4 развода, а в 2013 г., по данным Росстата, — 545. До революции 1917 г. расторжение брака допускалось в случае супружеской измены, а требовать развода мог только верный супруг. Другими основаниями считались возникшая еще до свадьбы неспособность одного из супругов к брачному сожитию, безвестное отсутствие мужа или жены свыше пяти лет, осуждение кого-то

⁸ Дарский Л.Е. Формирование семьи. Демографо-статистическое исследование. М., 1972. С. 47.

⁹ Население России 2010–2011: восемнадцатый–девятнадцатый ежегодный демографический доклад / Отв. ред. А.Г. Вишневецкий. М., 2013. С. 251 (показатели рассчитаны С.В. Захаровым по данным Росстата).

¹⁰ Синельников А.Б., Заблоцкая Л.М. Проблемы детей, воспитывающихся в семьях без отца // Демографические исследования. Научный интернет-журнал. 2012. № 14. URL: http://demographia.ru/articles_N/index.html?idR=20&idArt=2151 (дата обращения: 05.08.2014).

из них за особо тяжкое преступление к наказанию, связанному с лишением всех прав состояния, пострижение обоих супругов в монашество или отпадение одного из них от православия. Все эти случаи, кроме измены, были весьма редки, а измену трудно было доказать — требовались показания двух свидетелей.

С 1918 г. основанием для развода стало считаться само по себе требование одного из супругов об этом даже в том случае, если за покинутым мужем или женой нет никакой вины. Просто у того, кто требует развода, иссякли чувства или им на смену пришла новая любовь. Такой сценарий развода стал допускаться как общественным мнением, так и законом. Поэтому число ежегодно расторгаемых браков за сто лет увеличилось более, чем в сто раз.

До недавнего времени подавляющее большинство людей жило в семьях, состоящих из супругов, имеющих детей (включая взрослых детей, живущих отдельно). В наше же время становятся все более массовыми и социально приемлемыми такие формы брака, как добровольно бездетные пары и неполные семьи.

В наше время весьма популярна теория “второго демографического перехода”, одним из создателей которой является голландский демограф Д. ван де Каа¹¹. Многие сторонники этой теории позитивно или нейтрально рассматривают сожительства, разводы и добровольную бездетность. Они считают, что государство не должно преодолевать и/или не может преодолеть эти тенденции. Среди приверженцев этой теории в России наиболее известны А.Г. Вишневский и С.В. Захаров. Они обвиняют сторонников альтернативной концепции “кризиса семьи” в стремлении “повернуть колесо истории вспять”¹².

Д. ван де Каа составил перечень перемен в состоянии семьи. Главной из них является “переход от однородного хозяйства к плюралистическим типам семьи и домашнего хозяйства”¹³.

В прошлом однородным, т.е. нормативным, домохозяйством считалась брачная пара с детьми, а бездетные пары или одинокие матери с детьми (неполные семьи) рассматривались как отклонения от нормы. “Второй демографический переход” принес “плюрализм” и равноправие всех типов домохозяйств, включая и неполные пары и домохозяйства одиноких людей.

¹¹ *Kaa D.J. van de. Europe's second demographic transition // Population Bulletin. 1987. N 42 (10); Idem. Second demographic transition // Encyclopedia of Population / Ed. by P. Demeny, G. McNicoll. N.Y., 2003.*

¹² *Население России. Ежегодный демографический доклад // Евразия. 1993. № 4 (12). С. 83.*

¹³ *Митрикас А. Семья как ценность: состояние и перспективы изменений ценностного выбора в странах Европы // Социологические исследования. 2004. № 5. С. 65.*

Супруги, решившие никогда не иметь ни одного ребенка, в глазах “передового” западного общества ни в чем не уступают супругам с детьми, неполные семьи — полным, однополые пары — традиционным бракам. Свобода выбора между браком и безбрачием, рождением детей и бездетностью, одиночным и семейным образом жизни — это одна из ценностей демократического общества, более важная, чем его судьба — неизбежное вымирание из-за такой свободы. Когда само понятие нормы исчезает и люди могут создавать семьи и домохозяйства любого типа, исчезают и гарантии того, что большинство предпочтет традиционный тип. Однако только последний обеспечивает выживание народа.

Народы, у которых супруги с несколькими детьми окажутся или уже оказались в меньшинстве, исчезнут с лица земли. Их место займут иммигранты из стран, где семьи большие и прочные. Так обстоит дело и в России и в Европе. Остановить этот процесс может только повышение престижности семей нормативного типа и приусиление им образа жизни.

Распространение периферийных форм усугубляет кризис семьи как социального института, так как мешает ей выполнять функции воспроизводства населения и воспитания новых поколений. Однако семьи периферийных типов — это все-таки семьи. Однополые же пары настолько сильно отличаются от нормативного типа, что названия “семья” и “брак” для них не подходят.

С.В. Захаров в своей статье “Расширяющиеся границы брака”, чтобы объединить в общую категорию зарегистрированные браки и сожительства, употребляет выражение “партнерский союз”¹⁴. Разумеется, не всякий “партнерский союз” можно считать браком, но в глазах значительной части населения границы понятия “брак” действительно расширяются, а точнее говоря, размываются, охватывая также и “гражданские браки”. До каких пределов может пойти это расширение и к чему оно приведет?

Когда в обществе происходят радикальные изменения и возникают какие-то новые явления, резко непохожие на все предыдущие, то для них не подходят старые, привычные названия. Требуется назвать их как-то иначе.

14 июля 1789 г. мятежная толпа захватила парижскую тюрьму Бастилию и освободила узников. Узнав об этом, король Людовик XVI воскликнул: “Но это же бунт!”. “Нет, это революция!” — возразил один из придворных.

¹⁴ См.: *Захаров С.В. Новейшие тенденции формирования семьи в России. Статья первая. Расширяющиеся границы брака // Демоскоп Weekly. 2006. 6–19 марта. № 237–238. [Официальный сайт Центра демографии и экологии человека Института народнохозяйственного прогнозирования РАН]. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2006/0237/tema05.php> (дата обращения: 05.08.2014).*

В отличие от революционеров, бунтовщики всегда ставили себе ограниченные задачи: отмену самых высоких налогов, расправу с наиболее ненавистными для народа помещиками или чиновниками, но не стремились изменить социальный строй в целом. В России они считали, что царь хороший, а бояре плохие, или хотели заменить “незаконного” государя на “законного”.

Причиной московского Медного бунта в 1662 г. был выпуск в обращение необеспеченных медных денег. Это вызвало рост цен и голод. За работу платили медью, а налоги собирали серебром. Бунтовщики требовали, чтобы царь Алексей Михайлович казнил тех вельмож, которых они считали виновниками такой финансовой политики. Однако они не собирались ни уничтожить крепостное право, ни заменять монархию республикой. Бунт был подавлен, но государству все же пришлось изъять медные рубли из обращения.

Целью участников Пугачевского бунта 1773–1774 гг. было свержение Екатерины II, которая, по их мнению, не имела прав на престол, и возведение на трон Емельяна Пугачёва, объявившего себя Петром III. Его сторонники не представляли себе никакой другой формы правления, кроме самодержавия.

Французские революционеры-якобинцы имели гораздо более радикальные цели. Они не только рубили головы дворянам как представителям правящего сословия, но и отменили само деление общества на сословия и провозгласили, что все граждане равны перед законом, не только казнили короля, но и установили республиканский строй вместо абсолютной монархии.

Октябрьская революция 1917 г. привела к еще более впечатляющим преобразованиям в России, чем революция 1789–1794 гг. во Франции. При всем своем экстремизме якобинцы не отменили частную собственность, как это сделали большевики в 1917 г.

Если муж уходит от жены и детей к другой женщине, то это можно считать его бунтом против своей семьи. В каких-то семьях причиной бунта бывает то, что жена унижала мужа, сравнивала с более “успешными” мужчинами, “пилила” по всякому поводу и без повода. В других семьях жена ни в чем не виновата, но муж просто увлекся другой дамой и ведет себя как закоренелый эгоист, которому безразлична судьба его бывшей супруги и детей. Однако такой мужчина не отрицает брак и семью как таковые, а создает новую семью, в которой также рождаются дети. Он поступает как бунтовщик, который хочет заменить одного государя на другого, надеясь на то, что новый царь будет лучше прежнего. Эти надежды чаще всего не сбываются. Демографам известно, что повторные браки не более удачны и прочны, чем первые.

Если же муж уходит от жены к другому мужчине, то это не просто бунт против его собственной семьи, а *революция против социального института семьи вообще*. То, что он создает после этой революции, не является семьей.

Однополые союзы — это не семьи периферийного типа. Семьи переходят из периферийного типа в нормативный в полном и даже в расширенном составе. Если одинокие или разведенные матери выходят замуж либо у бездетных супругов рождаются дети, то размер их семей увеличивается.

Однополые “семьи” не могут пройти такой переход, не распавшись. Для этого требуется возвращение одного из партнеров к гетеросексуальной ориентации (что, по мнению сторонников ЛГБТ, невозможно), его разрыв с другим партнером и вступление в брак с лицом противоположного пола.

С точки зрения демографии однополые пары относятся к неродственным частным домохозяйствам, а с точки зрения социологии — к несемейным формам человеческого общежития. При переписях используется категория “домохозяйство”, а не “семья”. Не все люди имеют семью, но каждый человек является членом домохозяйства того или иного типа.

Домохозяйства делятся на коллективные (тюрьмы, казармы, детские дома, дома для престарелых и т.п.) и частные, которые в свою очередь подразделяются на одиночные (из одного лица) и групповые (из двух и более). По данным переписи 2010 г., 99% частных групповых домохозяйств в России состоят из родственников. Это и есть семьи.

Примером частного группового неродственного домохозяйства могут быть хозяйка и домработница. Хозяйка может так привязаться к домработнице, что станет считать ее членом своей семьи и даже завещать ей квартиру. Это не понравится родным детям, которые живут далеко, о матери не заботятся, но уступить наследство чужому человеку не хотят.

Однако по закону домработница не считается членом семьи хозяйки и может наследовать ей лишь по завещанию. В то же время при отсутствии завещания дети и другие ближайшие родственники автоматически являются законными наследниками, хотя наследодатель может в своем завещании уменьшить их долю, а то и вовсе лишить наследства.

Если двое студентов снимают квартиру, живут там годами, совместно занимаются домашними делами, вместе оплачивают жилье, коммунальные услуги и покупку продуктов питания, то они образуют частное неродственное домохозяйство. Если же между ними существует однополая связь, то она не является “гражданским браком”, который можно узаконить в ЗАГСе, и не превращает их домохозяйство в родственное, т.е. в семью.

Формы человеческого общежития

Семейные (частные родственные домохозяйства)		Несемейные (частные групповые неродственные домохозяйства)
Основной (нормативный) тип семьи. Комплект семейных связей, ролей и функций является полным.	Прочие (периферийные) типы семьи. Комплект семейных связей и ролей неполный. Семья выполняет не все свои функции и не в полном объеме.	
Законные супруги с несколькими детьми	Законные супруги с одним ребенком “Гражданские супруги” с ребенком (детьми) Супруги (законные или “гражданские”) без детей Матери (или отцы) с детьми (неполные семьи)	Однополые пары Прочие неродственные частные домохозяйства (например, хозяйка и домработница или два студента, которые вместе снимают квартиру и ведут общее хозяйство)

В пятнадцати странах разрешены однополые “браки”. Однако в обществе действуют не только субъективные законы, придуманные и принятые людьми, но и объективные законы, подобные законам природы и обладающие большей силой, чем субъективные.

Еще за четыре века до нашей эры философ Антисфен “советовал афинянам принять специальное постановление и считать ослов конями. Те сочли это нелепым, но, возразил Антисфен, ведь у вас можно стать и стратегом, ничему не учась; достаточно только для этого большинству поднять руки”¹⁵. Афиняне иногда выбирали стратегами, т.е. полководцами, людей, которые совсем не годились для этого, но почему-то нравились избирателям.

Институт брака возник задолго до государства, которое не изобретало его, а лишь признало естественно сложившееся положение дел. Как бы ни различались у разных народов представления о браке, как бы ни менялись они со временем, брак всегда считался союзом мужчины и женщины.

С одной стороны, в США и Западной Европе среди противников однополых браков преобладают верующие. Обычно они ссылаются на то, что в Библии четко указано: брак — это союз мужчины и женщины, начиная с Адама и Евы.

¹⁵ Антология кинизма: Философия неприятия и протеста / Прим. и коммент. И. Нахова. М., 1996. С. 53.

С другой стороны, даже такой убежденный атеист, как К. Маркс, писал: “Никто не принуждается к заключению брака, но всякий должен быть принужден подчиняться законам брака, раз он вступил в брак. Тот, кто заключает брак, не *творит* брака, не *изобретает* его, он так же мало творит и изобретает брак, как пловец — природу и законы воды и тяжести”¹⁶.

К. Маркс утверждал, что люди могут изменить законы общества, но законы брака он считал естественными и не подвластными людской воле.

Принять, даже самым демократическим путем, закон об однополых “браках”, — это все равно что объявить ослов (или людей) конями либо заявить, что дважды два равно пяти. Такие постановления не могут отменить ни законы природы, ни объективные законы жизни общества, которые никто не в силах изменить, даже если кому-то этого очень хочется.

Статус “гражданских партнеров”, который гейские и лесбийские пары получили в Великобритании и некоторых других странах еще до того, как там были разрешены однополые браки, дает им практически те же права, что и законным мужьям и женам в отношении наследования имущества партнера, получения после его смерти пенсии по потере кормильца, предоставления налоговых льгот, которыми пользуются супружеские пары. Однако геи и лесбиянки считают статус “гражданских партнеров” все-таки дискриминационным, поскольку он не дает им права называться супругами, венчаться в церкви (священники разных протестантских конфессий совершают такие обряды), именовать свой союз браком и семьей и, самое главное, усыновлять детей.

Когда в 2013 г. во Франции были разрешены однополые “браки” с правом усыновлять детей, на демонстрации протеста вышли почти полтора миллиона человек. И в других западных странах у этих законов очень много противников, особенно по вопросу об усыновлении.

Вот что пишет российский демограф В.И. Сакевич: «Дальше всех по пути либерализации брачно-семейных отношений продвинулись Нидерланды, которые внесли соответствующую поправку в Гражданский кодекс: “брак может быть заключен между двумя людьми разного или одного и того же пола”. Между однополым и обычным браком остаются лишь два юридических отличия. Во-первых, однополая пара может усыновить только голландского (а не любого) ребенка. Во-вторых, если ребенок рождается у женщины, состоящей в браке с мужчиной, мужчина автоматически при-

¹⁶ Маркс К. Проект закона о разводе // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. I. М., 1955. С. 162.

знается отцом ребенка, и это правило не распространяется на женщину, состоящую в браке с женщиной»¹⁷.

Первое отличие, по-видимому, объясняется нежеланием создавать международно-правовые коллизии при усыновлении детей из тех стран, где это запрещено. Голландия стала первым государством, которое отменило данный запрет. Позже многие страны последовали ее примеру, и сейчас таких коллизий уже никто не боится. Когда в нашей стране запретили гражданам государств, где разрешены однополые браки, усыновлять российских детей, это вызвало бурные протесты властей США и стран Евросоюза.

Если первое отличие — временное, то второе — принципиальное: речь идет о “презумпции отцовства мужа”, которая является неотъемлемым атрибутом брака и семьи. В лесбийской же “семье” нет ни мужа, ни отца, и такая презумпция для нее невозможна. Лесбиянки часто бывают убежденными феминистками. А многие из феминисток, особенно радикальных, признают только лесбийские отношения. Да и гетеросексуальные феминистки выступают за разрешение однополым парам вступать в брак и усыновлять детей. Ведь цель феминизма — абсолютное равноправие мужчин и женщин.

Когда замужняя женщина рождает не от мужа, отцом ребенка по закону все равно считается муж. Если он не признает ребенка своим, то должен доказать это. До появления генетической экспертизы оспорить отцовство было очень трудно. Да и сам факт оспаривания отцовства ставит мужа в сложное положение. А если он ничего не докажет? Поэтому многие мужья, даже при серьезных сомнениях в своем отцовстве, оспаривать его все же не решаются.

Когда они идут на такой шаг, то, как правило, требуют также и развода, отцовство же оспаривают, чтобы не платить алименты. Если же экспертиза покажет, что ребенок все-таки рожден от мужа, то жена не простит ему недоверия и дальнейшее существование семьи окажется под угрозой.

Если же у мужа появляется ребенок от внебрачной связи, то это тоже может привести к разводу, но его жена не считается матерью этого ребенка и не имеет по отношению к нему никаких обязанностей. Где же равноправие?

Брак как союз мужчины и женщины не только дает им права, но и налагает на них обязанности, которых нет у “гражданских партнеров”, как разнополых, так и однополых. Права мужа и жены

не могут быть одинаковыми. Обязанности тоже. Вступление в брак создает более тесную связь и большую степень доверия между супругами, чем сожителство — между партнерами, как однополыми, так и разнополыми. Отсюда и презумпция отцовства мужа — он должен доверять жене, равно как и она ему.

Если одна из двух лесбийских “супруг” рождает ребенка, то другая, разумеется, может, но не обязана его усыновить. Если в России разрешат такие усыновления, то когда дочь двух матерей станет взрослой, ее будут звать, например, Верой Надеждовной. Либо в угоду ЛГБТ вообще запретят обращаться к любому человеку по имени и отчеству, дабы не обижать тех, у кого отчества нет. Ведь на “прогрессивном” Западе есть только имена, а нам негоже от них “отставать”.

Суд может обязать мужчину признать отцовство и содержать *своего* ребенка, рожденного вне брака, а также отклонить иск мужа об оспаривании отцовства и тем самым обязать его материально обеспечивать ребенка до совершеннолетия. В случае смерти отца ребенок получит наследство: до 18 лет отец не может лишиться его этого права.

В отличие от установления отцовства в отношении *родного* ребенка, усыновление *неродного* ребенка — дело сугубо добровольное. Жена не может заставить мужа усыновить ее ребенка от первого брака. Женщина, состоящая в “браке” с женщиной, не имеет родительских обязанностей в отношении ребенка своей “супруги”, даже если он рожден во время их “брака”. Если она не усыновит ребенка, то не должна и платить на него алименты в случае расторжения “брака”. Это дает ей преимущество перед отцом в обычной семье.

Полное равенство между однополыми парами и разнополыми супругами невозможно по определению. Впрочем, как сообщество ЛГБТ, так и феминистские организации настаивают на нем, а также на равноправии мужчин и женщин лишь тогда, когда им это выгодно. Если же в результате их упорной борьбы за равенство женщины оказываются в привилегированном положении по сравнению с мужчинами, а геи и лесбиянки — по сравнению с гетеросексуалами, то такое положение дел они считают нормальным.

Понятия “брак” и “семья” имеют позитивную окраску. Поэтому сторонники однополых союзов употребляют эти слова, резко меняя их смысл, но даже они не могут использовать названия основных семейных ролей. Что это за семья, в которой нет ни мужа, ни жены, ни отца, ни матери? Они же стараются изъять слова “отец” и “мать” из употребления, заменить их на “родитель А” и “родитель В”. Это неудобно, обидно и дискриминационно для детей из обычных се-

¹⁷ Сакевич В.И. Однополые браки: кризис семьи или путь к равноправию? // Демоскоп Weekly. [Официальный сайт Центра демографии и экологии человека Института народнохозяйственного прогнозирования РАН]. Электронная версия бюллетеня “Население и общество”. 2005. 5–18 дек. № 225–226. URL: www.demoscope.ru/weekly/2005/0225/gerprod01.php (дата обращения: 05.08.2014).

мей, которым воспитатели детских садов в Швеции и других странах уже не разрешают говорить “папа” и “мама”.

Среди геев, лесбиянок и их сторонников немало представитель интеллектуальной элиты, которые умеют изобретать новые слова. Они само слово “гомосексуалист”, которое воспринималось негативно, заменили гораздо более приятным для слуха словом “гей”, а всех людей, которые хоть в чем-то с ними не согласны, стали обвинять в “гомофобии”. Впервые употребил это слово американский психиатр Дж. Вайнберг в 1972 г. Homophobia означает “страх, ненависть (фобию) по отношению к гомосексуализму”. Слово “homo”, пришедшее из греческого и латыни в европейские языки с некоторыми различиями в написании и произношении, имеет разные значения.

Во-первых, homo — это “похожий, подобный”. Homosexual — человек, имеющий сексуальную связь с человеком своего пола. Многие считают, что гомосексуалисты — это только мужчины, т.е. геи, но есть также и гомосексуальные женщины, т.е. лесбиянки.

Во-вторых, homo — это “человек” (или “мужчина”). По-французски это “home”, по-английски — “human being” (букв. “человеческое существо”). Близкие понятия: homo sapiens (лат.) — “человек разумный”, humanism — “гуманизм”, слово, которое во многих языках, включая русский, означает “человечность”.

Поэтому слово “гомофобия” можно понять как “человеконенавистничество”, или “антигуманизм”. Активисты ЛГБТ объявляют нацистом и врагом человечества каждого, кто хоть в чем-то с ними не согласен. Однако если весь род людской выберет однополую любовь, то он просто вымрет.

Слова с окончанием “фобия” имеют негативный смысл. “Ксенофобия” — это ненависть к другим странам, народам и религиям. Например, “русофобия” — ненависть к России и русским, “исламофобия” — ненависть к исламу и мусульманам, “юдофобия” — ненависть к иудаизму и верующим иудеям. Сейчас обычно говорят не “юдофобия”, а “антисемитизм”, имея в виду ненависть ко всем евреям, включая крещеных и неверующих. Когда меняется характер явления, меняется и его название.

Геи и лесбиянки, а также их сторонники находят подходящие слова или изобретают новые, когда им это надо. Неужели они не могут придумать другие названия для однополых “браков” и “семей”? Если же они считают, что все прочие термины, кроме этих двух, дискриминационны, поскольку подчеркивают различие между однополыми и разнополыми союзами, то эту разницу и так видят все, кто не ослеплен стремлением к равноправию.

Некоторые выходцы из мусульманских стран приезжают в Западную Европу с несколькими женами. Для иммигрантов, живущих

в отдельных кварталах, все эти женщины являются законными супругами главы семьи, но такие правила действуют только в их среде. Настаивая на других своих правах, например на ношение паранджи, они не требуют, чтобы европейские государства узаконили многоженство. Возможно, это еще впереди. Ведь иммигрантские сообщества не менее влиятельны, чем ЛГБТ, а многоженство меньше отличается от единобрачия, чем однополый “брак” от разнополого.

Геи и лесбиянки могут считать однополые пары браками и семьями, это их дело. Однако окружающее большинство не обязательно разделять их взгляды.

По данным исследования “Религия, семья, дети”, проведенного кафедрой социологии семьи и демографии социологического факультета МГУ при участии автора этой статьи, для 93% опрошенных семейный образ жизни в большой или очень большой степени ассоциируется с наличием законного супруга. Это мнение разделяется почти в равной степени как верующими (христианами, мусульманами, иудеями), так и неверующими¹⁸.

Даже неполные семьи в большинстве случаев были основаны на браке, который распался из-за смерти мужа или жены либо из-за развода. Семьи одиноких матерей, никогда не бывших замужем, как правило, возникают из-за несбывшихся надежд этих женщин на брак с отцом своего ребенка.

Семейный кодекс РФ разрешает составлять брачный договор (контракт), но закон не предусматривает договоров о “гражданском партнерстве” даже для сожителей разного пола. Однако ситуации, в которых однополые партнеры видят ущемление своих прав по сравнению с законными супругами, вполне разрешимы и при действующем законодательстве. Партнеры могут составлять друг на друга завещания и доверенности. Если они вместе приобретают движимую или недвижимую собственность, то могут оформить ее как долевую, чтобы в случае разрыва отношений между ними ее можно было разделить. Если один из них хочет взять фамилию другого, то и это возможно: люди меняют фамилии не только в связи с браком. Однако однополый союз не должен называться браком и не может давать права на усыновление.

Государство не отбирает у лесбиянок детей, рожденных ими от искусственного оплодотворения, от случайной связи или от брака, в котором они жили, пока не сменили или не “осознали” свою сексуальную ориентацию. Даже их бывшим мужьям трудно до-

¹⁸ См.: Синельников А.Б., Медков В.М., Антонов А.И. Семья и вера в социологическом измерении (результаты межрегионального и межконфессионального исследования). М., 2009. С. 53–59.

биться этого, поскольку судьи часто разделяют мнение большинства и полагают, что ребенок должен остаться у матери.

Почему же общество должно передавать детей, рожденных гетеросексуальными женщинами, на усыновление людям, поддерживающим однополые отношения, от которых никто родиться не может? Они говорят, что их ориентация предопределена природой. Если это так, то природа запрограммировала их не продолжать свой род. Правда, многие из них не бесплодны и могли бы иметь потомство в гетеросексуальных браках, но они либо не вступают в такие браки, либо вступают, и эти браки заканчиваются разводом.

Детей, оставшихся без родителей, не всегда хватает и для гетеросексуальных супругов, желающих их усыновить. Для этих детей лучше иметь приемного отца и приемную мать, нежели двух приемных отцов или двух приемных матерей, поведение которых может стать примером для ребенка.

Демократия — это власть большинства при учете интересов меньшинств и защите их от дискриминации. Однако и меньшинства, в том числе и сексуальные, должны проявлять уважение к большинству, считаться с его позицией и не навязывать ему свою волю. Если они пытаются сломать и перекроить в угоду себе социальный институт семьи, обеспечивающий воспроизводство населения и воспитание новых поколений, то общество должно стать на защиту этого института, без которого оно просто не выживет.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Антология кинизма: философия неприятия и протеста / Прим. и коммент. И. Нахова. М., 1996 (Antologija kinizma: filosofija neprijatija i protesta / Prim. i komment. I. Nahova. M., 1996).

В молдавском законе заменяют понятия “отец” и “мать” // Сайт новостей LENTA.RU. URL: <http://lenta.ru/news/2014/07/21/parents/> (дата обращения: 05.08.2014) (V moldavskom zakone zamenjat ponjatija “otec” i “mat” // Sajt novostej LENTA.RU. URL: <http://lenta.ru/news/2014/07/21/parents/> (data obrashhenija: 05.08.2014)).

Дарский Л.Е. Формирование семьи. Демографо-статистическое исследование. М., 1972 (*Darskij L.E.* Formirovanie sem'i. Demografo-statisticheskoe issledovanie. M., 1972).

Захаров С.В. Новейшие тенденции формирования семьи в России. Статья первая. Расширяющиеся границы брака // Демоскоп Weekly. 2006. 6–19 марта. № 237–238. [Официальный сайт Центра демографии и экологии человека Института народнохозяйственного прогнозирования РАН]. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2006/0237/tema05.php> (дата обращения: 05.08.2014) (*Zaharov S.V.* Novejshie tendencii formirovanija sem'i v Rossii. Stat'ja pervaja. Rasshirjajushhiesja granicy braka // Demoskop Weekly. 2006. 6–19 marta. N 237–238. [Oficial'nyj sajt Centra demografii i jekologii

cheloveka Instituta narodnohozjajstvennogo prognozirovaniya RAN]. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2006/0237/tema05.php> (data obrashhenija: 05.08.2014).

Маркс К. Проект закона о разводе // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 1. М., 1955 (*Marks K.* Proekt zakona o razvode // Marks K., Jengel's F. Soch. T. 1. M., 1955).

Митрикас А. Семья как ценность: состояние и перспективы изменений ценностного выбора в странах Европы // Социологические исследования. 2004. № 5. С. 65–73 (*Mitrikas A.* Sem'ja kak cennost': sostojanie i perspektivy izmenenij cennostnogo vybora v stranah Evropy // Sociologicheskie issledovanija. 2004. N 5. S. 65–73).

Население России 2010–2011: восемнадцатый–девятнадцатый ежегодный демографический доклад / Отв. ред. А.Г. Вишневецкий. М., 2013 (Naselenie Rossii 2010–2011: vosemnadcatyj–devjatnadcatyj ezhegodnyj demograficheskij doklad / Otв. red. A.G. Vishnevskij. M., 2013).

Население России. Ежегодный демографический доклад // Евразия. 1993. № 4(12) (Naselenie Rossii. Ezhegodnyj demograficheskij doklad // Evrazija. 1993. N 4(12)).

Премьер-министр Великобритании будет экспортировать пересмотр понятия брака. URL: <http://demographia.ru/node/34> (дата обращения: 05.08.2014) (Prem'er-ministr Velikobritanii budet jeksportirovat' peresmotr ponjatija braka. URL: <http://demographia.ru/node/34> (data obrashhenija: 05.08.2014)).

Результаты yandex-поиска по состоянию на 28.07.2014 (Rezultatyi yandex-poiska po sostoyaniyu na 28.07.2014).

Сакевич В.И. Однополые браки: кризис семьи или путь к равноправию? // Демоскоп Weekly. 2005. 5–18 дек. № 225–226. [Официальный сайт Центра демографии и экологии человека Института народнохозяйственного прогнозирования РАН]. Электронная версия бюллетеня Население и общество. URL: www.demoscope.ru/weekly/2005/0225/reprod01.php (дата обращения: 05.08.2014) (*Sakevich V.I.* Odnopolye braki: krizis sem'i ili put' k ravnopraviju? // Demoskop Weekly. 2005. 5–18 dek. N 225–226. [Oficial'nyj sajt Centra demografii i jekologii cheloveka Instituta narodnohozjajstvennogo prognozirovaniya RAN]. Jelektronnaja versija bjulletenja Naselenie i obshhestvo. URL: www.demoscope.ru/weekly/2005/0225/reprod01.php. (data obrashhenija: 05.08.2014).

Семейный кодекс Российской Федерации по состоянию на 25 января 2014 г. М., 2014. Ст. 23. (Сер. “Законы и кодексы”) (Semejnij kodeks Rossijskoj Federacii po sostojaniju na 25 janvarja 2014 g. M., 2014. St. 23. (Ser. “Zakony i kodeksy”).

Синельников А.Б., Заблоцкая Л.М. Проблемы детей, воспитывающихся в семьях без отца // Демографические исследования. Научный интернет-журнал. 2012. № 14. URL: http://demographia.ru/articles_N/index.html?idR=20&idArt=2151 (дата обращения: 05.08.2014). (*Sinelnikov A.B., Zablockaja L.M.* Problemy detej, vospityvajushhiesja v sem'jah bez otca // Demograficheskie issledovanija. Nauchnyj internet-zhurnal. 2012. N 14. URL: http://demographia.ru/articles_N/index.html?idR=20&idArt=2151 (data obrashhenija: 05.08.2014)).

Синельников А.Б., Медков В.М., Антонов А.И. Семья и вера в социологическом измерении (результаты межрегионального и межконфессионального исследования). М., 2009 (*Sinelnikov A.B., Medkov V.M., Antonov A.I. Sem'ja i vera v sociologicheskom izmerenii (rezul'taty mezhregional'nogo i mezhkonfes-sional'nogo issledovanija)*). М., 2009).

Социология семьи: Учебник / Под ред. А.И. Антонова. М., 2005 (*Sociologija sem'i: Uchebnik / Pod red. A.I. Antonova*). М., 2005).

Kaa D.J. van de. Europe's second demographic transition // *Population Bulletin*. 1987. N 42 (1).

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

В.В. Кочетков, докт. социол. наук, проф., зам. зав. кафедрой социологии международных отношений социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова*

МЕЖДУНАРОДНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ СИМВОЛИЗМ АРХИТЕКТУРЫ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫХ ЗДАНИЙ

V.V. Kochetkov

INTERNATIONAL POLITICAL SYMBOLISM OF THE ARCHITECTURE OF GOVERNMENT BUILDINGS

В статье проводится международно-политический анализ архитектуры правительственных зданий России, США, а также некоторых стран Западной Европы (Великобритания, Франция, Германия) и Азии (Китай, Индия, Япония). Делаются выводы, что архитектура правительственных зданий отражает ценности господствующей в обществе политической культуры. Некоторые правительственные здания имеют прототипы, построенные ранее в других обществах и культурных традициях (например, Капитолий в Вашингтоне, США, и Капитолийский храм в Риме).

Ключевые слова: социология архитектуры, архитектура правительственных зданий, кросс-культурные различия, политическая культура.

The article analyzes international political architecture of government buildings in Russia, the U.S., Western Europe (UK, France, Germany) and Asia (China, India, Japan). Conclusions that the architecture of government buildings reflects the values of the dominant society's political culture. Some government buildings are prototypes constructed previously in other societies and cultural traditions (for instance, the Capitol in Washington, USA, and the Capitoline temple in Rome).

Key words: sociology of architecture, the architecture of government buildings, cross-cultural differences, political culture.

Правительственные здания являются не только непосредственными проводниками для отправления соответствующих функций государственного аппарата, но и особыми материальными объектами, имеющими историческую и культурную значимость. Архитектура и способ расположения такого рода строений транслируют особенности национального характера и позволяют выделить схожие черты в обществах, на первый взгляд кажущихся различными. Так или иначе, рассмотрение архитектурного образа прави-

* Кочетков Владимир Викторович, e-mail: vkochetkov58@mail.ru

тельственных зданий, представляющих характер власти и властных отношений в том или ином государстве, способствует прочтению культурного кода различных обществ и пониманию их норм, обычаев и традиций.

Архитектура как комплекс различных зданий, сооружений и построек представляет собой не просто особую материально организованную среду, в которой сосредоточена жизнедеятельность человека, а систему образов, символов и кодов, в которых заложено культурное наследие того или иного общества. Неоценимую помощь в трактовке и расшифровке соответствующих символов и кодов оказывает семиология, или семиотика, — наука, исследующая свойства знаков и знаковых систем. Семиология архитектуры выделяет несколько аспектов изучения знаков и их систем, однако основным направлением и опорой для дальнейшего исследования станет семантика как область, наиболее глубоко затрагивающая содержание архитектуры. Она отвечает за смысловую сторону архитектуры как искусства, а не ремесла, дает большие образно-знаковые и символические возможности архитектуре не только в плане смысловыражения, но и в плане смыслообразования, превращая “говорящую” архитектуру в “поэзию” архитектурных форм, раскрывает значение социокультурных идей, господствующих в человеческом обществе на уровне цивилизаций в целом и в конкретные эпохи у разных народов в различных странах и регионах в частности. При этом архитектура становится своеобразным слепком, по которому можно судить о социокультурных и политических идеалах того или иного общества в различные эпохи.

За восприятие архитектурных комплексов или отдельных элементов архитектуры в первую очередь отвечает зрение. Зная особенности зрительного восприятия человека, еще древние греки в V в. до н.э. использовали курваты, которые учитывали оптические искажения человеческого восприятия для лучшего представления и восприятия архитектурных построек, например Парфенона в Афинском акрополе. Как было установлено экспериментальной психологией, эмоциональное воздействие тех или иных линий на человека связано с работой его глаза. Например, горизонтальная линия воспринимается глазом с минимальным напряжением и поэтому вызывает ощущение удовольствия, удовлетворения. Вертикальная линия воспринимается с большим напряжением. Неправильные и ломаные линии вызывают наибольшее напряжение и болезненные ощущения глаза, так как мышцы глаза вынуждены без подготовки неожиданно менять направление. При восприятии правильных кривых линий глаз подготавливается к предстоящему изменению, и это вызывает чувство удовлетворения. В то же время кинестезические ощущения (т.е. ощущения, вызванные движением

отдельных частей человеческого тела) усиливают и углубляют эмоциональное воздействие линий, поверхностей, форм на человека. Так, горизонтальные линии и плоскости дают возможность двигаться по ним с минимальными усилиями. Вертикаль задает человеку направление, параллельно которому он бессознательно старается держать свое тело, сохраняя равновесие и преодолевая силу тяжести. При этом по сравнению со статичностью горизонталей вертикаль обладает “зарядом потенциального движения”. Наклонные линии и плоскости обладают динамическими свойствами, потому что активизируют необходимость сохранения равновесия. О психическом влиянии формы на человека и его поведение писали многие исследователи. Эстетическую выразительность линий, плоскостей, цвета, пространств и объемов, составляющих форму как основу эмоционального воздействия на человека, исследовали психологи и эстетики XIX в., такие, как Г. Фехнер, В. Гельмгольц, В. Вундт. Джон Саймондс в книге “Ландшафт и архитектура” указывает: “Линия, форма, цвет, качество, звук, запах — все это вызывает определенные эмоциональные реакции. Если, например, какое-то очертание оказывает какое-то воздействие на зрителя, это уже является достаточной причиной, чтобы применить такие очертания при формировании сооружений или пространств, которые должны вызвать у зрителя ту же реакцию”¹.

Изгибающиеся формы и пространства вызывают разрядку; свободные формы и пространства — веселье; изолированные, небольшие пространства — чувство уединения, созерцания. Поражающий масштаб, превосходящий обычные человеческие представления, рождает чувство возвышенного. Отсутствие же средств, позволяющих оценить масштаб, — испуг. Явно выраженный ритм вызывает веселье, недостаток ритма или его монотонность — неудовольствие. Жесткие, шероховатые или зазубренные поверхности вызывают напряжение, гладкие — веселье. Контраст высоко парящих форм с низкими горизонтальными формами вызывает чувства возвышенного, духовного. Архитектура, таким образом, является не просто наглядной моделью, отражающей культурные и эстетические характеристики той или иной эпохи. Она есть отражение, специфический отпечаток социальной и культурной жизни, переводящий визуально в экспрессивные формы свои главные идеи и свои социокультурные смыслы всенародной или глобальной значимости. С практической же точки зрения можно отметить следующее: если окружающие человека формы, линии, плоскости, цвета вызывают ответную эмоциональную и эстетическую реакцию,

¹ Саймондс Дж. Ландшафт и архитектура / Под ред. Л.С. Залесской. М., 1965. С. 78.

значит, можно использовать архитектурно-художественные качества форм и пространств сознательно, прогнозируя вполне определенную ответную эмоционально-эстетическую реакцию и соответствующее поведение людей. Таким образом, архитектура является не только объектом социальной реальности, но также и инструментом, направленным на ее преобразование.

Различные здания и сооружения выполняют роль не только убежища, хранителя и источника жизни в качестве второй природы, естественной искусственности человека, служат своеобразным маяком, помогающим определиться в пространстве, но также являются средством коммуникации в обществе, особенно между различными поколениями и эпохами. Практически вся жизнь, деятельность человека и его взаимодействия с другими людьми проходят на фоне или внутри архитектурных сооружений. Архитектура служит для нас источником вдохновения, средством социализации, самоидентификации и развития личности. Поэтому социология как интегральная наука об обществе не может не обратить внимания на столь интересный феномен. Сделав архитектуру объектом, мы обогащаем внутридисциплинарную матрицу социологии новым направлением — социологией архитектуры. Рассмотрим историю ее становления.

С 1945 г. в Германии под влиянием чикагской школы (изучавшей прежде всего проблемы конфликтов в городе, урбанизации, сегрегации, адаптации и т.п.) разрабатывались в основном концепции социологии региона, пространства, города. В противовес этим подходам и стала формироваться собственно социология архитектуры. Объектом социологии архитектуры стал сам феномен зданий и сооружений, а также разработка теоретических направлений в архитектуре, изучение места и роли пространства в социологии и исследованиях культуры. Возник даже соответствующий термин — “архитектурный поворот”. Сегодня все больше социологов занимаются различными сторонами этих проблем, пытаются сформулировать, что есть объект и предмет социологии архитектуры. Вопрос о соотношении социологии с архитектурой и с теорией архитектуры можно рассматривать с нескольких точек зрения. Прежде всего необходимо помнить о специфике социологии в ряду других научных дисциплин: в нее входят целый ряд дисциплин специальных. Под этим углом зрения социологию архитектуры можно понимать как раздел социологии, в центре которого находятся архитектура и теория архитектуры как объекты, опосредующие общество и изучаемые им. Особенность всей социологии состоит в ее мультипарадигмальном характере. Как и все социальные явления, с этой позиции архитектуру и теорию архитектуры можно анализировать через призму множества не сводимых друг к другу,

часто диаметрально противоположных социологических теорий. Связанные с этим фактом возможные подходы в каждом случае реализуются в эксплицитных или имплицитных социальных теориях в зависимости от того, какие отношения кладутся в основу социологической сути конкретного явления — обмен, коммуникация, доверие, конфликт и т.д. Вследствие этого спектр теорий, применяемых социологами к архитектуре, расширяется. Х. Дейлицц предлагает системный подход: рассматривать архитектуру главным образом как “средство отражения социальных процессов”. В отличие от социологии города, региональной социологии, социологии планирования, жилища объектом социологии архитектуры следует считать сооружения и постройки в их реализованном виде. Эмпирические исследования в рамках этого подхода ориентированы на изучение структуры общества и механизма социализации через рассмотрение архитектуры этого общества. Главной задачей социологии архитектуры является анализ современного общества с точки зрения облика (не структуры) города. При этом предполагается взаимно пересекающееся родство архитектуры и социальных процессов. Далее Х. Делитц пишет: «Кроме того, я рассматриваю архитектуру как средство отражения социальных процессов, особенно вопросы “пересечения” архитектуры и социальных процессов, их взаимного влияния. Архитектура как средство отражения культуры XX века — это точнейший сейсмограф общественных изменений. Она делает их наглядными, представляет и воспроизводит их. Предположение о существовании влияния архитектуры на облик общества не ново; сама архитектура строится на этой посылке со времен “венского модерна”. Архитектура, можно сказать, претендует на роль конструктора вариантов новой среды. Это касается и устремленной вверх (“воздушной”) архитектуры, “мегаархитектуры” 1960-х гг. и современности. Однако архитектуру достаточно редко рассматривают с социологической точки зрения, обосновывают соответствующими теориями и исследуют эмпирическими методами. Правомерной также считаю постановку вопроса, в какой степени архитектура воспроизводит “классовую структуру” общества. Для раскрытия этой темы считаю целесообразным сосредоточиться на наиболее известных проектах архитектуры модерна, которые благодаря своему дискурсивному распространению через фотографии, тексты, экскурсии влияли на крупных архитекторов и их последователей, таким образом расширяя представления о формах освоения пространства и в результате оказывая влияние на общество»². Опираясь на работы И. Фишера, Х. Делитц

² Делитц Х. Архитектура в социальном измерении // Социологические исследования. 2008. № 10. С. 117.

отмечает, что тот противопоставил социально дифференцированному теоретическому анализу в теории архитектуры теоретический анализ граничных контуров сооружений, с одной стороны, используя положение философской антропологии о “границах тела сооружения”, что позволяет последовательнее учитывать феномен выразительности архитектуры и ее способность проявляться в данных границах, а с другой стороны, описывая архитектуру с точки зрения теории коммуникации как “сложную коммуникацию” современного общества, которую можно анализировать с указанных позиций. Рассматривая архитектуру как “средство отражения социального”, Х. Делитц в основу социологии архитектуры закладывает культурологическое и философское определение средства коммуникации. В теории средств коммуникации и в теории символа главной идеей выступает, с одной стороны, неделимость материальности и значения, с другой — единство разных способов создания произведений о мире, индивиде, социуме. Музыка, наука, язык, а также архитектура — разные средства, формирующие наше самосознание, мировосприятие и социальную позицию. Архитектура, воздействуя на довербальном уровне, является предсознательным средством коммуникации: она создает пространственно заполненную “атмосферу”, формирующую у человека представление о мире, о самом себе и об обществе посредством границ тела сооружения. Каким образом архитектура воспринимается в повседневной жизни, можно понять, дистанцировавшись от нее. При этом можно будет наглядно увидеть основополагающую специфику архитектуры: ее суть в пропорциях конструкций, в культурно обусловленных линиях и формах. Они и вызывают у людей определенные эмоции, восприятия и представления. Архитектура должна учитывать материал, функции, она является “сложным” средством коммуникации, значение которой (в отличие от смыслов языковых знаков) возникает не в связи с ее материальностью. Наряду с этим должна учитываться специфика трактовок и действий, присущая самой архитектуре.

С точки зрения философской антропологии архитектура — одно из самых своеобразных и необходимых средств реализации жизни человека как живого существа в конкретных условиях времени и пространства. При этом речь идет в первую очередь об экспрессии и о культуре в целом. Человек как существо, имеющее двойственную природу, как дитя природы поставлен перед фактом существования своей телесной оболочки и души. Он должен создавать вторую природу, в чем и воплощена функциональность построек. Человек постоянно создает новое, чем образуется экспрессия в архитектуре. Архитектура — монополия человечества, часть “естественной искусственности”. Одновременно она своими проявле-

ниями и выражает, и маскирует сущность, опосредованную ею же самой: “Границы тела постройки являются воистину границами экспрессии”³. Человек постоянно заново проводит архитектурные границы и не приходит “никогда туда, куда задумал, — делает ли он жест, строит ли дом или пишет книгу”. Социальный характер архитектуры показывает, таким образом, почему архитектурные решения постоянно оспариваются, почему “конкретная социализация столь явно имеет место при конкретных социальных нормах архитектуры”.

Х. Делитц вслед за И. Фишером считает, что архитектура окружает нас повсюду: «Мы соприкасаемся с ней ежедневно, ощущая ее постоянство и наглядность, она присутствует, когда мы принимаем различные действия... Архитектура, будучи постоянно рядом и преобладая над другими коммуникативными средствами культуры или “символическими формами”»⁴, явно выделяется среди них. В своих вездесущих конструкциях она воплощает само общество, обнажая особенности отдельных его поколений, социальных классов, условий жизни и систем функционирования. Архитектура как главное средство отражения культуры и всех общественных изменений делает их наглядными, представляя их и воспроизводя. Таким образом, вся суть заключается в понимании того, как общество и социальные явления воплощаются в архитектуре и одновременно ею определяются; как архитектура влияет на социальные изменения; как изменения в технологии и материалах проектирования влияют на социальные отношения, мировосприятие, средства передвижения и коммуникации, а также насколько общественные ценности воплощаются в архитектуре и усиливают их действие и, наконец, как и в какой степени архитектура воспроизводит “классовую структуру” общества, а также какова роль архитектуры в передаче опыта и структуры “общества” и “субъекта”, и в какой степени социальная перемена представлена в архитектуре и ею вызвана.

Проведем международно-политический анализ архитектуры правительственных зданий России и зарубежных стран.

Россия

Основные правительственные здания нашей страны расположены в Москве. Самым известным архитектурным комплексом, в котором находится резиденция Президента РФ, является Московский Кремль. Это символ российской государственности, один из

³ Там же. С. 118.

⁴ Там же. С. 114.

крупнейших архитектурных ансамблей мира, богатейшая сокровищница исторических реликвий, памятников культуры и искусства. Во второй половине XV в. Московский Кремль перестраивался под руководством итальянских зодчих, в частности Пьетро Антонио Солари. Отметим некоторые интересные особенности. Далеко не всякий замечает, что верх Спасской башни, воздвигнутой итальянским зодчим, украшен белокаменными фигурами фантастических зверей, напоминающих химер на Соборе Парижской Богоматери. Зубцы стены Кремля имеют вид “ласточкиного хвоста” и повторяют зубцы замков итальянских гибеллинов. В целом Московский Кремль построен по образу сохранившегося до сих пор замка династии миланских герцогов Сфорца — Кастелло Сфорцеско. Иной подход представляет И.В. Белинцева, сравнивающая Московский Кремль и прусский замок: «В состав сложных архитектурных замков Кенигсберга и Мариенбурга и Московского Кремля входят мощные укрепления, храмы, башни-колокольни, жилые сооружения, сгруппированные в каждом ансамбле вокруг главной площади. При этом в глаза бросается следование различным композиционным принципам, а именно: изначальная строгая регулярность композиции замков и нерегулярность планировки русских кремлей. Однако можно заметить, как в ходе исторической эволюции замки Пруссии постепенно теряют композиционную строгость, а, например, план Московского Кремля XV–XVI вв. выдает отчетливое стремление к регулярности. Тогда же Кремль начинают все чаще именовать “замком”. При этом в основе планировочной композиции замков лежит квадрат — фигура, возможно, связанная с желанием крестоносцев воспроизвести образ Небесного Иерусалима. Московский Кремль, особенно после его перестройки, имеет иную, но также христианскую, а по сути — математическую символику. Так, сближение архитектурно-художественных программ замков и Кремля происходит по мере политической и идейной трансформации государства в светские монархии»⁵. Здание Государственной Думы, спроектированное архитектором А.Я. Лангманом и возведенное в 1936 г. на углу улиц Тверская и Охотный ряд, задумывалось как место размещения Совета труда и обороны. Однако план, частью которого оно являлось, так и не был реализован И. Сталиным. А потому здесь временно обосновался СНК СССР, затем Госплан СССР, а после распада СССР — Государственная Дума (нижняя палата Парламента) Российской Федерации. Факт размещения высшего органа законодательной власти в непригодном здании, которое строилось с совершенно други-

⁵ Белинцева И.В. Русский кремль и прусский замок: опыт сравнения // Кремль России. М., 1999. С. 63.

ми целями, характеризует как отношение к законам в России, так и отношение к демократии. Особенно если сравнивать с США, где законодатели работают в Капитолии, специально скопированном с Капитолийского храма в Риме как символ имперского могущества этой страны. Поражает и много говорит о политической культуре нашей страны и тот факт, что при строительстве этого здания использовались уникальные материалы. Так, например, для облицовки был взят известняк, полученный из обломков взорванного храма Христа Спасителя.

США

Рассмотрим два наиболее известных и легкоузнаваемых во всем мире правительственных здания, находящихся в этой стране. Такими являются резиденция Конгресса США — Капитолий и резиденция президента США — Белый дом. Капитолий и Белый дом были возведены в совершенно новом для Америки городе — Вашингтоне, который был построен с нуля по предложению первого президента США, впоследствии одобренному Конгрессом. Это было совершенно искусственное образование, сравнимое разве что со строительством Санкт-Петербурга. Переходя к рассмотрению Капитолия, важно обратить внимание на историю самого названия. Капитолий и Капитолийский холм в Вашингтоне берут свои названия от Капитолийского холма, на котором был возведен Капитолийский храм и основан город Рим. Это главные символы Римской империи. Главный вход в Капитолий, находящийся в Вашингтоне, оформлен в соответствующем римскому Капитолийскому храму стиле. Капитолийский храм являлся религиозным центром республиканского и имперского Рима, имел также большое значение в укреплении римского государства. В нем собирался сенат, приносили жертвы магистраты, там располагался архив. Храм был для римлян символом власти, силы и бессмертия Рима. Примечателен и тот факт, что здание парламента США имеет купол. Купол — элемент крайне символический. Так, в православии купол является символом небес и украшается образами Небесного Царства, Бога и ангелов. Изнутри купол Капитолия украшен фреской, изображающей “Апофеоз Вашингтона” в окружении олимпийских богов. Кроме того, возведенное здание парламента и в целом выглядит как сооружение в стиле ампир (“имперский” стиль), т.е. в стиле позднего классицизма, возникшего при Наполеоне I. Другой значимый архитектурный комплекс в США — Белый дом, который сейчас иногда противопоставляется монаршим замкам и дворцам как эталон скромности, умеренности, а главное — как символ равенства с остальными. Долгие годы Белый дом оставался

самым большим домом в США, на его строительство ушли колоссальные по тем временам средства. Более того, фундамент здания закладывали чернокожие рабы из Африки, а в строительстве были задействованы мигранты со всех концов Европы, преимущественно из Шотландии, Ирландии и Италии. Само же здание в изначальном варианте являлось практически копией здания ирландского парламента. После реконструкции и пристройки двух колоннад он стал напоминать, с одной стороны, ирландскую президентскую резиденцию, а с другой — французскую усадьбу Шато де Растиньяк (Château de Rastignac).

И по сей день данные архитектурные сооружения сохраняют свое величие и значимость. Белый дом является символом США, символом тех идей и ценностей, которые проповедуют эта страна, ее люди и правительство. Он пропитан жизнью величайших политических деятелей в истории, несет в себе дух своей страны и народа, являясь их неотъемлемой частью. Капитолий же символизирует имперский дух страны, ее правителей. Для большинства граждан — это также символ демократии, неотъемлемой части США.

Страны Западной Европы

Великобритания. Особенностью размещения правительственных зданий в Англии является их территориальная близость. Улицу Уайт-холл, проходящую в центре Лондона и являющуюся главной дорогой города, местное население считает правительственной улицей из-за того, что практически вся ее территория занята зданиями основных ведомств и министерств Великобритании. Улица идет от Британского парламента на север, в Вестминстер, в сторону Трафальгарской площади. Вестминстерский дворец, в котором располагается британский парламент, — это не только правительственное здание, но и одна из важнейших достопримечательностей города. Дворец был заложен еще в 1097 г. и служил резиденцией Английских королей. После пожара 1834 г. дворец был отстроен в неоготическом стиле. Одна из башен здания, известная как Биг Бен, стала одним из важнейших символов города. Таким образом, дворец — это исторический символ английской демократии, основанной на традициях и консервативном духе англичан. Однако самым интересным является тот факт, что по образцу Вестминстерского дворца было построено здание венгерского парламента. Строительство здания парламента было задумано в Венгрии после объединения в 1873 г. Буды, Пешты и Обуды в единый город, чтобы подчеркнуть суверенное право венгерской нации, и может считаться своего рода символом данного объединения.

Франция. Современная резиденция французского правительства — Елисейский дворец — располагается на Елисейских полях. Он является главным зданием страны, символом высшей власти во Франции и эталоном французского классицизма. Резиденцией же французских президентов Елисейский дворец стал в конце XIX в. С тех пор тринадцать президентов Третьей республики жили и работали в апартаментах и кабинетах здания, два главы государства Четвертой республики и шесть президентов Пятой. Примечательно, что данное здание является не просто архитектурным шедевром, но и центральным стратегическим объектом Франции. В подземной части Елисейского дворца есть комната — кабинет Юпитера, где президент может нажать на так называемую “красную” кнопку, т.е. отдать приказ о запуске стратегических ракет с ядерными боеголовками. В этом кабинете размещены большие экраны и оборудованы технические средства для обеспечения прямой связи между верховным главнокомандующим (президентом), министром обороны и руководством стратегических ВВС. Несмотря на то что прошло уже много лет с момента возведения Елисейского дворца, он по-прежнему остается олицетворением власти и могущественности Франции.

Германия. Одним из наиболее известных правительственных зданий Германии является здание государственного собрания, где в 1894—1933 гг. заседал одноименный государственный орган Германии — Рейхстаг Германской империи и Рейхстаг Веймарской республики, а с 1999 г. размещается Бундестаг. Здание было построено специально для политических нужд государства. Однако в 1933 г. произошел пожар и было решено перенести заседания нацистской партии в здание Кроль-оперы. После Второй мировой войны Германия была разделена на ФРГ и ГДР, и каждая из германских республик получила свои органы управления. Здание Кроль-оперы было разрушено, а заседания Бундестага стали проходить в Бонне — столице ФРГ. В ГДР была создана Народная палата, совещания которой проходили во Дворце республики в Берлине. Сравнивая залы проведения пленарных заседаний и архитектуру построек законодательных органов Третьего Рейха, ФРГ и ГДР, нельзя не заметить различия в обстановке, декоре зала и здания, в общей атмосфере. Зал заседаний в Кроль-опере поражает не столько размерами, сколько оформлением. Гигантский орел, широко распростерший свои крылья над фюрером, свастики по обеим сторонам зала очень хорошо отражают общий дух политического режима Третьей империи. Сам же факт того, что заседания Рейхстага были перенесены именно в здание оперы, имеет несколько причин. С одной стороны, здание Кроль-оперы было вместительным и обладало привлекательным местоположением. Тем более что

оперное и драматическое искусство считалось элитарным, делом “цвета общества”. Заседаая там, Рейхстаг как будто придавал больше значимости своим действиям, причисляя себя к высшей касте. С другой стороны, в здании Кроль-оперы проводились не только оперные вечера, но и спектакли оперетты. Возможно, Гитлер, славившийся ораторским искусством, воспользовался такой возможностью и как будто проводил в нем представления, возбуждая собрание. К тому же заседания Рейхстага во времена Третьего рейха не отличались регулярностью и в конце концов вовсе прекратились с принятием Гитлером Закона “О преодолении бедственного положения народа и рейха”, который позволил ему принимать решения государственной важности без участия Рейхстага, что тоже подчеркивает фактическую бесполезность совещаний, тем более что в Рейхстаге были представлены практически одни члены нацистской партии. Совсем по-другому смотрелся зал заседаний Народной палаты ГДР. Обстановка зала очень скромная, без лишних элементов. На стене ранее висел герб ГДР — единственный символ государства. В целом здание Дворца республики не впечатляет ни размерами, ни оформлением. Стиль модерн и парковка, расположенная сразу напротив входа, не отражали его величия и значимости. Здание было построено на месте Городского дворца Берлина, который частично пострадал во время Второй мировой войны. Однако власти страны не захотели восстанавливать “символ прусского милитаризма и дворянства” и отстроили новое здание. Это неудивительно, учитывая привычку коммунистов разрушать все до основания, прежде чем строить что-то новое. Сейчас на месте Дворца республики открытое пространство. Главный орган народного представительства Германии сегодня заседает в обновленном здании Рейхстага. Проект изначально предполагал плоскую крышу, навес. Однако в таком виде здание Рейхстага лишилось бы своего символического значения величия и единения. Британский архитектор Норман Фостер возвел грандиозный купол из стекла и стали. Две круговые ramпы спирального вида протяженностью 230 м выводят на смотровую площадку, откуда с высоты более 40 м открывается взору круговая панорама Берлина. Сам пленарный зал очень светлый и просторный. Символика государства не давит и не нависает над депутатами. В здании также располагается музей современного искусства. Во всем видно стремление автора продемонстрировать демократический дух страны и ее экономический и культурный уровень. На реализацию этого грандиозного проекта были выделены немалые средства, что показывает всю мощь научно-технического развития Германии и говорит о том, что управлению страной и, в частности, органам народного представительства уделяется действительно немалое значение. Таким образом, зда-

ние Рейхстага отражает тесную взаимосвязь между государством и обществом. Однако другие правительственные здания, построенные в наше время, не вызывают такого эмоционального отклика. Так, ведомство федерального канцлера называют “стиральной машиной”, Дом культуры народов мира — “беременной устрицей”, а ведомство федерального президента — “президентским яйцом”. Модерн как архитектурное направление отражает тенденцию “осовременивания” власти, демонстрацию ее либерализации, что не всегда оправдывает себя.

Страны Азии

Китай. В архитектуре КНР воплощены уважение к тысячелетним традициям, сила и уверенность в настоящем и стремительное движение к светлому будущему. Традиционная архитектура Китая различных исторических эпох глубоко символична. Лишь опытные востоковеды способны осознать всю палитру смыслов, которыми наделены величественные сооружения этой страны. Правительственное здание — Дом Всекитайского собрания народных представителей сочетает в себе гордость за прошлое и настоящее. Примечательно, что новое здание построено недалеко от Дворца императора. Оно располагается в самом сердце Пекина, на главной площади Тяньаньмэнь, с которой связана целая череда исторических событий. До демократической революции правительственные здания всегда располагались по центральной оси города. Обычно их архитектурные образы — самые авторитетные. Сегодня же внешняя форма правительственных зданий многих стран становится более открытой и простой. В новых правительственных зданиях Запада очень мало жестких симметричных форм. Однако в Китае большинство правительственных зданий по-прежнему строится по центральной оси Народной площади в строго симметричной форме. Это очень важно для создания закрытой атмосферы. Китайская архитектура подчеркивает, что КНР не отрекается от своего прошлого, не пытается уничтожить его, стерев с лица земли архитектурные шедевры прошлых эпох. Постройкой новых величественных зданий Китай лишь подчеркивает свое превосходство и умение приспособить прошлое к современным реалиям. Дом Всекитайского собрания — одно из самых больших зданий для проведения правительственных собраний. Оно было построено к 10-й годовщине образования КНР всего лишь за один год. Оформление самого главного зала ассоциируется с убранством залов, типичных для СССР (красные знамена, звезды и др.) и напоминает об общественном курсе этих держав. Однако если СССР прекратил свое существование в 1990-е гг., то Китай все еще готов

бороться за статус сверхдержавы. Особенности каждого региона КНР представлены в дизайнах 34 палат Дома Всекитайского собрания (эта цифра соответствует числу провинций в государстве). Современное величие проводимого политического курса связано с определенными лидерами. Так, недалеко от Дома Всекитайского собрания построен Мавзолей Мао Цзэдуна — культовой личности для КНР. Его же портрет установлен на башне Тяньаньмэнь.

Таким образом, в архитектуре Китая выражены не только история страны, но и характер народа — его целеустремленность, вера в светлое будущее и избранность своей нации. Именно поэтому все здания и сооружения китайцы стараются выполнить с поразительным размахом и в кратчайший срок, чтобы и здесь подчеркнуть свое превосходство.

Индия. Основные правительственные здания располагаются в южной административной части города Дели — Нью-Дели. XVIII—XX вв. — это колониальный период в истории архитектуры Индии. В колониальный период развился стиль, сочетающий в себе индуистские, исламские и европейские элементы. С течением времени под влиянием особенностей индийской архитектуры оказались английские архитекторы. Раштрапати Бхаван, официальная резиденция президента Индии, которая возводилась под руководством британцев Эдвина Латьенса и Герберта Бейкера с 1921 по 1929 г., является одним из самых больших и грандиозных сооружений эпохи Радж. Изначально это здание оранжево-розового цвета было символом господства Британской империи, в нем одно время жил Лорд Маунтбеттен, назначенный вице-королем Индии в 1947 г., чтобы наблюдать за процессом перехода Индии к независимости. Позже вся эта грандиозность была оценена, по словам Мотилала Неру, как “показная вульгарность и расточительная экстравагантность”. Несмотря на то что здание украшают классические колонны, своды и чхатри в монгольском стиле, его облик имеет явно британский характер. О британском влиянии свидетельствует и тот факт, что каждую субботу перед решетчатыми железными воротами Раштрапати Бхавана проходит развод караула президентской гвардии — ответ Дели на церемонию смены караула в Лондоне.

Сооружения центрального архитектурного комплекса Нью-Дели возводились одновременно. Параллельно с Президентским дворцом шло строительство Секретариата, Палаты совета (ныне парламент) и Военного мемориала. Когда началось создание Секретариата, в его фундамент были опущены два перенесенных на новое место символических кирпича, заложенные в 1911 г. английским королем. Созданный по проекту архитектора Герберта Бейкера Секретариат был одним из крупнейших административ-

ных сооружений того времени. Ныне в совершенно одинаковых по внешнему виду и размерам зданиях располагаются ведущие министерства центрального правительства Индии: секретариат премьер-министра, министерство иностранных дел и министерство обороны — в Южном блоке; министерство финансов и министерство внутренних дел — в Северном. В Северном блоке стены коридоров украшены интересными панно, на которых символически изображены Знание, Справедливость, Война и Мир, а также Гармония. В Южном блоке расположены фрески с изображениями представителей основных каст, священных городов и рек страны, а также эмблемами бывших правителей Индии. Архитектурный комплекс Парламента Индии (Сансад Бхаван) — одно из самых оригинальных государственных сооружений в мире: циклическое здание, крышу которого поддерживает колоннада из 247 колонн, вынесенная наружу и образующая круговую веранду. Примечательно, что после того как в 1937 г. работы по возведению нового здания индийского Парламента были завершены, на архитекторов обрушился вал критики. Жители города усмотрели в здании, призванном стать домом демократии и храмом государственности, сходство с ареной для корриды, которое выглядит будто упавшее набок мельничное колесо. Внешний облик данного здания напоминает в том числе итальянский Колизей.

Япония. В архитектуре Японии заметны заимствования из китайской архитектуры. В отличие от китайских и созданных в Японии под влиянием китайского стиля зданий для типично японских сооружений характерна асимметрия. В целом для японской архитектуры характерно стремление к простоте. Постройки светлые и открытые, в основном состоят из прямоугольных элементов. Однако нельзя не отметить и влияние на постройку комплекса правительственных зданий Японии западных архитектурных тенденций. Ярким примером служит Токийское правительство, или, как его чаще называют, Токийская мэрия, представляющая собой комплекс из трех зданий, объединенных в единую архитектурную композицию: два Токийских правительственных здания и Дом народного собрания. Главное здание напоминает футуристический готический собор — на высоте 33-го этажа оно раскалывается на две башни — Северную и Южную. Эти башни специалисты окрестили японским “Нотр-Дам де Пари”. В наружном и внутреннем дизайне Токийской мэрии используются элементы, напоминающие компьютерные микросхемы. В частности, изображения микропроцессоров находятся на потолке второго этажа главного корпуса, а также в других частях здания. Так ансамбль наглядно демонстрирует симбиоз модернизма и традиционного японского стремления к целостности и созерцательности. В главном деловом центре То-

кио — Маруноути располагается Императорский дворец. Разрушенный во время Второй мировой войны и восстановленный к середине 1950-х гг., он не представляет никакого интереса в архитектурном плане. Однако для японцев это не просто здание, а нечто большее. Это связано с особенностью восприятия императора, личность которого отождествлялась с Богом. Поэтому императорский дворец фактически является центральной точкой столицы, а окружающий его район Маруноути — наиболее престижная бизнес-зона Токио. Одной из главных достопримечательностей “страны восходящего солнца” является панорама Токио. С высоты птичьего полета открывается вид на ультрасовременный Синдзюку — “район небоскребов”. Однако и здесь прослеживается двойственность японской архитектуры: на востоке располагаются традиционные низкие домики, петляют узкие улочки, а на западе доминируют “каменные джунгли” небоскребов.

Подводя итоги, следует отметить, что многие правительственные здания имеют прототипы, построенные ранее в других обществах и культурных традициях. Этот факт отражает процессы культурной интеграции и взаимопроникновения культур различных типов обществ. Повторяют друг друга не только интерьер и экстерьер строения, но и план строительства целого сооружения, не исключая фасад. Таковы, например Капитолий США и Капитолийский храм в Риме. Выявленные сходства в архитектуре зданий, в которых располагается государственный аппарат той или иной страны, являются также следствием миграционных процессов. Большинство архитекторов, создающих проекты тех или иных правительственных учреждений, являлись выходцами из других стран, а значит, и представителями других культурных традиций.

Многие страны в ходе своего исторического развития были непосредственно втянуты в военные действия или подверглись экспансии более влиятельных государств, вследствие чего происходило насаждение чужой культуры, ее традиций, норм и обычаев, что в дальнейшем отразилось в архитектуре.

По характеру архитектуры можно также проследить степень “открытости” того или иного общества. Архитектурные комплексы Китая и по сей день сохраняют свои уникальные особенности, в то время как в большинстве рассмотренных стран заметны смешение различных стилей и все больший поворот в направлении модерна.

Благодаря активному диалогу культур, их взаимовлиянию возрастает тенденция к универсализации, стиранию культурных границ, выражающаяся в преобладании во многих видах искусства, в том числе и в архитектуре современного стиля. Это проявляется,

например, в отделке зданий стеклом, в жестких геометрических формах, в монохромности цветовой палитры. Обезличивание культурных ансамблей, с одной стороны, приводит к возможности упрощенной интерпретации заданных символов, а с другой — к деградации культуры как таковой и потере национальной идентичности. Остановить процессы, отвечающие за внутреннюю и внешнюю динамику культуры, не представляется возможным. В этой ситуации важно выработать бережное отношение к своим культурным особенностям, пытаться сохранить традиции и обычаи не только в своем сознании, но и в сердце.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Агеев В.Н. Семиотика: Учеб. пос. М., 2002 (*Ageev V.N. Semiotika: Ucheb. pos. M., 2002*).

Архитектурно-строительное проектирование: сборник научных статей. Ульяновск, 2012 (*Arhitekturno-stroitel'noe proektirovanie: sbornik nauchnyh statej. Ul'janovsk, 2012*).

Белинцева И.В. Русский кремль и прусский замок: опыт сравнения // Кремль России. М., 1999 (*Belinceva I.V. Russkij kremli' i prusskij zamok: opyt sravnenija // Kremli Rossii. M., 1999*).

Веселова М.Н. Пространственно-временной аспект взаимодействия человека с историческим городом // Современные научные исследования и инновации. 2012. № 3 (*Veselova M.N. Prostranstvenno-vremennoj aspekt vzaimodejstvija cheloveka s istoricheskim gorodom // Sovremennye nauchnye issledovanija i innovacii. 2012. N 3*).

Вильковский М. Социология архитектуры. М., 2010 (*Vil'kovskij M. Sociologija arhitektury. M., 2010*).

Волков Ю.Г., Добренков В.И., Нечипуренко В.Н., Попов А.Р. Социология. М., 2003 (*Volkov Ju.G., Dobren'kov V.I., Nechipurenko V.N., Popov A.R. Sociologija. M., 2003*).

Делиц Х. Архитектура в социальном измерении // Социологические исследования. 2008. № 10 (*Delic H. Arhitektura v social'nom izmerenii // Sociologicheskie issledovanija. 2008. N 10*).

Джонс Р. Экономические сочинения. Л., 1937 (*Dzhons R. Jekonomicheskie sochinenija. L., 1937*).

Добренков В.И., Кравченко А.И. Социология: В 3 т. Т. 3. Социальные институты и процессы. М., 2000 (*Dobren'kov V.I., Kravchenko A.I. Sociologija: V 3 t. T. 3. Social'nye instituty i processy. M., 2000*).

Кирвель Ч.С. Природные факторы и “власть пространства” в жизнедеятельности общества // Социология. 2009. № 3 (*Kirvel' Ch.S. Prirodnye faktory i "vlast' prostranstva" v zhiznedejatel'nosti obshhestva // Sociologija. 2009. N 3*).

Кочетков В.В. Идентичность в международных отношениях: теоретические основы и роль в мировой политике // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 25. Международные отношения и мировая политика. 2010. № 1 (*Kochetkov V.V. Identichnost' v mezhdunarodnyh otnoshenijah: teoreticheskie osnovy i rol' v*

mirovoj politike // Vestn. Mosk. un-ta. Ser. 25. Mezhdunarodnye otnoshenija i mirovaja politika. 2010. N 1).

Кравченко А.И. Социология. Общий курс. М., 2002 (*Kravchenko A.I.* Sociologija. Obshhij kurs. M., 2002).

Кравченко А.И. Культурология: Учеб. пособие для вузов. М., 2002 (*Kravchenko A.I.* Kul'turologija: Ucheb. posobie dlja vuzov. M., 2002).

Лотман Ю.М. Статьи по семиотике культуры и искусства. СПб., 2002 (*Lotman Ju.M.* Stat'i po semiotike kul'tury i iskusstva. SPb., 2002).

Саймондс Дж. Ландшафт и архитектура / Под ред. Л.С. Залесской. М., 1965 (*Sajmonds Dzh.* Landshaft i arhitektura / Pod red. L.S. Zalessoj. M., 1965).

Словарь современной западной философии. М., 1991 (*Slovar' sovremennoj zapadnoj filosofii.* M., 1991).

Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. СПб., 1998 (*Jeko U.* Otsutstvujushhaja struktura. Vvedenie v semiologiju. SPb., 1998).

СОЦИОЛОГИЯ РЕЛИГИИ

Е.М. Мchedlova, докт. социол. наук, ст. науч. сотрудник Института социально-политических исследований РАН*

РАЗНОАСПЕКТНОСТЬ РЕЗУЛЬТАТОВ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ РЕЛИГИОЗНОСТИ РОССИЯН (2010–2012)

M.M. Mchedlova

DIFFERENTIATION OF ASPECTS OF POPULATION'S RELIGIOSITY IN RUSSIA RESEARCH

В статье рассматриваются различные подходы к изучению религиозности населения России (на материалах авторского исследования 2010–2012 гг.). Они включают: характеристику социальной группы верующих, их отношение к религии, церкви, ее духовной, а также социально-политической жизни; что думают верующие, как существуют, работают и общаются, как относятся к научным достижениям, принимают ли участие в жизни собственного государства, патриотичны, толерантны ли, как относятся к людям иной национальности и вероисповедания. Дается прогнозная оценка ситуации.

Ключевые слова: социальная группа верующих, религиозность и религиозное сознание, взгляды, поведение, образ жизни, права человека и толерантность, политика церкви.

In article it analyses different aspects of Russian people's religiosity (using the results of autor's research 2010–2012). Positions are: attitude of beliefs to religion and church, their life and socio-political activity; what the beliefs thing, how they exist, work and communicate, percept a scientific progressing; a participation in socio-political state-life, human rights and tolerance among other people etc. Autor shows the situation and prognostic of this social group.

Key words: beliefs, religion and religiosity, religious conscience, behavior, modification of life, HR and tolerance, church politics.

Исследование было проведено силами Отдела социологии религии Института социально-политических исследований РАН в 14 субъектах РФ, 33 регионах; выборка составила 2201 человек. Приведем некоторые социально-демографические характеристики респондентов. Прежде всего, исследованная в ходе опроса и анализа группа — люди верующие, но ведущие в основном светский образ жизни. Женщин среди респондентов было немного

* Мchedlova Елена Мирановна, e-mail: HMtchedlova@mail.ru

больше, чем мужчин, причем всех возрастов (чуть больше пожилых). Что касается образования, то здесь ситуация выглядит следующим образом: образование 7 классов и ниже — 1,7% респондентов, незаконченное среднее — 2,9, среднее — 20,2, среднее специальное — 38,8, незаконченное высшее — 7,7, высшее — 27,6, имеют ученую степень — 0,7, два высших — 0,5, отказ от ответа — 0,5%.

Показательно также то, что многие верующие уже давно освоили интернет, постоянно его используют и не только в трудовой деятельности. Итак, 60,6% опрошенных верующих постоянно используют интернет, 25,6% — не менее двух раз в неделю. Здесь проблемы вероисповедания отходят на второй план. Возникают вопросы для дискуссии: помогает ли верующим их вера в работе с интернетом или нет? А в деловой коммуникации?

Современные верующие менее коммуникабельны, практически не занимаются физической культурой и спортом. Большинство опрошенных верующих занимаются умственным трудом. Среди современных верующих мало многодетных: очевидно, существующие риски, в том числе экономические, оказывают свое негативное влияние.

В культовых практиках большинство опрошенных участвуют крайне редко. Стало быть, их можно отнести к невоцерковленным, пассивно верующим. В связи с этим трудно судить о степени религиозности населения, ее возрастании или убывании в тот или иной период. Прежде всего, как нам представляется, из-за ее латентности.

Изучению подверглись как вера в бога, так и другие аспекты религиозности: воцерковленность, культовые практики, религия как своего рода культурный пласт, верующие как активная социальная группа, религиозная образованность и образование, социально-экономические и социально-политические установки верующих россиян и их жизненное кредо, конфессиональные особенности.

Один из главных показателей религиозности — вера. Всякая религия основана на вере в бога (в разных конфессиях называется по-разному), в высшие силы, способные управлять миром. Научное знание базируется на фактах — природных, но получивших объяснение учеными с использованием научных терминов, оно конкретное и точное. Знание же религиозное — эфемерное. Оно объясняется не фактами, а обыденностью и при этом не подвергается сомнению (в отличие от науки, где сомнение лишь стимулирует постановку и дальнейшее решение проблемы). В него верят безапелляционно. Религиозное знание является в свою очередь источником повышенного внимания как тех же ученых, так и простого, но верующего населения. Для людей науки представляет интерес возникновение веры и верований, культурное наследие, историческая преемственность и т.д. Для людей, верящих в прови-

дение, высшие силы, бога, вера — это мировоззрение, состояние души, психологический настрой и одновременно своего рода способ жизни. Что есть предмет веры? Мы не можем это точно сформулировать и познать.

Социологический опрос, проведенный нами на территории России, помог определить процент тех, кто действительно верит в бога, он составил 65–66%. Что же получается? Не все религиозно настроенные люди верят в бога истинно, до глубины души, всего две трети респондентов верят истинно. Есть и колеблющиеся (таковых 16–18%), и не верящие (9,5%), и те, кто верит во что-то другое. Значит, не только вера в бога позволяет нынешним верующим относить себя к данной категории. Очевидно, сюда можно отнести некоторую долю участия непосредственно в религиозной жизни (не без психоэмоционального вмешательства) — обрядах, постах и т.п., а также чтение специфической литературы, посещение “воскресной школы”, проповедей (для определенных конфессий), наблюдение за деятельностью священнослужителей, церковных и поместных соборов и пр. Молодежь иногда интересуется верой, верить порой просто модно, но истинной верой молодежь себя не “загружает” (возможно, это психологическая защита от сегодняшних реалий, метаморфоз). Те кто рос в истинно религиозной семье, с устоявшимися обычаями, традициями и принципами, могут быть действительно верующими, по крайней мере они будут следовать религиозным обычаям, традициям и принципам в своей повседневной жизни.

Исходя из данных, представленных в табл. 1, можно понять, насколько глубока вера респондентов.

Таблица 1

Вопрос	Варианты ответов	Число респондентов, выбравших тот или иной вариант ответа (в %)
Знаете ли вы Символ веры — молитву “Верую”, для мусульман — “шахада”?	Не знаю, что это такое	43,3–50
	Не знаю по содержанию	29,6
	Знаю, но слабо (не все помню, не все понимаю)	17,8
	Знаю по содержанию и могу объяснить другому, но наизусть не помню	5,6
	Знаю наизусть	3,8

Получается, половина из тех, кто верит, не знает предмета своей веры, не знает специфического языка, на котором написаны священные книги и читаются молитвы. Какая-то часть из них не понимает, что написано, как это интерпретировать и т.п. Таким образом, вера — это просто вера, большинство респондентов не вдается в то, в чем ее суть, ее существование никак не выделяется.

Вера — проявление индивидуального и массового сознания. При этом индивидуальное сознание в настоящее время более не выражает открыто свое мировоззрение. Вера уходит как бы в глубь сознания, оставаясь личным делом каждого. Во многом это объясняется социализацией, желанием быть такими же, как все, а не сумасшедшими, маргиналами и т.д. Массовое сознание демонстрирует веру при значительных событиях, происходящих в стране именно в религиозной сфере (например, религиозные праздники для верующих различных конфессий, для православных — появление святынь (Пояс Богородицы, Дары Волхвов), имеющих и религиозное, и мировое культурное значение).

Из потенциально верующих (а их, напомним, две трети) мало кто посещает религиозную общину (или приход), более того — не хотя, что видно из табл. 2.

Таблица 2

Вопросы	Варианты ответов	Число респондентов, выбравших тот или иной вариант ответа (в %)
Участвуете ли вы в жизни какой-либо религиозной общины (прихода)?	Да, участвую постоянно	8,2
	Да, участвую иногда	14,4
	Нет, но чувствую к ней принадлежность	9,3
	Нет	63,1
	Затрудняюсь ответить	5
Хотели бы вы участвовать в жизни религиозной общины?	Да	7
	Нет	77,9
	Затрудняюсь ответить	15,1
Как часто вы посещаете храм (мечеть и т.д.)?	Не посещал никогда	15,8
	Очень редко, не каждый год	23,8
	Раз в год	19,1
	Несколько раз в год	24,9
	Раз в месяц и чаще	7,6
	Затрудняюсь ответить	8,8

Вопросы	Варианты ответов	Число респондентов, выбравших тот или иной вариант ответа (в %)
Как часто вы исповедуетесь и причащаетесь?	Никогда	43,2
	Редко, раз в несколько лет	25,9
	Раз в год обязательно	9,6
	Несколько раз в год	7,9
	Раз в месяц и чаще	1,4
	Затрудняюсь ответить	11,9
Молитесь ли вы Богу? Какими молитвами?	Не молюсь вообще	31
	Иногда, чаще своими молитвами	46,2
	Иногда, чаще церковными молитвами	11,6
	Молюсь церковными молитвами почти каждый день	5,7
	Стараюсь читать утреннее или вечернее правило (или другой канон)	1,1
	Затрудняюсь ответить	4,4
Соблюдаете ли вы религиозные посты?	Не соблюдаю	60,2
	Иногда, нерегулярно	25,9
	Некоторые соблюдаю, некоторые — нет	7,1
	Стараюсь соблюдать все большие посты	2,5
	Соблюдаю все, большие в особенности	1,1
	Затрудняюсь ответить	3,3

Почему те, кто позиционирует себя как верующие, не желают ничего этого делать, посещать моленные заведения, вообще не участвуют в практиках? Нет времени или по идейным соображениям? Ответы на этот вопрос могут быть разные: возможно, просто нет потребности или людям достаточно просто верить, либо никак себя не проявляя, либо проявляя, но как-то по-другому. Немногие, судя по данным табл. 2, общаются с другими верующими,

так или иначе приобщаясь именно к религиозной жизни (менее четверти опрошенных). Скорее всего, так происходит в патриархальных регионах. Значительно число тех, кто затруднился ответить, хотел бы он участвовать в деятельности общин, хотел бы видеть себя среди таких же верующих и всецело следовать правилам общины. Большинство не желает подобной формы общения, да и существования, и они довольно категоричны в своем выборе. Возможно, данная группа верующих респондентов знает, что творится в общинах, и ей это не нравится, либо она просто не приемлет сообщества по религиозным мотивам. Снова вопрос для дискуссии. Важна ли религия для этой группы респондентов? И да, и нет. Можно сказать, что в целом верующие пассивны в том, что касается соблюдения обрядов, жизни в общине и т.п.

Можно выделить еще одну группу респондентов, которые не верят в бога, чертей, сатану, а верят в кого-то или во что-то еще или просто в высшие силы (в приметы, гадания, гороскопы). К этой группе относятся 33,9% опрошенных, т.е. 1/3. В данном случае можно говорить только об индивидуальном, а не массовом подходе. Люди, относящиеся к этой группе, в случае какой-либо необходимости пойдут не в церковь и даже не в гражданские структуры, а к магам, колдунам, вешателям, знахарям и пр. Не нанесут ли тем самым эти люди вред себе, может быть, даже непоправимый вред? Однако большинство верующих не подвержено подобного рода верованиям, они более трезвы и рациональны, что вселяет надежду на лучшее. Об этом же свидетельствуют и данные табл. 3.

Таблица 3

Вопросы	Варианты ответов	Число респондентов, выбравших тот или иной вариант ответа (в %)
Верите ли вы в магию, колдовство?	Да	38,4
	Нет	52,1
	Затрудняюсь ответить	9,6
Верите ли вы в астрологию, гороскопы?	Да	33,9
	Нет	55,4
	Затрудняюсь ответить	10,6
Верите ли вы в приметы?	Да	50
	Нет	41,4
	Затрудняюсь ответить	8,6

Большее число респондентов верят в приметы, нежели в проявления потусторонних сил. Данные табл. 3 показывают, что подобные воззрения либо вообще не связываются с какой бы то ни было религией, верой, либо люди не обращают на них внимания, не придают им никакого значения.

Обратимся теперь к следующему аспекту исследования религиозности. Очевидно, что верующим необходимо каким-то образом передавать свои знания, опыт, создавать историческую преемственность. Один вариант — воспитывать детей в религиозном духе в семье, что не для всех современных молодых людей приемлемо. Еще один вариант — религиозное образование в специализированных учебных заведениях, что тоже не всегда и не для всех возможно. Судя по данным, приведенным в табл. 4, большинство верующих — сторонники светского образования.

Таблица 4

Вопросы	Варианты ответов	Число респондентов, выбравших тот или иной вариант ответа (в %)
Как вы считаете, учебный курс Основ религиозных культур и светской этики должен быть...	Обязательным	18,9
	Факультативным	49
	В школе не надо вводить предметы, рассказывающие о религии	17,8
	Затрудняюсь ответить	13,8
Если потребуется ввести предмет, то какой конкретно?	Основы православной культуры	39,9
	Основы мусульманской культуры	10,4
	Основы буддистской культуры	3,8
	Основы иудейской культуры	2,7
	Основы мировых религиозных культур	19,1
	Основы светской этики	19,3
	Не выбрал бы никакой из этих предметов, не вижу в них смысла	21,3
Затрудняюсь ответить	15,1	

Окончание табл. 4

Вопросы	Варианты ответов	Число респондентов, выбравших тот или иной вариант ответа (в %)
Где детям получать знания о религиозной культуре?	В семье	53,1
	В школе	32,6
	В воскресной школе, любой другой религиозной организации	15
	Путем самообразования (из книг, СМИ, интернета)	6,3
	Подобные знания не нужны	10,3
	Затрудняюсь ответить	10

Сделать вывод о том, как можно было бы воспитывать детей в религиозном духе, позволяют данные табл. 5.

Таблица 5

Вопросы	Варианты ответов	Число респондентов, выбравших тот или иной вариант ответа (в %)
Знаете ли вы церковно-славянский язык?	Не знаю	76,4
	Не знаю, но хотел бы выучить	14,1
	Понимаю на слух и могу прочесть, если текст написан современным языком	7
	Понимаю по церковно-славянски и умею читать	2,5
Есть ли в вашем доме религиозная литература?	Библия или только Евангелие	55,5
	Коран	10,6
	Молитвослов	18,6
	Помимо Молитвослова также Псалтырь, акафисты и каноны	5,6
	Минея, Октоих и Триодь (постная и цветная)	0,3
	Алмазная Сутра	0,1
	Бхават Гита	0,2
	Закон божий	0,1
	Нет подобной литературы	3,1
	Затрудняюсь ответить	28,4

Окончание табл. 5

Вопросы	Варианты ответов	Число респондентов, выбравших тот или иной вариант ответа (в %)
Читаете ли вы Евангелие (Коран, либо другие священные тексты)?	Никогда	38,8
	Когда-то давно читал	36,3
	Читал или перечитывал недавно	10,1
	Читаю регулярно	7,9
	Раз в месяц и чаще	1,4
	Затрудняюсь ответить	11,9
Посещали ли вы или ваши дети занятия по основам той или иной религиозной культуры?	Да, я посещаю	8,3
	Да, посещали мои дети	9,5
	Нет	72,9
	Затрудняюсь ответить	9,3

Очевидно, что родители, не разбирающиеся в предмете, мало чему могут научить своих детей в этом смысле. В подобных случаях родители либо сознательно выбирают обучение детей в специализированных школах, либо им гораздо проще отдать детей в светское учебное заведение, нежели самим учить старый церковный язык и читать литературу, чтобы затем передать эти знания и навыки своим детям.

Еще один аспект религиозности, который был изучен в ходе нашего исследования, — конфессиональный (точнее, этноконфессиональный, т.е. затрагивающий определенные интересы и статус наций и национальностей, имеющих то или иное вероисповедание, или наоборот, независимо от них, см. табл. 6).

Интересно отметить следующее. Очевидно, что приверженцев православия — преобладающее большинство, и это свидетельствует о том, что Россия — страна преимущественно православная. Однако также очевидно, что Россия — страна многоконфессиональная. В то же время в регионах с религиозным уклоном в местной “государственности” — мусульманских, буддистских — вера проявляется более ярко, открыто, с чувством. Вероятно, так происходит потому, что религия ислама или буддизма — это философия жизни. Они изначально предполагают массовое участие верующих,

Таблица 6

Соотношение представителей религиозных конфессий, подвергшихся опросу

К какой из перечисленных ниже конфессий вы себя относите?	Число респондентов, выбравших тот или иной вариант ответа (в %)
Православие	72–84
Старообрядчество	5
Католицизм	1,5
Протестантизм	1
Ислам	5
Иудаизм	0,3
Ни к какой	8
Затруднились ответить	5

которые верят рьяно, не скрывая своей религиозной приверженности. Подобное отношение — повседневный образ жизни верующих. Религия и соответственно вера их сближает, сплочивает. Однако и в этой сфере начались изменения. Так, в обществе уже идет дискуссия, носить ли мусульманкам хиджабы в школах или в других государственных учреждениях, ведь по конституции государство носит светский характер. Является ли запрет на ношение хиджабов в государственных учреждениях дискриминацией, заставляющей верующих данной конфессии идти в обход своих исторически сложившихся традиций и обычаев, нарушать привычный уклад жизни? Помимо этого возникают и другие вопросы, требующие ответов. В подобных случаях необходимо сотрудничество религиозного общества и государства.

Праздники, которые на протяжении длительного времени считались сугубо религиозными, например православные Пасха, Рождество, перестают быть таковыми. Например, во время Масленицы в торговле блинами, сувенирными и подарочными товарами принимают участие не только православные, но и представители других конфессий России. Вероятно, в данном случае религиозность отходит на задний план. Настроение у всех участников дружелюбное. Предположим, что в случае угрозы государству люди, и верующие и неверующие, сплотятся вне зависимости от их религиозной принадлежности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Кублицкая Е.А. Развитие процесса десекуляризации в мегаполисе (мониторинговые исследования) // Социология религии в обществе позднего модерна. Материалы IV международной конференции. Белгород, 2014 (*Kublickaja E.A. Razvitie processa desekularizacii v megalopolise (monitoringovyje issledovanija) // Sociologija religii v obshhestve pozdnego moderna. Materialy IV mezhdunarodnoj konferencii. Belgorod, 2014.*)

Мчедлова Е.М. Что показывает социологическое исследование сознания верующих // Социология религии в обществе позднего модерна. Материалы IV международной конференции. Белгород, 2014 (*Mchedlova E.M. Chto pokazyvaet sociologicheskoe issledovanie soznaniya verujushhij // Sociologija religii v obshhestve pozdnego moderna. Materialy IV mezhdunarodnoj konferencii. Belgorod, 2014.*)

Синелина Ю.Ю. Изменение религиозности России: православные и мусульмане. Суеверное поведение россиян. М., 2006 (*Sinelina Ju.Ju. Izmenenie religioznosti Rossii: pravoslavnye i musul'mane. Suevernoe povedenie rossijan. M., 2006.*)

Синелина Ю.Ю. Религия в современном мире // Эксперт. 2012. № 1 (833) (*Sinelina Ju. Ju. Religija v sovremennom mire // Jekspert. 2012. N 1 (833).*)

Синелина Ю.Ю. Динамика религиозности россиян 1989–2012 // Социология религии в обществе позднего модерна. Памяти Ю.Ю. Синелиной. Материалы III международной конференции. Белгород, 2013 (*Sinelina Ju. Ju. Dinamika religioznosti rossijan 1989–2012 // Sociologija religii v obshhestve pozdnego moderna. Pamjati Ju. Ju. Sinelinoj. Materialy III mezhdunarodnoj konferencii. Belgorod, 2013.*)

Яблоков И.Н. Социология религии. М., 2014 (*Jablokov I.N. Sociologija religii. M., 2014.*)

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

А.К. Соловьёв, докт. экон. наук, проф. Финансового университета при Правительстве РФ, начальник Департамента актуарных расчетов и стратегического планирования ПФР*

БЕДНОСТЬ ПЕНСИОНЕРОВ: ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ И УСЛОВИЯ ПРЕОДОЛЕНИЯ

A.K. Solovyev

POVERTY OF PENSIONERS: FACTORS OF FORMATION AND OVERCOMING CONDITION

Одной из самых серьезных социально-политических проблем в России, как и во всем цивилизованном мире, в настоящее время является неуклонное усиление экономического расслоения населения и как следствие — рост относительной бедности значительной его части. Наиболее остро проблема бедности стоит для так называемых социально уязвимых категорий населения — детей и пенсионеров, которые либо вообще не могут иметь конкретных источников доходов (дети), либо имеют его в размере, недостаточном для достойного существования (пенсионеры), но при этом лишены (по объективным основаниям) физической возможности самостоятельно изменить/повысить уровень собственного материального обеспечения. Кроме того, обе уязвимые категории населения относятся к демографическим группам повышенного физиологического риска.

Ключевые слова: абсолютная и относительная бедность, демографические группы риска, дети, пенсионеры, прожиточный минимум.

One of the most serious sociopolitical problems in Russia, as well as in all civilised world, now is steady strengthening of economic stratification of the population and, as consequence — growth of relative poverty of a considerable part of the population. Most the poverty acute problem costs for so-called socially vulnerable categories of the population — children and pensioners whom or (children) of concrete sources at all cannot have, or its (pensioners) in the size insufficient for worthy existence have, but are thus deprived (on the objective bases) physical possibility independently to change/raise level of own material maintenance. Besides both vulnerable categories of the population concern demographic groups of the raised physiological risk.

Key words: absolute and relative poverty, demographic groups of risk, children, pensioners, a living wage.

* Соловьёв Аркадий Константинович, e-mail: sol26@100.pfr.ru

Проблема измерения уровня бедности населения и вопросы, связанные с созданием государственной системы минимальных социальных гарантий, решаются с привлечением специального инструмента социальной политики — прожиточного минимума различных категорий населения, поскольку в наших условиях этот показатель остается единственным социальным стандартом качества жизни, который юридически закреплен российским законодательством и имеет конкретные экономические параметры.

В соответствии с этими параметрами официально бедным считается человек, уровень доходов которого не позволяет ему получить физиологически необходимый минимум жизненных благ, продуктов, услуг, вследствие чего человек лишен возможности обеспечить себе достойное (но без излишеств) качество жизни.

Социально ориентированные государства рассматривают проблему бедности как свою главную целевую задачу наравне с проблемой долгосрочной экономической устойчивости государства. Проблема бедности и сокращения дифференциации уровня материального обеспечения населения является первостепенной в программных документах МОТ¹ и МАСО². Для этого осуществляется постоянный мониторинг динамики уровня материального обеспечения населения в целом и каждой социально-демографической группы в частности с учетом региональных (географических) особенностей.

Для нашей страны, наиболее тяжело переживающей трансформационный переход к рыночной экономике, в условиях затяжного посткризисного застоя усиление экономического расслоения создает дополнительные риски для постоянно реформируемой пенсионной системы. В связи с этим необходимо обеспечить государственный мониторинг за уровнем бедности, как абсолютным, так и относительным. Эта задача осложняется тем, что в научном плане проблема бедности исследована крайне слабо: отсутствуют сколько-нибудь социально и экономически обоснованные критерии и показатели оценки уровня бедности и достатка конкретных категорий населения, не выявлены факторы, регулирующие условия формирования бедности, отсутствуют инструменты государственного регулирования долгосрочной политики бедности и т.п.

В связи с этим представляется необходимым исследовать современное состояние уровня бедности пенсионеров с учетом их специфического положения среди иных категорий населения.

Анализ уровня бедности населения проведен в различном формате представления:

¹ МОТ — Международная организация труда (прим. ред.).

² МАСО — Международная ассоциация социального обеспечения (прим. ред.).

1) по социально-демографическому признаку: трудоспособное население и пенсионеры;

2) по видам доходов с учетом их дифференциации: среднемесячная номинальная начисленная заработная плата и средняя численная пенсия;

3) по видам пенсий: по старости, инвалидности, потере кормильца;

4) с учетом региональных особенностей проживания населения;

5) по гендерному признаку.

В табл. 1 приведены сведения о численности населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума в динамике за 1992–2012 гг.

Таблица 1

Сведения о численности населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума в Российской Федерации

Годы	Млн человек	В % к общей численности населения
1992	49,3	33,5
1993	46,1	31,3
1994	32,9	22,4
1995	36,5	24,8
1996	32,5	22,1
1997	30,5	20,8
1998	34,3	23,4
1999	41,6	28,4
2000	42,3	29,0
2001	40,0	27,5
2002	35,6	24,6
2003	29,3	20,3
2004	25,2	17,6
2005	25,4	17,8
2006	21,6	15,2
2007	18,8	13,3
2008	19,0	13,4
2009	18,4	13,0
2010	17,7	12,5
2011	17,9	12,7
2012	15,6	11,0

По официальным данным Росстата, самый высокий уровень бедности был зафиксирован в 1992 г.: численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума составила 49,3 млн человек, или 33,5% к общей численности населения страны. Ниже 20% этот показатель снизился только в 2004 г. На протяжении 2000–2012 гг. прослеживается стойкая тенденция снижения уровня бедности с 29 до 11% за исключением 2008 г., когда финансовый кризис значительно повлиял на уровень зарплат и доходов большинства населения России.

В табл. 2 приведены сведения об основных социально-экономических показателях уровня жизни населения Российской Федерации.

Из данных табл. 2 следует, что в 2012 г. размер среднедушевого денежного дохода населения составил 22880 руб., что на 18933 руб., или в 5,8 раза, выше уровня 2002 г. При этом размер среднемесячной номинальной начисленной заработной платы одного работника в целом по России в 2,9 раза выше среднего размера назначенной пенсии. К 2002 г. размер заработной платы увеличился в 6,1 раза. Одновременно величина прожиточного минимума трудоспособного населения и пенсионеров в среднегодовом исчислении возросла только в 3,6 и 3,7 раза (табл. 3 и 4). В результате рост величины соотношения средней заработной платы и назначенной пенсии к величине прожиточного минимума составил 1,7 и 0,8 раза соответственно.

Регионы Российской Федерации для установления величины прожиточного минимума можно разделить на три группы, имеющие значительные отличия по уровню доходов, условиям проживания и иным социально-экономическим характеристикам:

– группа 1 — северные регионы, в состав которых входят 24 района Крайнего Севера и приравненные к ним местности;

– группа 2 — южные регионы, включающие 13 регионов Южного и Северо-Кавказского федеральных округов;

– группа 3 — центральные регионы, включающие 46 регионов, входящих в Центральный федеральный округ, и остальные субъекты Федерации, не отнесенные в группы 1 и 2.

В таблицах 3 и 4 приведены сведения о величине прожиточного минимума трудоспособного населения и пенсионеров в Российской Федерации в динамике за 2002–2012 гг.

Согласно данным табл. 3, по итогам 2012 г. 30 субъектов Российской Федерации во всех федеральных округах, кроме Южного, имели ПМТ выше общероссийского. Из них 20 приходилось на северные регионы: 5 — в Северо-Западном ФО (Архангельская и Мурманская области, Республики Карелия и Коми, Ненецкий автономный округ), 1 — в Приволжском ФО (Пермский край),

Основные социально-экономические показатели уровня жизни населения Российской Федерации за 2002–2012 гг.

Годы	Показатели	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012
		Среднедушевые денежные доходы населения, рублей в месяц	3947	5167	6399	8088	10 155	12 540	14 864	16 895	18 958	20 780
В % к величине прожиточного минимума для всего населения	218	245	269	268	297	326	324	328	333	326	351	
Децильный коэффициент фондов (коэффициент дифференциации доходов)	14,0	14,5	15,2	15,2	15,9	16,7	16,6	16,6	16,6	16,2	16,4	
Коэффициент Джини (индекс концентрации доходов)	0,397	0,403	0,409	0,409	0,415	0,422	0,421	0,421	0,421	0,417	0,420	
Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата одного работника, рублей в месяц	4360	5499	6740	8555	10 634	13 593	17 290	18 638	20 952	23 369	26 629	
В % к величине прожиточного минимума для трудоспособного населения	222	239	259	354	288	327	348	334	341	340	378	
Средний размер назначенных пенсий, рублей в месяц	1379	1637	1915	2364	2726	3116	4199	5191	7476	8203	9041	
В % к величине прожиточного минимума для пенсионеров	100	102	106	98	100	102	115	127	165	163	177	

Величина прожиточного минимума трудоспособного населения (ПМТ), установленная Правительством Российской Федерации, за 2002–2012 гг., руб.

Год	I кв.	II кв.	III кв.	IV кв.	Год		
					в % к соответствующему периоду прошлого года	количество субъектов, имеющих ПМТ выше общероссийского	
2002	1865	1960	1980	2065	1968	X	35
2003	2228	2328	2318	2341	2304	117,1	36
2004	2502	2588	2629	2690	2602	113,0	35
2005	3138	3290	3288	3302	3255	125,1	27
2006	3640	3717	3709	3714	3695	113,5	30
2007	3993	4116	4197	4330	4159	112,6	32
2008	4755	5024	5017	5086	4971	119,5	28
2009	5497	5607	5620	5562	5572	112,1	30
2010	5956	6070	6159	6367	6138	110,2	26
2011	6986	7023	6792	6710	6878	112,1	27
2012	6827	6913	7191	7263	7049	102,5	30

1) Оценка на основе данных, установленных Правительством Российской Федерации за I–IV кварталы.

2 — в Уральском ФО (Ханты-Мансийский — Югра и Ямало-Ненецкий автономные округа), 4 — в Сибирском ФО (Томская область, Забайкальский и Красноярский края, Республика Бурятия), 8 — все регионы Дальневосточного ФО, кроме Еврейской автономной области. Среди южных регионов только Чеченская Республика (Северо-Кавказский ФО) имела ПМТ выше общероссийского.

Остальные 9 приходились на центральные регионы, включая регионы, не входящие в состав южных и северных территорий: 3 — в Центральном ФО (Московская и Смоленская области, г. Москва), 2 — в Северо-Западном ФО (Вологодская область и г. Санкт-Петербург), 1 — в Приволжском ФО (Самарская область), 1 — в Уральском ФО (Свердловская область), 1 — в Сибирском ФО (Новосибирская область), 1 — в Дальневосточном ФО (Еврейская автономная область). В 2002 г. таких регионов было 35 — во всех федеральных округах страны, кроме Южного.

Самый высокий размер величины ПМТ в среднем за год в 2012 г. был в Камчатском крае — 13 563 руб., а самый низкий в Тамбовской области — 5279 руб.

Анализ данных табл. 4 показывает, что в 2012 г. в 29 субъектах Российской Федерации во всех федеральных округах, кроме Южного и Северо-Кавказского, имели ПМП выше общероссийского. Из них 20 приходилось на северные регионы: 5 — в Северо-Западном ФО (Архангельская и Мурманская области, Республики Карелия и Коми, Ненецкий автономный округ), 1 — в Приволжском ФО (Пермский край), 2 — в Уральском ФО (Ханты-Мансийский — Югра и Ямало-Ненецкий автономные округа), 4 — в Сибирском ФО (Томская область, Красноярский край, Республики Алтай и Бурятия), 8 — все регионы Дальневосточного ФО, кроме Еврейской автономной области.

Остальные 9 приходились на центральные регионы, включая регионы, не входящие в состав южных и северных территорий: 4 — в Центральном ФО (Костромская, Московская и Смоленская области, г. Москва), 1 — в Северо-Западном ФО (Вологодская область), 1 — в Приволжском ФО (Самарская область), 1 — в Уральском ФО (Свердловская область), 1 — в Сибирском ФО (Новосибирская область), 1 — в Дальневосточном ФО (Еврейская автономная область).

В 2002 г. таких регионов было 28 — во всех федеральных округах страны, кроме Южного.

Самый высокий и самый низкий размеры величины прожиточного минимума пенсионера в 2012 г. были установлены в тех же субъектах, что и ПМТ: в Камчатском крае — 10851 руб. (80% уровня ПМТ) и Тамбовской области — 3743 руб. (70,9% уровня ПМТ) соответственно.

Таблица 4
Величина прожиточного минимума пенсионера (ПМП), установленная Правительством Российской Федерации, за 2002–2012 гг., руб.

	Год				IV кв.	III кв.	II кв.	I кв.	рублей ¹⁾	в % к соответствующему периоду прошлого года	количество субъектов, имеющих ПМП выше общероссийского
	2002	2003	2004	2005							
2002	1313	1383	1387	1432					1379	X	28
2003	1554	1629	1612	1625					1605	116,4	31
2004	1747	1793	1816	1849					1801	112,2	33
2005	2332	2449	2440	2450					2418	134,2	19
2006	2703	2747	2736	2739					2731	113,0	24
2007	2950	3033	3085	3191					3065	112,2	26
2008	3508	3694	3660	3712					3644	118,9	29
2009	4044	4129	4134	4091					4100	112,5	31
2010	4395	4475	4532	4683					4521	110,3	28
2011	5122	5141	4961	4902					5032	111,3	29
2012	4963	5020	5229	5281					5123	101,8	29

¹⁾ Оценка на основе данных, установленных Правительством Российской Федерации за I–IV кварталы.

Для более полного анализа тенденций изменения уровня доходов населения страны в динамике необходимо рассмотреть такой показатель, как децильный коэффициент фондов, с помощью которого определяется уровень неравенства в обществе: отношение среднего уровня доходов 10% самых богатых граждан к среднему уровню доходов 10% самых бедных.

Еще один важный индикатор неравенства — коэффициент Джини (индекс концентрации доходов). Теоретически этот коэффициент может принимать значения от 0 до 1, где 0 — абсолютное равенство, а 1 — абсолютное неравенство, т.е. чем выше коэффициент Джини, тем сильнее неравенство в доходах.

Вышеперечисленные показатели рассчитываются Росстатом по среднему доходу населения в целом по всем видам доходов (табл. 2) и по среднемесячной номинальной начисленной заработной плате одного работника (табл. 5). По другим видам доходов (пенсии, стипендии и т.д.) расчет показателей не производится.

За указанный период в целом по Российской Федерации наблюдается тенденция незначительного увеличения уровня обоих индикаторов доходов: с 14,0 раз до 16,4 раза и с 0,397 до 0,420 коэффициенты фондов и Джини соответственно. Это свидетельствует об усилении неравенства доходов населения страны. На рис. 1 отображены изменения в дифференциации доходов по 20-процентным группам населения в 2012 г. относительно уровня 2002 г.

Таким образом, сравнительный анализ уровня и динамики среднего размера денежных доходов двух основных социально-демографических групп населения России за последние 10 лет показал, что по-прежнему наименее защищенной категорией граждан остаются пенсионеры. Приблизительно одинаковый рост доходов трудоспособного населения и пенсионеров в абсолютном выражении за указанный период времени (в 6 раз) не привел к существенному сокращению разрыва соотношения доходов указанных категорий к прожиточному минимуму ($\approx 200\%$).

Динамика уровня жизни трудоспособного населения

Основным источником доходов большинства трудоспособного населения является заработная плата. По отчету Росстата за 2012 г., фонд заработной платы составил 14667 млрд руб., размер среднемесячной начисленной заработной платы — 26 629 рублей, численность работающих — 45,9 млн человек. Для сопоставления отметим, что за 10 лет — к уровню 2002 г. — фонд заработной платы вырос в 5,5 раза (в 2002 г. — 2648 млрд руб.), средняя заработная плата в 6,1 раза (в 2002 г. — 4360 руб.) а численность работающих в 0,9 раза (в 2002 г. — 50,6 млн человек).

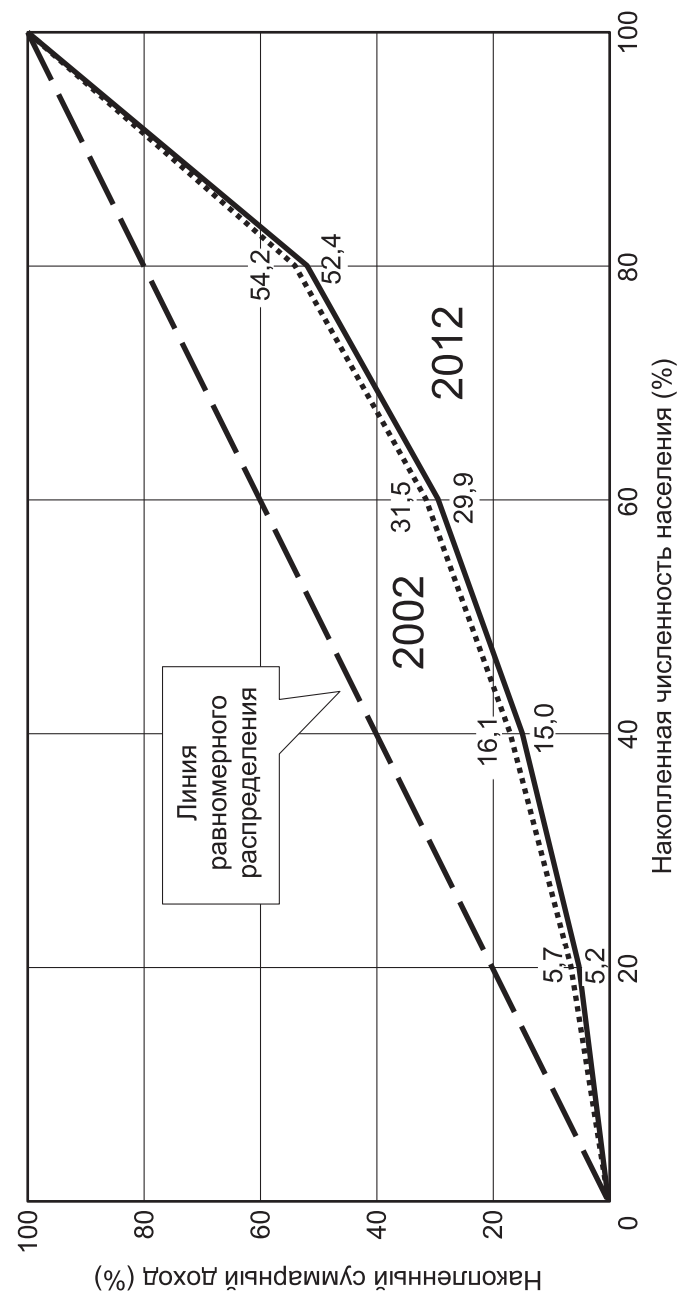

Рис. 1. Распределение населения Российской Федерации по уровню доходов в 2002 и 2012 гг.

Органами государственной статистики один раз в два года (до 2007 г. — ежегодно) проводится выборочное обследование организаций по распределению численности работников по размерам начисленной заработной платы за апрель соответствующего года (форма № 1 “Сведения о распределении численности работников по размерам заработной платы”). Результаты данного обследования о размере средней заработной платы по 10-процентным группам работников в порядке возрастания размеров их заработной платы за 2000–2013 гг. в целом по Российской Федерации приведены в табл. 5.

Из данных табл. 5 следует, что в апреле 2013 г. по сравнению с аналогичным периодом 2000 г. средняя заработная плата в России выросла на 27 187 руб., или в 13 раз. В 2013 г. удельный вес фонда заработной платы 50% наименее оплачиваемых работников (1–5 децильные группы) в общем фонде начисленной заработной платы составил 21,9% против 17,3% за аналогичный период 2000 г., а 50% наиболее оплачиваемых работников (6–10 децильные группы) соответственно — 78,1 и 75,2% фонда. За указанный период в целом по Российской Федерации наблюдается тенденция снижения уровня коэффициента Джини с 0,483 до 0,416 соответственно. На рис. 2 наглядно просматриваются изменения в дифференциации заработной платы по 20-процентным группам наемных работников в 2013 г. относительно уровня 2002 г.

По данным выборочного обследования организаций за апрель 2013 г., медиана ряда распределения работников по размерам заработной платы (50% работников имеют заработную плату меньше этого значения и 50% работников — больше) составила 21305 руб. (рис. 2). Таким образом, средняя заработная плата работников в Российской Федерации за этот период превысила медианное значение заработной платы на 38,2% (за апрель 2011 г. — 16 043 руб. и 39,0%, за апрель 2009 г. — 13 194 руб. и 38,6% медианное значение и превышение средней заработной платы соответственно).

Соотношение средней заработной платы 10% работников с наибольшими и 10% работников с наименьшими заработками в расчете на апрель 2013 г. составило 15,8 раза (в апреле 2000 г. — 34 раза). Уменьшение разрыва между средней заработной платой 10% наиболее оплачиваемых и 10% наименее оплачиваемых работников явилось следствием более высоких темпов прироста средней заработной платы группы наименее оплачиваемых работников (25,5 раза) по сравнению с группой высокооплачиваемых работников (в 11,8 раза).

Информация об указанном показателе по видам экономической деятельности по результатам выборочного обследования организаций представлена в табл. 6.

Таблица 5

Сведения о средней заработной плате по 10-процентным группам работников в Российской Федерации

Годы	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2009	2011	2013
Всего, рублей В том числе по 10-процентным группам работников:	2266	2874	4108	5017	6351	7816	9847	12 548	18 287	22 334	29453
Первая (с наименьшей заработной платой)	242	282	495	611	853	1090	1366	1957	4136	4662	6183
Вторая	525	581	1026	1220	1626	2100	2631	3631	5993	7097	9715
Третья	775	930	1489	1775	2346	3012	3771	5049	7869	9504	12 893
Четвертая	1042	1248	1983	2328	3090	3918	4931	6481	9873	11 969	16 075
Пятая	1345	1615	2491	2994	3937	4934	6209	8050	12028	14 630	19 456
Шестая	1702	2045	3083	3746	4889	6118	7654	9858	14490	17 635	23 344
Седьмая	2157	2545	3840	4768	6175	7584	9435	12 047	17513	21 314	28 262
Восьмая	2782	3382	4898	6128	7571	9449	11 920	15 036	21663	26 471	35 090
Девятая	3856	4937	6699	8242	10 509	12 855	15 971	20 069	28 673	34 977	45 934
Десятая (с наибольшей заработной платой)	8236	11 177	15 078	18 359	22 512	27 105	34 582	43 305	60 631	75 081	97 576
Соотношение средней заработной платы 10% работников с наибольшей и 10% работников с наименьшей, в разах	34,0	39,6	30,5	30,0	26,4	24,9	25,3	22,1	14,7	16,1	15,8
Коэффициент Джини (индекс концентрации заработной платы)	0,483	0,508	0,477	0,481	0,467	0,456	0,459	0,447	0,418	0,425	0,416

Соотношение размеров средней заработной платы в Российской Федерации по видам экономической деятельности за апрель 2013 г.

	Средняя заработная плата работников, руб.		Соотношение размеров средней заработной платы работников, раз
	10% наименее оплачиваемых	10% наиболее оплачиваемых	
Всего	6183,3	97575,5	15,8
Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство	4885,9	42 642,8	8,7
Добыча полезных ископаемых	12 459,3	147 903,1	11,9
Обрабатывающие производства	8200,9	83355,4	10,2
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	8311,1	86 898,7	10,5
Строительство	8028,3	98 863,1	12,3
Оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования	6412,1	125 369,1	19,6
Гостиницы и рестораны	6534,0	70 128,8	10,7
Транспорт и связь	7444,1	102 729,0	13,8
Финансовая деятельность	10 640,7	225 345,5	21,2
Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг	6941,0	141 412,3	20,4
Государственное управление; обязательное социальное обеспечение; деятельность экстерриториальных организаций	8121,2	92 006,9	11,3
Образование	5122,4	60 729,2	11,9
Здравоохранение и предоставление социальных услуг	5702,6	62 869,8	11,0
Предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг	4963,8	92 766,8	18,7

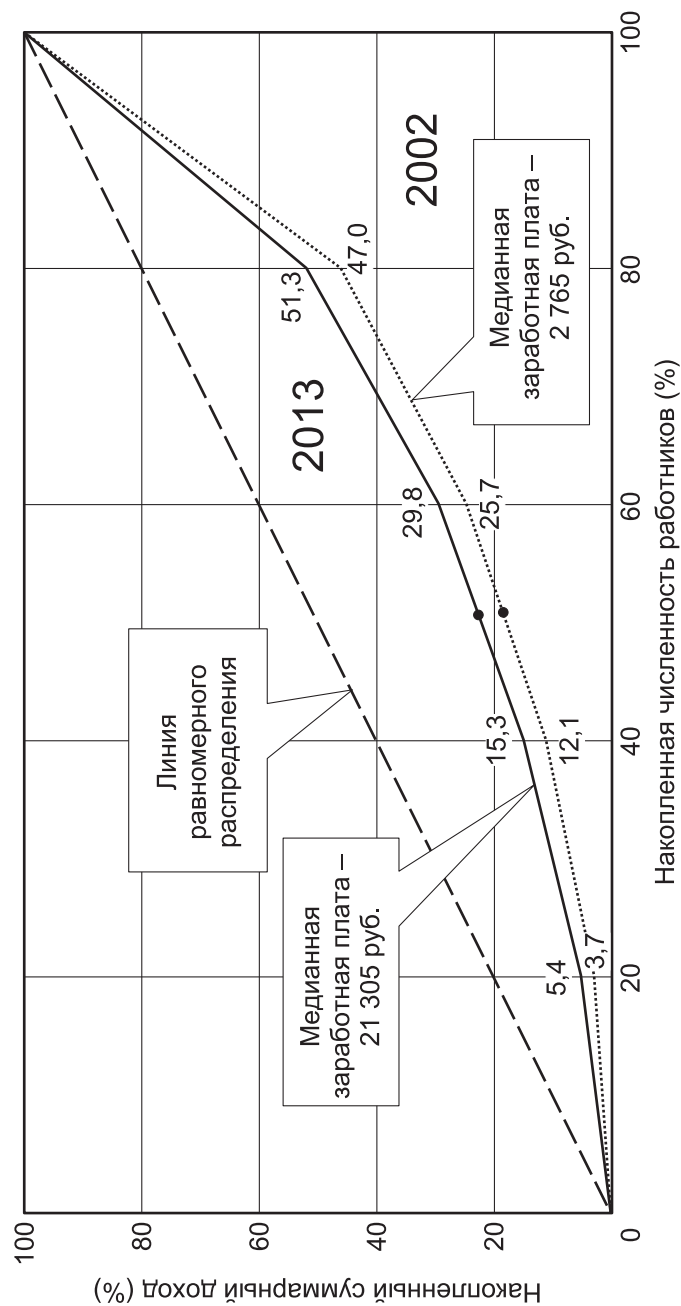

Рис. 2. Распределение наемных работников по уровню заработной платы в 2002 и 2013 гг.

Из анализа данных табл. 6 следует, что в 2013 г. наибольший разрыв в оплате крайних 10-процентных групп работников наблюдался в сфере финансовой деятельности (21,2 раза), организациях, занятых в сфере операций с недвижимым имуществом, аренды и предоставления услуг (20,4 раза), оптовой и розничной торговли, ремонте автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования (19,6 раза). Самый низкий уровень заработной платы и наименьший разрыв в оплате крайних 10-процентных групп работников наблюдался в сельском хозяйстве, охоте и лесном хозяйстве.

Одновременно с отмеченной тенденцией за период 2000–2013 гг. прослеживается тенденция постепенного снижения индекса концентрации заработной платы (коэффициент Джини) с 0,483 в 2000 г. до 0,416 в 2013 г. (табл. 5). Это свидетельствует о более равномерном распределении заработной платы наемных работников.

В то же время, учитывая обратную тенденцию со среднедушевыми доходами населения в целом (а не только работников, занятых в сфере наемного труда), закономерно следует вывод об усилении неравномерности распределения других видов доходов (табл. 2).

Для Российской Федерации значительное различие уровней доходов населения особенно сильно проявляется в региональном разрезе.

Итак, размер среднемесячной номинальной начисленной заработной платы в 2012 г. в целом по Российской Федерации составил 26 629 руб., количество субъектов, имеющих заработную плату ниже общероссийского уровня, составило 63, выше общероссийского уровня — 20, в том числе выше чем в 1,5 раза — 9 (северные регионы и г. Москва, табл. 7).

Для выявления межрегиональных зарплатных различий в статистике используются показатели коэффициента фондов и коэффициента Джини, как наиболее корректно определяющие уровень социального расслоения в обществе (табл. 8).

Согласно данным табл. 8 в Российской Федерации количество субъектов с соотношением средней заработной платы 10% работников с наибольшей и 10% работников с наименьшей заработной платой в апреле 2013 г. составляло: до 10 раз — 17; от 10 до 15 раз — 63; свыше 15 раз — 3. В среднем общероссийский показатель составил 15,8 раза. При этом его минимальное значение составило — 7,7 раза (в Белгородской области), а максимальное — 17,5 раза (в г. Москве).

По итогам выборочного обследования Росстата, в апреле 2013 г. общероссийский показатель коэффициента Джини составил 0,416 с минимальным значением 0,315 в Белгородской области и максимальным 0,441 в Чеченской Республике.

Таблица 7
Динамика среднемесячной номинальной начисленной заработной платы в Российской Федерации за 2002–2012 гг., руб.

	Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата	В том числе		В % к соответствующему периоду прошлого года	Количество субъектов, имеющих СЗП ¹⁾ в сравнении с общероссийским уровнем		
		минимальная	максимальная		ниже	выше	в том числе >1,5 раза
2002	4 360	1 834	15 876	X	58	25	10
2003	5 499	2 409	20 027	126,1	60	23	11
2004	6 740	3 000	23 890	122,6	58	24	11
2005	8 555	3 660	27 534	126,9	57	26	10
2006	10 634	4 530	32 336	124,3	59	24	10
2007	13 593	5 696	37 364	127,8	63	20	9
2008	17 290	7 595	44 169	127,2	63	20	9
2009	18 638	9 125	46 481	107,8	63	20	9
2010	20 952	10 244	52 619	112,4	63	20	9
2011	23 369	11 236	59 095	111,5	63	20	9
2012	26 629	13 660	63 696	114,0	63	20	9

1) СЗП — среднемесячная заработная плата (прим. ред.).

Таблица 8
Распределение субъектов Российской Федерации в зависимости от уровня индикаторов дифференциации заработной платы в апреле 2013 г.

	Количество субъектов с коэффициентом фондов, раз			Количество субъектов с коэффициентом Джини		
	до 10	10–15	свыше 15	до 0,35	0,35–0,40	свыше 0,40
Всего по Российской Федерации	17	63	3	20	56	7
В том числе: северные регионы	1	21	2	3	18	3
Южные регионы	0	13	0	0	10	3
Центральные регионы	16	29	1	17	28	1

В российских условиях, учитывая, что минимальные уровни оплаты труда как в бюджетном, так и во внебюджетном секторах экономики подлежат правовому нормированию и государственному контролю, относительное снижение коэффициента Джини в Белгородской области свидетельствует о том, что темпы роста высоких зарплаток за данный период отставали от темпов роста низких зарплаток. Однако это не может быть объективным свидетельством улучшения благосостояния большинства граждан соответствующего региона.

Другая тенденция — повышение значения коэффициента Джини в наиболее высокодоходных (г. Москва — 0,433) и наиболее бедных (Чеченская Республика — 0,441, Республика Дагестан — 0,424) регионах свидетельствует о неконтролируемом росте группы высокозарплатных категорий работников в данных регионах. Так, в Москве 17,4% общей численности наемных работников в апреле 2013 г. получали заработную плату свыше 75 тыс. руб. В национальных республиках наивысший уровень неравенства обусловлен тем, что рост доли высокозарплатных работников сопровождается одновременным увеличением численности низкооплачиваемых работников. По данным того же обследования Росстата, в Республике Дагестан более 38%, а в Чеченской Республике более 34% работников зарабатывают в месяц менее 9 тыс. руб., что в три раза меньше среднемесячного заработка за соответствующий период в стране.

Как важный фактор уровня бедности традиционно рассматриваются и гендерные различия в отраслевом и региональном аспектах. Влияние гендерного фактора на размер доходов заключается в том, что женщины живут дольше, работают, как правило, меньше, выходят на пенсию раньше и имеют более низкую заработную плату, чем мужчины. Росстат один раз в два года проводит выборочное обследование организаций по численности работников и размерам начисленной заработной платы по профессиям и должностям с учетом гендерного признака за октябрь соответствующего года (форма № 57-Т “Сведения о заработной плате работников по профессиям и должностям”). Результаты данного обследования о размере средней заработной платы женщин и мужчин по видам экономической деятельности за октябрь 2011 г. в целом по Российской Федерации приведены в табл. 9.

По данным Росстата, в России в 2011 г. заработная плата женщин была на 36% меньше, чем у мужчин. Подобная ситуация наблюдалась по всем видам экономической деятельности. Наибольший разрыв в оплате был в организациях, осуществляющих свою деятельность по организации отдыха и развлечений, культуры и спорта — 46%, а наименьший в образовании — 11%.

Таблица 9
Средняя заработная плата женщин и мужчин в Российской Федерации по видам экономической деятельности за октябрь 2011 г.

	Средняя начисленная заработная плата, руб.		Отношение заработной платы женщин к заработной плате мужчин, %
	женщины	мужчины	
Всего	19 219	30 005	64
Добыча полезных ископаемых	33 375	44 723	75
Обрабатывающие производства	19 551	27 878	70
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	23 432	28 260	83
Строительство	26 804	31 243	86
Оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования	22 458	33 274	68
Гостиницы и рестораны	20 902	27 472	76
Транспорт и связь	25 003	34 703	72
Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг	29 005	37 016	78
Из них научные исследования и разработки	29 051	41 054	71
Образование	15 062	16 932	89
Здравоохранение и предоставление социальных услуг	16 113	19 339	83
Деятельность по организации отдыха и развлечений, культуры и спорта	15 330	28 273	54

Соотношение между пребыванием на пенсии и стажем для женщин значительно превышает аналогичный показатель для мужчин. Ситуация еще более обостряется огромными гендерными различиями в продолжительности жизни. В России женщины живут дольше мужчин на 11,6 лет (данные за 2011 г.). Соответственно женщины изначально ставятся в неравные условия, ведь они не могут накопить достаточный капитал для обеспечения себе достойного уровня жизни на пенсии.

Динамика уровня бедности пенсионеров

Современные демографические изменения, вызванные ускорением роста численности лиц пожилого возраста, определяют необходимость специального выделения данной возрастной категории по условиям жизни пенсионеров с целью обеспечения их социальных гарантий. Так, в 2012 г. численность пенсионеров превысила 40 млн человек, или свыше 28% общей численности населения Российской Федерации.

Основным источником дохода, а нередко и единственным, для абсолютного большинства населения указанной категории является пенсия, которая различается по видам: трудовая пенсия (по старости, по инвалидности, по случаю потери кормильца) и пенсия по государственному пенсионному обеспечению.

Согласно Федеральному закону “О государственной социальной помощи” от 17 июля 1999 г. N 178-ФЗ (статья 12.1) общая сумма материального обеспечения пенсионера, проживающего на территории Российской Федерации, не осуществляющего работу и (или) иную деятельность, не может быть меньше величины прожиточного минимума пенсионера, установленного в соответствии с пунктом 4 статьи 4 Федерального закона “О прожиточном минимуме в Российской Федерации” в субъекте Российской Федерации.

Это означает, что в настоящее время на нормативно-правовом уровне проблема абсолютной бедности пенсионеров конкретизирована. Однако на уровне домохозяйственном, когда среднедушевой доход определяется с учетом состава семьи и доходов всех ее членов, пенсионеры могут попадать в разряд бедных. Именно по этой причине после повышения в 2010 г. небольших по размеру пенсий до уровня прожиточного минимума радикального сокращения бедности среди пенсионеров не наблюдалось.

Как отмечалось ранее, наиболее экономически значимым для оценки уровня жизни пенсионеров является такой показатель, как соотношение среднего размера трудовой пенсии и прожиточного минимума пенсионера (ПМП). В табл. 10 представлена информация по указанному показателю в разрезе видов трудовых пенсий.

Таблица 10
Динамика соотношения средних размеров трудовой пенсии и прожиточного минимума пенсионера в Российской Федерации за 2002–2012 гг.

	Величина прожиточного минимума пенсионера в среднем на душу населения, рублей	Соотношение среднего размера трудовой пенсии и прожиточного минимума пенсионера, %	Соотношение средней пенсии по старости и прожиточного минимума пенсионера, %	Соотношение среднего размера трудовой пенсии по инвалидности и прожиточного минимума пенсионера, %	Соотношение среднего размера трудовой пенсии по случаю потери кормильца и прожиточного минимума пенсионера, %
2002	1 379	107,5	115,3	83,7	57,2
2003	1 605	110,5	118,9	84,8	62,8
2004	1 801	114,4	123,1	87,4	67,6
2005	2 418	106,5	114,3	81,8	61,6
2006	2 731	106,0	113,5	79,8	61,9
2007	3 065	121,9	129,6	93,4	68,9
2008	3 644	127,7	134,7	95,5	75,6
2009	4 100	154,0	161,7	116,3	90,9
2010	4 521	172,8	180,6	112,8	106,4
2011	5 032	169,1	176,4	109,2	105,8
2012	5 123	183,6	191,1	118,2	116,1

В расчете на 2002 г. соотношение размера пенсии по старости и прожиточного минимума пенсионера было достаточно низким (115,3%) и приблизительно на таком уровне оставалось до 2007 г. Затем в 2007–2009 гг. в целях поддержки уровня жизни малообеспеченных пенсионеров в условиях финансового кризиса была реализована политика опережающего повышения величины базовой части трудовой пенсии (относительно законодательно установленного механизма поддержания покупательной способности трудовой пенсии) и были установлены новые размеры базовой части трудовой пенсии с опережающим относительно индексации страховой части ростом: декабрь 2007 г. — на 24%, декабрь 2009 г. — на 31,4%.

Результатом стало увеличение в 2009 г. данного показателя до 161,7%. Тем не менее, несмотря на резкий рост пенсий низкодходных категорий пенсионеров, среднестатистический уровень соотношения с ПМП оставался достаточно невысоким, что неизбежно отражалось на сохранении низкой покупательной способности пенсионеров и объективно требовало проведения дополнительных мероприятий по дальнейшему повышению уровня пенсионного обеспечения.

Проведенная в 2010 г. валоризация (повышение) пенсионных прав граждан, приобретенных до реформы 2002 г. с учетом советского стажа до 1991 г., увеличила пенсии практически всех пенсионеров (36,6 млн человек получателей трудовых пенсий). В результате этого соотношение среднего размера трудовой пенсии по старости и прожиточного минимума пенсионера выросло до 180,6%, а в 2012 до 191,1%.

На фоне резкого повышения пенсий по старости за счет валоризации значение показателя соотношения размера пенсий по инвалидности и потери кормильца к ПМП в 2012 г. существенно ниже: 118,2 и 116,1% соответственно. Причиной данного отставания закономерно является недостаток трудового стажа, подлежащего валоризации и влияющего на повышение размеров пенсии. Следует отметить, что у данных категорий получателей трудовых пенсий соотношение превысило 100-процентный уровень только после принятых мер.

В настоящее время по российскому законодательству пенсионерам, уровень пенсий которых не достигает прожиточного минимума, осуществляется социальная доплата до уровня прожиточного минимума. Так, в 2012 г. выплата федеральной социальной доплаты к пенсии производилась в 67 субъектах Российской Федерации, на территории которых величина прожиточного минимума пенсионера была установлена в размере, не превышающем вели-

чины прожиточного минимума пенсионера по Российской Федерации (5564 руб.), установленного Федеральным законом от 30.11.2011 №371-ФЗ “О федеральном бюджете на 2012 год и на плановый период 2013 и 2014 годов”.

Численность получателей федеральной социальной доплаты к пенсии в целом по стране в начале 2012 г. составляла 2894,3 тыс. человек, а к концу года сократилась на 414,4 тыс. человек, или на 14,3%, и составила 2479,9 тыс. человек. Федеральную социальную доплату к пенсии в 2012 г. получали более 6% всех пенсионеров России. При этом к концу года наибольшее число получателей федеральной социальной доплаты к пенсии отмечено в республиках Ингушетия, Кабардино-Балкария и Тыва (от 15 до 18% от общей численности пенсионеров в регионе). На протяжении года средний размер доплаты в целом по Российской Федерации составлял от 1251 руб. в январе до 1107 руб. в декабре.

Кроме того, в 2012 г. производилась выплата региональной социальной доплаты к пенсии в 17 субъектах Российской Федерации (северные регионы, г. Москва и Московская область). Численность получателей в среднем за год составила 2445,2 тыс. человек, а средний размер доплаты в среднем за год — 3960 рублей.

Таким образом, почти 5 млн пенсионеров, или свыше 12% от общего числа получателей пенсий, имели в 2012 г. пенсии со средним размером ниже прожиточного минимума и получали социальные доплаты к пенсии. Это свидетельствует о существенных проблемах пенсионной системы, которые не позволяют каждому восьмому застрахованному лицу в течение трудоспособного периода жизни обеспечить себе даже минимальный уровень пенсионного обеспечения.

Для факторного анализа причин и условий формирования бедности пенсионеров с целью получения дополнительной объективной информации об уровне жизни пенсионеров показатель соотношения среднего размера назначенных пенсий с величиной ПМП предлагается дополнять показателем “коэффициента замещения”, свидетельствующим об уровне замещения утраченного заработка пенсионными выплатами.

В частности, солидарный коэффициент замещения рассчитывается как отношение среднего размера пенсии по стране к среднемесячной заработной плате в экономике.

$$K_{\text{зам}} = \frac{P_{\text{СР}}}{СЗП} \times 100,$$

где $P_{\text{СР}}$ — средний размер пенсии по стране; $СЗП$ — среднемесячная заработная плата в экономике.

В международной практике рассчитываются несколько показателей коэффициента замещения:

— брутто-коэффициент замещения определяется как отношение размера пенсии до налогообложения к средней заработной плате до налогообложения;

— нетто-коэффициент замещения определяется как отношение размера пенсии после налогообложения к средней заработной плате после налогообложения.

Для расчета солидарного коэффициента замещения необходимо привести номинально начисленную (брутто) заработную плату к нетто-зарплате путем уменьшения на величину НДФЛ по ставке 13%. Стандартные налоговые вычеты с заработной платы применяются при наличии у налогоплательщика инвалидности, а также детей на иждивении.

Информационную базу для его расчета представляет государственная статистическая отчетность по форме № П-4 “Сведения о численности и заработной плате работников” о номинально начисленной заработной плате.

Для определения среднего размера назначенных месячных пенсий с учетом гендерного фактора возможно использование данных формы № 94 (пенсия) — годовая “Сведения о численности пенсионеров и суммах назначенных им пенсий”, где из численности пенсионеров и суммы назначенных пенсий отдельно выделяются сведения о женщинах-пенсионерах, в том числе по новым назначениям отчетного года.

Информация о численности пенсионеров, средних размерах назначенных пенсий и о коэффициенте замещения номинально начисленной заработной платы средним размером пенсий с учетом влияния гендерного признака по состоянию на 01.01.2013 представлена в табл. 11 и 12.

Согласно данным табл. 11, по состоянию на 01.01.2013 численность пенсионеров составляла 40,6 млн человек, из них женщин — 27,2 млн человек, или 67,1%, и мужчин — 13,3 млн человек, или 32,9% общего числа пенсионеров. Средний размер пенсий женщин на 5,9% ниже, чем у пенсионеров-мужчин (8967,1 руб. и 9533,6 руб. соответственно).

Из данных табл. 12 следует, что по новым назначениям отчетного года разница между размерами пенсий мужчин и женщин возрастает до 9,2% (6982,0 руб. и 7686,1 руб. соответственно). В дальнейшем из-за усиления зависимости пенсионных выплат от объема уплаченных страховых взносов рост гендерных различий в размере пенсий будет увеличиваться. Особенно это касается женщин, получающих трудовые пенсии по старости, поскольку у женщин заработная плата и стаж работы ниже аналогичных по-

Таблица 11
Сведения о численности пенсионеров и средних размерах начисленных пенсий по видам пенсий в Российской Федерации

Вид пенсии	Численность пенсионеров, тыс. человек				Средний размер пенсий, руб.				
	Оба пола	Женщины	Мужчины	Оба пола	Женщины	Мужчины	Оба пола	Женщины	Мужчины
Пенсии, всего	40 578,1	27 241,1	13 337,0	9153,5	8967,1	9533,6			
Удельный вес, %	100,0	67,1	32,9						
Соотношение размера пенсий, %					94,1	106,3			
Брутто-коэффициент замещения, %				34,4	33,7	35,8			
Нетто-коэффициент замещения, %				39,5	38,7	41,2			
В том числе:									
Трудовые пенсии	37 250,7	25 666,5	11 584,2	9405,4	X	X			
Удельный вес, %	100,0	68,9	31,1						
Из них:									
По старости	33 454,3	23 694,8	9759,5	9790,1	X	X			
Удельный вес, %	100,0	70,8	29,2						
По инвалидности	2444,3	944,3	1500,0	6053,2	X	X			
Удельный вес, %	100,0	38,6	61,4						
По потере кормильца	1352,1	X	X	5947,5	X	X			
Пенсии по государственному пенсионному обеспечению	3327,4	1574,6	1752,8	6333,6	X	X			
Удельный вес, %	100,0	47,3	52,7						

Таблица 12
Сведения о численности пенсионеров и средних размерах начисленных пенсий в Российской Федерации по новым назначениям отчетного года

Вид пенсии	Численность пенсионеров, тыс. чел.				Средний размер пенсий, руб.				
	Оба пола	Женщины	Мужчины	Оба пола	Женщины	Мужчины	Оба пола	Женщины	Мужчины
Пенсии, всего	2385,8	1369,7	1016,1	7281,8	6982,0	7686,1			
Удельный вес, %	100,0	57,4	42,6						
Соотношение размера пенсий, %					90,8	109,2			
Брутто-коэффициент замещения, %				27,3	26,2	28,9			
Нетто-коэффициент замещения, %				31,4	30,1	33,2			

Численность получателей досрочных пенсий по старости и средние размеры назначенных им пенсий

Вид пенсии	Численность пенсионеров, тыс. человек		Средний размер пенсий, руб.		Соотношение пенсий, %	
	Все года назначения	Новые назначения	Все года назначения	Новые назначения	Все года назначения	Новые назначения
Трудовые пенсии по старости	33 454,3	1650,3	9790,1	7988,0		
В том числе:						
На общих основаниях	22 387,3	1188,4	9388,4	7601,7	95,9	95,2
Получатели досрочных пенсий	11 067,0	461,9	10 602,6	8981,9	108,3	112,4
В том числе:						
Льготные основания	1371,5	63,7	8781,9	7382,8	89,7	92,4
Список 1	1968,2	52,8	10 522,2	8714,4	107,5	109,1
Список 2 (включая схожие условия назначения)	3178,6	133,2	10 263,8	9001,6	104,8	112,7
Крайний Север	2693,4	121,6	12 877,5	10 833,8	131,5	135,6
Выслуга лет	1815,1	67,7	9316,6	7737,9	95,2	96,9
Прочие	40,2	22,9	9089,2	7781,7	92,8	97,4

– за выслугу лет у отдельных категорий работников — 1,8 млн человек, или 16,4%;

– по медицинским и социальным показателям (многолетные матери, инвалиды вследствие военной травмы, инвалиды по зрению, лилипуты и другие) — 1,4 млн человек, или 12,7%.

Средний размер досрочных пенсий значительно выше размера пенсий, установленных на общих основаниях, особенно за работу в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях.

На 01.01.2013 средние размеры пенсий составляли: на общих основаниях — 9388,4 руб., досрочная — 10 602,6 руб. (108,3% пенсии, установленной на общих основаниях), в том числе за работу в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях — 12 877,5 руб. (131,5%).

Результаты расчетов коэффициента замещения по видам трудовых пенсий по старости представлены в табл. 15.

Таблица 15

Солидарный коэффициент замещения по видам трудовых пенсий по старости

Вид пенсии	Коэффициент замещения, %			
	Брутто		Нетто	
	Все года назначения	Новые назначения	Все года назначения	Новые назначения
Средняя номинально начисленная заработная плата	26 628,9		23 167,1	
Трудовые пенсии по старости	36,8	30,0	42,3	34,5
В том числе:				
На общих основаниях	35,3	28,5	40,5	32,8
Получатели досрочных пенсий	39,8	33,7	45,8	38,8
В том числе:				
Льготные основания	33,0	27,7	37,9	31,9
Список 1	39,5	32,7	45,4	37,6
Список 2 (включая схожие условия назначения)	38,5	33,8	44,3	38,9
Крайний Север	48,4	40,7	55,6	46,8
Выслуга лет	35,0	29,1	40,2	33,4
Прочие	34,1	29,2	39,2	33,6

Анализ данных табл. 15 свидетельствует, что если в целом по Российской Федерации уровень солидарного коэффициента замещения среднего размера трудовой пенсии по старости на общих основаниях по состоянию на 01.01.2013 составлял 35,3 и 40,5% (новые назначения — 28,5 и 32,8%), то у получателей досрочных пенсий — 39,8 и 45,8% (новые назначения — 33,7 и 38,8%), в том числе за работу в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях — 48,4 и 55,6% (новые назначения — 40,7 и 46,8%) брутто-/нетто-коэффициенты соответственно.

В Российской Федерации до 2010 г. трудовая пенсия состояла из трех частей и имела следующие источники финансирования:

— базовой части — средства единого социального налога, с 2005 г. трансферт из федерального бюджета на выплату базовой части трудовой пенсии;

— страховой части — страховые взносы на выплату страховой части трудовой пенсии;

— накопительной части — страховые взносы на выплату накопительной части трудовой пенсии.

Далее вследствие ликвидации в 2010 г. единого социального налога была упрощена структура трудовой пенсии: ликвидирована базовая часть трудовой пенсии, которая финансировалась за счет средств федерального бюджета, и в состав страховой части трудовой пенсии введен фиксированный базовый размер.

Таким образом, в настоящее время трудовая пенсия номинально состоит из двух частей: страховой и накопительной.

Типовая формула определения страховой части трудовой пенсии по старости (СЧ) предусматривает:

$$СЧ = ПК / Т + Б,$$

где: ПК — сумма расчетного пенсионного капитала застрахованного лица (ст. 29.1 указанного Закона), учтенного по состоянию на день, с которого указанному лицу назначается страховая часть трудовой пенсии по старости; Т — количество месяцев ожидаемого периода выплаты трудовой пенсии по старости, применяемого для расчета страховой части указанной пенсии, составляющего 19 лет (228 месяцев); Б — фиксированный базовый размер страховой части трудовой пенсии по старости.

Из данной формулы видно, что размер страховой части трудовой пенсии по старости рассчитывается путем суммирования двух институционально различных составных частей.

Первая составляющая формируется исходя из суммы так называемого расчетного пенсионного капитала (РПК) гражданина, который накапливается у него в течение всей его трудовой и иной деятельности.

Второй составляющей является фиксированный базовый размер (ФБР) страховой части трудовой пенсии по старости. Указанная составная часть трудовой пенсии устанавливается в твердой сумме независимо от трудового вклада (стажа и отчисленных страховых взносов), величина которой в рублях определяется законодательно в зависимости от категории пенсионера, наличия иждивенцев, длительной работы на Крайнем Севере при одном условии — наличии минимальной продолжительности страхового стажа 5 лет.

Поскольку ФБР номинально является страховой составляющей пенсии, то и финансируется она в настоящее время также за счет страховых взносов на выплату страховой части трудовой пенсии. В то же время экономическая функция базовой части пенсии заключается в обеспечении минимального уровня материального обеспечения пенсионеров. Страховая и обязательная накопительная части трудовой пенсии выполняют функцию обеспечения эквивалентности прав и обязательств пенсионного обеспечения граждан согласно российскому пенсионному законодательству.

Как уже отмечалось выше, коэффициент замещения является расчетным оценочным показателем и используется для характеристики уровня пенсионного обеспечения. При этом размер трудовой пенсии соотносится с заработной платой или иным видом дохода застрахованного лица от трудовой деятельности опосредованно через расчетный пенсионный капитал, который в свою очередь образуется из страховых взносов, как раз и взимаемых с его заработной платы или дохода. Поэтому включение в страховую часть трудовой пенсии второй составляющей, не зависящей напрямую от результатов трудовой деятельности застрахованного лица (фиксированного базового размера страховой части), некоторым образом противоречит страховым принципам пенсионного обеспечения.

В результате реформы 2010 г. произошло не только увеличение размера трудовой пенсии в Российской Федерации, но и существенное изменение ее институциональной структуры.

Динамика структуры и коэффициента замещения трудовой пенсии по старости (по всем годам назначения) в Российской Федерации за 2002–2012 гг. представлена в табл. 16.

Динамика структуры и коэффициента замещения трудовой пенсии по старости (по новым назначениям отчетного года) в Российской Федерации за 2002–2012 гг. представлена в табл. 17.

Анализ данных табл. 16, 17 свидетельствует, что в 2012 г. средний размер трудовой пенсии по старости на конец года составил 9790,1 руб. (рост к 2002 г. — в 6,2 раза), в том числе по новым назначениям отчетного года — 7988,0 руб. (в 5,3 раза). И если на конец 2002 г. на долю страховой части приходилось 60,0% среднего размера трудовой пенсии, то к концу 2012 г. она снизилась на 14,6 до 45,4% (по новым назначениям — 60,2 и 47,2% соответственно).

Таблица 16
Динамика структуры и коэффициента замещения трудовой пенсии (ТП) по старости в Российской Федерации за 2002–2012 гг.

	Средний размер трудовых пенсий по старости, руб.					Коэффициент замещения, %		Удельный вес страховой части в среднем размере ТП, %
	Всего	ФБР*	Страховая часть ТП (без ФБР, валоризации и НЧТП)	Суммы валоризации	Накопительная часть ТП	Всего	Страховой части ТП (без ФБР, валоризации и НЧТП)	
2002	1590,3	576,7	953,7	0,0	0,0	36,5	21,9	60,0
2003	1908,2	664,3	1180,7	0,0	0,0	34,7	21,5	61,9
2004	2216,7	763,9	1388,7	0,0	0,0	32,9	20,6	62,6
2005	2763,6	1117,7	1564,4	0,0	0,0	32,3	18,3	56,6
2006	3098,8	1221,5	1794,0	0,0	0,0	29,1	16,9	57,9
2007	3972,7	1874,5	1990,7	0,0	0,0	29,2	14,6	50,1
2008	4909,7	2167,2	2635,5	0,0	0,0	28,4	15,2	53,7
2009	6630,1	3102,6	3395,2	0,0	0,0	35,6	18,2	51,2
2010	8165,7	3301,2	3611,3	1130,4	0,0	39,0	17,2	44,2
2011	8876,0	3589,0	3979,8	1191,1	0,0	38,0	17,0	44,8
2012	9790,1	3962,7	4441,7	1271,7	0,1	36,8	16,7	45,4

* До 2010 г. — базовая часть трудовой пенсии.

Таблица 17

Динамика структуры и коэффициента замещения трудовой пенсии по старости, назначенной в отчетном году в Российской Федерации, за 2002–2012 гг.

	Средний размер трудовых пенсий по старости, руб.					Коэффициент замещения, %		Удельный вес страховой части в среднем размере ТП, %
	Всего	ФБР*	Страховая часть ТП (без ФБР, валоризации и НЧТП)	Суммы валоризации	Накопительная часть ТП	Всего	Страховой части ТП (без ФБР, валоризации и НЧТП)	
2002	1 494,8	553,6	900,4	0,0	0,0	34,3	20,6	60,2
2003	1 780,0	635,8	1 105,7	0,0	0,0	32,4	20,1	62,1
2004	2 039,5	733,3	1 258,1	0,0	0,0	30,3	18,7	61,7
2005	2 556,1	1 069,7	1 432,7	0,0	0,0	29,9	16,7	56,1
2006	2 830,6	1 130,0	1 631,4	0,0	0,0	26,6	15,3	57,6
2007	3 571,1	1 736,6	1 823,2	0,0	0,0	26,3	13,4	51,1
2008	4 407,2	2 002,1	2 400,5	0,0	0,0	25,5	13,9	54,5
2009	5 878,7	2 832,6	3 040,8	0,0	0,0	31,5	16,3	51,7
2010	6 810,0	3 013,9	3 133,5	657,5	0,0	32,5	15,0	46,0
2011	7 324,1	3 247,9	3 444,5	627,5	0,0	31,3	14,7	47,0
2012	7 988,0	3 573,9	3 767,6	640,9	0,8	30,0	14,1	47,2

* До 2010 г. — базовая часть трудовой пенсии.

В результате по состоянию на 01.01.2013 коэффициент замещения средней номинально начисленной заработной платы в Российской Федерации средним размером трудовой пенсии по старости составил 36,8%, и из них только 16,7% непосредственно приходилось на ее страховую часть без сумм фиксированного базового размера и валоризации (новые назначения — 30 и 14,1% соответственно).

Размер коэффициента замещения по трудовым пенсиям по инвалидности и случаю потери кормильца как общего среднего размера пенсии, так и с учетом исключения из него сумм фиксированного базового размера и валоризации значительно ниже. В динамике тенденция снижения уровня показателей по указанным видам пенсий сохраняется.

Динамика структуры и коэффициента замещения трудовой пенсии по инвалидности (по всем годам назначения) в Российской Федерации за 2002–2012 гг. представлена в табл. 18.

Динамика структуры и коэффициента замещения трудовой пенсии по инвалидности (по новым назначениям отчетного года) в Российской Федерации за 2002–2012 гг. представлена в табл. 19.

Из анализа данных табл. 18 и 19 видно, что в 2012 г. средний размер трудовой пенсии по инвалидности на конец года составил 6053,2 руб. (рост к 2002 г. — в 5,2 раза), в том числе по новым назначениям отчетного года — 6034,7 руб. (в 6,1 раза). И если в 2002 г. на долю страховой части приходилось 52,6% среднего размера трудовой пенсии, то к концу 2012 г. она снизилась на 13,1% до 39,5% (по новым назначениям — 47,0 и 40,0% соответственно).

По состоянию на 01.01.2013 коэффициент замещения трудовой пенсии по инвалидности составил 22,7%, из них 9,0% приходилось на страховую часть без сумм фиксированного базового размера и валоризации (новые назначения — 22,7 и 9,1% соответственно).

Динамика структуры и коэффициента замещения трудовой пенсии по случаю потери кормильца (по всем годам назначения) в Российской Федерации за 2002–2012 гг. представлена в табл. 20.

Динамика структуры и коэффициента замещения трудовой пенсии по случаю потери кормильца (по новым назначениям отчетного года) в Российской Федерации за 2002–2012 гг. представлена в табл. 21.

Согласно данным табл. 20 и 21, средний размер трудовой пенсии по случаю потери кормильца на конец 2012 г. составил 5947,5 руб. (рост к 2002 г. — в 7,5 раза), в том числе по новым назначениям отчетного года — 4973,0 руб. (в 6,2 раза). В 2002 г. на долю страховой части приходилось 66,4% среднего размера трудовой пенсии, но к концу 2012 г. она снизилась на 11,2% до 55,2%. Аналогичные показатели уровня наблюдаются по новым назначениям отчетного года — 66,8 и 54,4% соответственно.

Таблица 18
Динамика структуры и коэффициента замещения трудовой пенсии по инвалидности в Российской Федерации за 2002–2012 гг.

	Средний размер трудовых пенсий инвалидности, руб.						Коэффициент замещения, %		Удельный вес страховой части в среднем размере ТП, %
	Всего	ФБР*	Страховая часть ТП (без ФБР, валоризации и НЧТП)	Суммы валоризации	Накопительная часть ТП	Всего	Страховой части ТП (без ФБР, валоризации и НЧТП)		
2002	1153,7	545,7	606,3	0,0	0,0	26,5	13,9	52,6	
2003	1360,6	627,7	731,6	0,0	0,0	24,7	13,3	53,8	
2004	1573,8	736,8	835,8	0,0	0,0	23,4	12,4	53,1	
2005	1976,9	1061,0	914,1	0,0	0,0	23,1	10,7	46,2	
2006	2179,0	1148,6	1028,6	0,0	0,0	20,5	9,7	47,2	
2007	2863,6	1733,9	1127,1	0,0	0,0	21,1	8,3	39,4	
2008	3481,4	1998,9	1479,4	0,0	0,0	20,1	8,6	42,5	
2009	4767,1	2848,5	1914,5	0,0	0,0	25,6	10,3	40,2	
2010	5100,4	2826,9	1965,5	305,6	0,0	24,3	9,4	38,5	
2011	5496,8	3049,2	2147,2	298,3	0,0	23,5	9,2	39,1	
2012	6053,2	3355,4	2388,7	306,9	0,0	22,7	9,0	39,5	

* До 2010 г. — базовая часть трудовой пенсии.

Таблица 19
Динамика структуры и коэффициента замещения трудовой пенсии по инвалидности, назначенной в отчетном году в Российской Федерации, за 2002–2012 гг.

	Средний размер трудовых пенсий по инвалидности, руб.					Коэффициент замещения, %		Удельный вес страховой части в среднем размере ТП, %
	Всего	ФБР*	Страховая часть ТП (без ФБР, валоризации и НЧТП)	Суммы валоризации	Накопительная часть ТП	Всего	Страховой части ТП (без ФБР, валоризации и НЧТП)	
2002	989,3	523,6	465,0	0,0	0,0	22,7	10,7	47,0
2003	1144,5	601,5	542,4	0,0	0,0	20,8	9,9	47,4
2004	1358,4	741,5	616,6	0,0	0,0	20,2	9,1	45,4
2005	1748,7	1038,0	710,3	0,0	0,0	20,4	8,3	40,6
2006	1934,7	1115,2	818,6	0,0	0,0	18,2	7,7	42,3
2007	2614,4	1689,8	924,0	0,0	0,0	19,2	6,8	35,3
2008	3216,7	1963,9	1252,2	0,0	0,0	18,6	7,2	38,9
2009	4407,3	2778,8	1627,8	0,0	0,0	23,6	8,7	36,9
2010	5087,2	2700,9	2080,1	305,3	0,0	24,3	9,9	40,9
2011	5502,8	2986,9	2217,7	297,4	0,0	23,5	9,5	40,3
2012	6034,7	3326,4	2412,6	295,2	0,0	22,7	9,1	40,0

* До 2010 г. — базовая часть трудовой пенсии.

Таблица 20
Динамика структуры и коэффициента замещения трудовой пенсии по случаю потери кормильца (СПК) в Российской Федерации за 2002–2012 гг.

	Средний размер трудовых пенсий по СПК, руб.					Коэффициент замещения, %		Удельный вес страховой части в среднем размере ТП, %
	Всего	ФБР*	Страховая часть ТП (без ФБР и валоризации)	Суммы валоризации	Всего	Страховой части ТП (без ФБР и валоризации)		
2002	789,1	265,0	524,1	0,0	18,1	12,0	66,4	
2003	1008,0	302,6	705,4	0,0	18,3	12,8	70,0	
2004	1217,5	345,0	872,5	0,0	18,1	12,9	71,7	
2005	1490,5	500,2	990,4	0,0	17,4	11,6	66,4	
2006	1690,2	543,4	1146,9	0,0	15,9	10,8	67,9	
2007	2111,1	820,5	1290,6	0,0	15,5	9,5	61,1	
2008	2754,2	934,8	1819,4	0,0	15,9	10,5	66,1	
2009	3727,0	1333,0	2394,0	0,0	20,0	12,8	64,2	
2010	4809,6	1414,2	2611,5	784,0	23,0	12,5	54,3	
2011	5323,3	1537,1	2912,5	873,8	22,8	12,5	54,7	
2012	5947,5	1697,8	3282,1	967,7	22,3	12,3	55,2	

* До 2010 г. — базовая часть трудовой пенсии.

Динамика структуры и коэффициента замещения трудовой пенсии по случаю потери кормильца, назначенной в отчетном году в Российской Федерации, за 2002–2012 гг.

	Средний размер трудовых пенсий по СПК, руб.			Коэффициент замещения, %		Удельный вес страховой части в среднем размере ТП, %	
	Всего	ФБР*	Страховая часть ТП (без ФБР и валоризации)	Суммы валоризации	Всего		Страховой части ТП (без ФБР и валоризации)
2002	798,3	265,1	533,2	0,0	18,3	12,2	66,8
2003	1134,8	303,2	831,7	0,0	20,6	15,1	73,3
2004	1316,0	344,5	971,4	0,0	19,5	14,4	73,8
2005	1437,0	507,6	929,3	0,0	16,8	10,9	64,7
2006	1620,2	565,9	1054,3	0,0	15,2	9,9	65,1
2007	2031,2	859,2	1172,1	0,0	14,9	8,6	57,7
2008	2775,5	948,6	1826,9	0,0	16,1	10,6	65,8
2009	3654,0	1367,4	2286,5	0,0	19,6	12,3	62,6
2010	4314,5	1436,0	2351,5	527,0	20,6	11,2	54,5
2011	4549,8	1560,3	2475,0	514,5	19,5	10,6	54,4
2012	4973,0	1721,2	2716,7	535,1	18,7	10,2	54,6

* До 2010 г. — базовая часть трудовой пенсии.

По состоянию на 01.01.2013 коэффициент замещения трудовой пенсии по случаю потери кормильца составил 22,3%, из них 12,3% приходилось на страховую часть без сумм фиксированного базового размера и валоризации (новые назначения — 18,7 и 10,2% соответственно).

Особо следует остановиться на структуре и размере фиксированного базового размера трудовой пенсии, который может быть общим и повышенным. Общий размер устанавливается всем лицам, имеющим право на трудовую пенсию, достигшим определенного возраста и располагающим необходимой продолжительностью стажа. Дополнительными условиями, дающими право на повышенный размер, являются нуждаемость в постоянном постороннем уходе и наличие на иждивении нетрудоспособных членов семьи. Кроме того, Федеральным законом от 29 ноября 2003 г. № 154-ФЗ “Об увеличении базовой части трудовой пенсии лицам, проживающим в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях”, была введена норма об увеличении фиксированной суммы в рублях, являющейся составной частью трудовой пенсии (базовой части трудовой пенсии). До принятия этого Закона размеры базовых частей трудовой пенсии устанавливались в одинаковых суммах независимо от места проживания пенсионера. Дифференциация размеров трудовых пенсий была предусмотрена только при оценке пенсионных прав застрахованных лиц при определении страховой части трудовой пенсии.

С 2010 г. общий фиксированный базовый размер трудовой пенсии в Российской Федерации был установлен Законом № 173-ФЗ в размере 2562 руб. и ежегодно индексируется в установленном порядке: по состоянию на 01.01.2013 общий размер ФБР вырос на 28,0%, т.е. до 3279 руб. Дифференциация размера ФБР зависит также и от других факторов. Увеличение от общего размера ФБР составляет: по достижении возраста 80 лет — в 2 раза; за работу в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях — на 50–30%; при наличии I группы инвалидности — в 2 раза (II группа имеет 1 общий размер ФБР, III группа — 1/2 общего размера ФБР) и при наличии иждивенцев от 1 до 3-х человек (от 1/3 до 1 общего размера ФБР).

Получатели пенсий по случаю потери кормильца имеют 1/2 общего размера ФБР, кроме детей, потерявших обоих родителей, или детей умершей одинокой матери. Пенсия детей — круглых сирот включает в себя полный общий размер ФБР.

Сведения о численности получателей и фактически сложившемся среднем размере фиксированного базового размера страховой части трудовой пенсии по категориям получателей по данным отчета № 94 (пенсии) представлены в табл. 22.

Таблица 2 2
Сведения о получателях фиксированного базового размера страховой части трудовой пенсии в целом по Российской Федерации на 01.01.2013

Категории получателей пенсии	Всего		Нет иждивенцев		Один иждивенец		Два иждивенца		Три иждивенца	
	тыс. человек	руб.	тыс. человек	руб.	тыс. человек	руб.	тыс. человек	руб.	тыс. человек	руб.
По старости	33 520	3962	32 033		1351		106		29	
В том числе:										
Достигшие 80 лет и инвалиды I группы	4727		4648	6696	78	7759	1	9027	0,2	10 064
Другие получатели пенсии по старости	28 793		27 385	3442	1274	4674	105	5983	29	6955
По инвалидности	2444	3355	1729		452		179		85	
В том числе:										
I группы	200		156	6758	31	7909	10	9057	4	10 097
II группы	1087		785	3440	179	4545	73	5634	50	6662
III группы	1157		787	1665	242	2791	96	3922	31	5055
По случаю потери кормильца	1352	1698								
В том числе:										
Дети, потерявшие обоих родителей, или дети умершей одинокой матери (круглые сироты)	15	3495								
Другие нетрудоспособные члены семьи умершего кормильца	1337	1678								

Анализ данных табл. 22 показал, что по состоянию на 01.01.2013 в целом по Российской Федерации у 33,5 млн человек пенсионеров по старости средний размер фиксированного базового размера страховой части трудовой пенсии составил 3962 руб., по инвалидности — 3355 руб. (2,4 млн человек), по случаю потери кормильца — 1698 руб. (1,4 млн человек). Самый низкий его уровень был у получателей трудовых пенсий по инвалидности III группы — 1665 руб. (787 тыс. человек), а самый высокий — у инвалидов I группы, имеющих 3-х иждивенцев — 10097 руб. (4 тыс. человек).

Всего 1,49 млн человек получателей трудовой пенсии по старости имеют иждивенцев, что составляет 4,4% общего числа данной категории получателей. Кроме того, имеют иждивенцев 0,72 млн человек, или 29,3% общего числа получателей трудовой пенсии по инвалидности.

Для субъектов Федерации солидарный коэффициент замещения рассчитывается как отношение среднего размера трудовой пенсии к средней номинально начисленной заработной плате в регионе:

$$K_{\text{зам}} = \frac{P_{\text{РЕГ}}}{СЗП_{\text{РЕГ}}} \times 100,$$

где $P_{\text{РЕГ}}$ — средний размер пенсии в субъекте Федерации; $СЗП_{\text{РЕГ}}$ — среднемесячная заработная плата в субъекте Федерации.

Учитывая существенные экономические различия, обусловленные природно-климатическими и социальными особенностями территории страны, коэффициент замещения предлагается также дифференцировать для исчисления по каждому виду пенсии для трех групп регионов Российской Федерации, имеющих значительные отличия по уровню заработной платы, стажу, условиям проживания, составу семьи получателей и иным социально-экономическим характеристикам:

- группа 1 — северные регионы, в состав которых входят 24 района Крайнего Севера и приравненные к ним местности;
- группа 2 — южные регионы, включающие 13 регионов Южного и Северо-Кавказского федеральных округов;
- группа 3 — центральные регионы, включающие 46 регионов, входящие в Центральный федеральный округ, и остальные субъекты Федерации, не отнесенные в группы 1 и 2.

Распределение субъектов Российской Федерации в зависимости от размера коэффициента замещения трудовых пенсий по всем годам назначения представлено в табл. 23.

Согласно данным табл. 23, по итогам 2012 г. 59 субъектов Российской Федерации во всех федеральных округах, кроме Дальневосточного, имели уровень солидарного брутто-коэффициента замещения пенсий по старости — 40% и выше. В 2010 г. таких регионов было 65 во всех федеральных округах страны.

Таблица 23

**Распределение субъектов Российской Федерации
в зависимости от размера коэффициента замещения трудовых пенсий**

Вид пенсии	Количество субъектов с брутто-коэффициентом замещения:					Количество субъектов с нетто-коэффициентом замещения:				
	До 30%	30–40%	Выше 40%	Из них: выше 0%	Выше общероссийского	До 30%	30–40%	Выше 40%	Из них: выше 0%	Выше общероссийского
<i>Трудовые пенсии</i>										
В том числе:										
По старости	5	19	59	0	66	2	10	71	14	66
В том числе:										
Северные регионы	4	14	6	0	10	1	8	15	0	8
Южные регионы	0	0	13	0	13	0	0	13	4	13
Центральные регионы	1	5	40	0	43	1	2	43	10	45
По инвалидности	54	26	3	0	69	27	47	9	0	69
В том числе:										
Северные регионы	22	2	0	0	13	19	4	1	0	13
Южные регионы	4	6	3	0	13	0	7	6	0	13
Центральные регионы	28	18	0	0	43	8	36	2	0	43
По потере кормильца	46	34	3	0	63	32	34	17	0	63
В том числе:										
Северные регионы	24	0	0	0	7	20	4	0	0	9
Южные регионы	4	8	1	0	13	2	5	6	0	11
Центральные регионы	18	26	2	0	43	10	25	11	0	43

По состоянию на 01.01.2013 самый высокий уровень коэффициента замещения среднего размера трудовой пенсии по старости был в Республике Дагестан — 59,0%, а самый низкий — в г. Москва: 20,6%.

Коэффициент замещения от 30,01 до 40% имели 19 регионов во всех федеральных округах, кроме Южного, Северо-Кавказского и Приволжского. Из них 14 приходилось на северные регионы: 2 — в Северо-Западном ФО (Мурманская область и Республика Коми), 1 — в Уральском ФО (Тюменская область, без учета автономных округов), 4 — в Сибирском ФО (Иркутская и Томская области, Забайкальский и Красноярский края), 7 — все регионы Дальневосточного ФО, кроме Сахалинской области и Еврейской автономной области.

Остальные 5 приходились на центральные регионы, включая регионы, не входящие в состав южных и северных территорий: 1 — в Центральном ФО (Московская область), 2 — в Северо-Западном ФО (Ленинградская область и г. Санкт-Петербург), 1 — в Уральском ФО (Свердловская область), 1 — в Дальневосточном ФО (Еврейская автономная область). В 2010 г. таких субъектов было 13 (увеличение за счет регионов Уральского, Сибирского и Дальневосточного федеральных округов).

В 5 субъектах Российской Федерации солидарный коэффициент замещения не достигал и 30%. По состоянию на 01.01.2013 такими регионам являлись: Ненецкий (26,5%), Ханты-Мансийский (28,8%), Ямало-Ненецкий (23,3%) автономные округа, Сахалинская область (29,1%) и г. Москва (20,6%). Низкий коэффициент замещения обусловлен высоким уровнем заработной платы и стоимости жизни в районах Крайнего Севера и г. Москва.

В 2012 г. 71 субъект из 83 во всех федеральных округах Российской Федерации имел уровень солидарного нетто-коэффициента замещения трудовой пенсии по старости 40% и выше. И только у 2 субъектов он не достигал 30%: в Ненецком автономном округе (26,8%) и г. Москва (23,7%).

У получателей трудовой пенсии по инвалидности количество регионов с аналогичным уровнем коэффициента составляет 3 и 9, а по потере кормильца — 3 и 17 брутто- / нетто-коэффициенты соответственно.

У получателей трудовой пенсии по инвалидности количество регионов с аналогичным уровнем коэффициента составляет 3 и 9, а по потере кормильца — 3 и 17 брутто- / нетто-коэффициенты соответственно.

Распределение субъектов Российской Федерации в зависимости от размера коэффициента замещения трудовых пенсий по новым назначениям отчетного года представлено в табл. 24.

Таблица 24

Распределение субъектов Российской Федерации в зависимости от размера коэффициента замещения трудовых пенсий (новые назначения)

Вид пенсии	Количество субъектов с брутто-коэффициентом замещения:					Количество субъектов с нетто-коэффициентом замещения:				
	До 30%	30–40%	Выше 40%	Из них: выше 60%	Выше общероссийского	До 30%	30–40%	Выше 40%	Из них: выше 60%	Выше общероссийского
Трудовые пенсии										
В том числе:										
По старости	15	45	23	0	68	8	26	49	0	68
В том числе:										
Северные регионы	12	11	1	0	13	6	13	5	0	12
Южные регионы	0	7	6	0	13	0	1	12	0	13
Центральные регионы	3	27	16	0	42	2	12	32	0	43
По инвалидности	52	30	1	0	68	26	47	10	0	68
В том числе:										
Северные регионы	22	2	0	0	12	18	5	1	0	13
Южные регионы	5	7	1	0	13	0	9	4	0	13
Центральные регионы	25	21	0	0	43	8	33	5	0	42
По потере кормильца	70	13	0	0	65	55	26	2	0	65
В том числе:										
Северные регионы	24	0	0	0	12	23	1	0	0	10
Южные регионы	11	2	0	0	11	6	7	0	0	11
Центральные регионы	35	11	0	0	42	26	18	2	0	44

Согласно данным, приведенным в табл. 24, уровень коэффициента замещения пенсий по старости, назначенных в отчетном году, значительно ниже, чем у пенсионеров всех лет назначения. По состоянию на 01.01.2013 только 23 и 49 субъектов Российской Федерации имели необходимый в соответствии с методологией МОТ уровень коэффициента замещения утраченного заработка пенсией по старости, 1 и 10 субъектов — пенсией по инвалидности брутто-/нетто-коэффициенты соответственно. Что касается пенсий по случаю потери кормильца, то всего в 2 субъектах центральных регионов (Белгородская и Пензенская области) коэффициент достиг указанного уровня в сравнении с заработной платой после уплаты подоходного налога.

Ежегодно после проведения очередной индексации пенсий (1 февраля и 1 апреля) Пенсионным фондом Российской Федерации собирается информация по распределению численности пенсионеров по размерам начисленной пенсии как приложение к форме № 94 (пенсии) — краткая “Сведения о численности пенсионеров и суммах назначенных им пенсий по отдельным размерам назначенной пенсии”. Сведения из указанного приложения служат источником информации для анализа дифференциации пенсий по размерам.

Распределение численности получателей трудовой пенсии по видам по отдельным размерам пенсии в Российской Федерации по состоянию на 01.04.2013 представлено в табл. 25–27.

Таблица 25

Распределение численности получателей трудовой пенсии по старости по отдельным размерам пенсии в Российской Федерации по состоянию на 01.04.2013

Размер назначенной пенсии, руб.	Численность, тыс. человек	Удельный вес, %	Средний размер пенсии, руб.	Соотношение со средним размером пенсии, %
До 3000	0,4	0,0	1711	15,9
От 3001 до 4000	39,1	0,1	3907	36,4
От 4001 до 5000	607,4	1,8	4720	43,9
От 5001 до 6000	2045,5	6,1	5412	50,4
От 6001 до 7000	1740,0	5,2	6518	60,7
От 7001 до 8000	2111,9	6,3	7532	70,1
От 8001 до 9000	3379,2	10,1	8561	79,7

Размер назначенной пенсии, руб.	Численность, тыс. человек	Удельный вес, %	Средний размер пенсии, руб.	Соотношение со средним размером пенсии, %
От 9001 до 10 000	4501,0	13,4	9534	88,8
От 10 001 до 11 000	5349,1	15,9	10 511	97,8
От 11 001 до 12 000	4561,4	13,6	11 471	106,8
От 12 001 и выше	9234,3	27,5	15 041	140,0
Всего	33 569,3	100	10 742	

Таблица 26

Распределение численности получателей трудовой пенсии по инвалидности по отдельным размерам пенсии в Российской Федерации по состоянию на 01.04.2013

Размер назначенной пенсии, руб.	Численность, тыс. человек	Удельный вес, %	Средний размер пенсии, руб.	Соотношение со средним размером пенсии, %
До 3000	56,7	2,3	2544	38,3
От 3001 до 4000	171,0	7,1	3576	53,8
От 4001 до 5000	500,5	20,7	4585	68,9
От 5001 до 6000	396,3	16,4	5492	82,6
От 6001 до 7000	364,1	15,1	6474	97,4
От 7001 до 8000	302,2	12,5	7505	112,9
От 8001 до 9000	260,3	10,8	8486	127,6
От 9001 до 10 000	146,6	6,1	9490	142,7
От 10 001 до 11 000	88,8	3,7	10 470	157,4
От 11 001 до 12 000	55,8	2,3	11 488	172,8
От 12 001 и выше	75,2	3,1	14 005	210,6
Всего	2 417,5	100	6 650	

Распределение численности получателей трудовой пенсии по случаю потери кормильца по отдельным размерам пенсии в Российской Федерации по состоянию на 01.04.2013

Размер назначенной пенсии, руб.	Численность, тыс. человек	Удельный вес, %	Средний размер пенсии, руб.	Соотношение со средним размером пенсии, %
До 3000	196,7	14,5	2 295	35,1
От 3001 до 4000	136,3	10,0	3 524	53,8
От 4001 до 5000	258,5	19,0	4 317	66,0
От 5001 до 6000	66,1	4,9	5 488	83,9
От 6001 до 7000	75,0	5,5	6 513	99,5
От 7001 до 8000	99,2	7,3	7 522	114,9
От 8001 до 9000	140,6	10,3	8 530	130,3
От 9001 до 10 000	178,0	13,1	9 500	145,2
От 10 001 до 11 000	111,2	8,2	10 499	160,4
От 11 001 до 12 000	66,8	4,9	11 348	173,4
От 12 001 и выше	31,5	2,3	13 941	213,0
Всего	1360,0	100	6545	

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Основные направления деятельности Правительства Российской Федерации на период до 2018 года (утв. Правительством РФ 31.01.2013). URL: <http://www.government.ru> (Osnovnye napravlenija dejatel'nosti Pravitel'stva Rossijskoj Federacii na period do 2018 goda (utv. Pravitel'stvom RF 31.01.2013). URL: <http://www.government.ru>).

Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. URL: <http://www.gks.ru> (Oficial'nyj sajt Federal'noj sluzhby gosudarstvennoj statistiki. URL: <http://www.gks.ru>).

Распоряжение Правительства РФ от 25.12.2012 № 2524-р “Об утверждении Стратегии долгосрочного развития пенсионной системы Российской Федерации”. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=139981> (Rasporyazhenie Pravitel'stva RF ot 25.12.2012 № 2524-r “Ob utverzhdanii Strategii dolgo-srochnogo razvitija pensionnoj sistemy Rossijskoj Federacii”. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=139981>

Соловьёв А.К. Демографическая угроза экономике: макроанализ пенсионной системы России // Проблемы прогнозирования. 2013. № 2 (137). С. 112–126 (Solov'ev A.K. Demograficheskaja ugroza jekonomike: makroanaliz pensionnoj sistemy Rossii // Problemy prognozirovaniya. 2013. N 2 (137). S. 112–126).

Федеральный закон от 24.10.1997 № 134-ФЗ “О прожиточном минимуме в Российской Федерации” // Собрание законодательства РФ. 1997. 27 окт. № 43. Ст. 4904 (Federal'nyj zakon ot 24.10.1997 N 134-FZ “O prozhitochnom minimume v Rossijskoj Federa-cii” // Sobranie zakonodatel'stva RF. 1997. 27 okt. N 43. St. 4904).

В.Г. Гречихин, докт. филос. наук, проф. кафедры истории и теории социологии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова*

ФАКТОРЫ СОЦИАЛЬНОЙ МОБИЛЬНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА

V.G. Grechikhin

SOCIAL MOBILITY FACTORS IN THE FAR EASTERN FEDERAL DISTRICT OF RUSSIA

В статье раскрывается современное состояние и уровень социально-экономического развития Дальневосточного федерального округа как одного из наиболее перспективных округов России. Определяются и анализируются факторы, влияющие на динамику и направленность рыночной трансформации округа, на его роль в процессах включения России в мировую глобализацию и интеграцию.

Ключевые слова: социальная структура, социальные перемещения, социальная мобильность, безработица, миграция, естественное движение населения.

The article explains the current state and the level of socio-economic development of the Far Eastern Federal District, as one of the most promising districts of Russia. Identifies and analyzes the factors that affect the dynamics and direction of market transformation District, on his role in the integration of Russia into the world of globalization and integration.

Key words: social structure, social movements, social mobility, unemployment, migration, natural population movement.

Россия последнего десятилетия XX в. и начала XXI в. войдет в мировую историю как страна динамично-ускоренной трансформации социалистического планового ведения хозяйства в систему рыночных отношений, в систему открытой экономики. Утверждение господства рыночных отношений открыло для России возможности более системного и глубинного ее включения в мировые глобализационные процессы, способствовало укреплению ее политических и социально-экономических интеграционных связей с мировым сообществом.

Развитие рыночных отношений в России стало основой формирования нового для страны социального пространства, явления, характеризующего непрерывность взаимодействия людей в зарождающемся рыночном социальном бытии. Выступая регулятором

* Гречихин Владимир Григорьевич, e-mail: theory@socio.msu.ru

процесса самоидентификации человека по отношению к самому себе и другим людям в новых социально-экономических условиях, социальное пространство объективно требует определения и принятия новых параметров статуса человека и сфер его деятельности. Оно может реализоваться только при господстве в стране социально-экономических и культурно-политических норм и правил рыночной экономики, при коренных изменениях сущности социальной мобильности населения как изменения статусного положения индивида или социальной группы в социальной структуре¹.

При характеристике социально-экономического состояния современного российского общества необходимо учитывать тот факт, что его рыночная трансформация не была подготовлена ни социально-экономически, ни политически, ни морально-духовно и реализовывалась ускоренными темпами. Проявление этой неподготовленности в развитии современных социально-экономических, политических и демографических процессов страны почти двадцать пять лет спустя является вполне закономерным явлением.

Реализация сущности принципов рыночной трансформации российского общества, охватившей все направления его жизнедеятельности, первична и наиболее радикально выразилась в развитии и функционировании социально-экономической сферы, в частности в укреплении господства частной собственности и усилении социальных перемещений экономически активного населения. Так, в 2012 г. доля предприятий и организаций частной собственности среди общей численности предприятий и организаций России достигла 85,8%, в то время как доля организаций государственной и муниципальной собственности сократилась почти до 7%². За период 1992–2012 гг. численность работающих на предприятиях частной собственности увеличилась в 2,8 раза и в 2012 г. достигала почти 60% занятых в экономике страны. Численность занятых в организациях государственной и муниципальной собственности за этот же период сократилась в 2,5 раза и в 2012 г. достигала 27,2% численности занятых в экономике³.

Рыночные преобразования в России оказали радикальное воздействие на уровень и качество жизни населения, на формирование новой социальной структуры общества как определенным образом упорядоченной системы связей между элементами его социально-экономической сферы. В новых условиях в стране произошел

¹ Социологический энциклопедический словарь / Ред.-координатор Г.В. Осипов. М., 1998. С. 186.

² Россия в цифрах. 2013. М., 2013. С. 205; Российский статистический ежегодник. 2000. М., 2000. С. 277.

³ Россия в цифрах. 2013. С. 103.

ускоренный процесс глубинной социально-статусной поляризации общества. Ускоренное закрепление основ рыночной экономики в стране стимулировало формирование новых элитных классов и страт, появление многомиллионных слоев населения, живущих за чертой бедности, а также безработных. В 2011 г., например, численность живущих за чертой бедности в России достигала 18,1 млн человек, или 12,8% численности населения страны, а численность безработных — 4,1 млн человек, или почти 5,5% численности ее экономически активного населения⁴. Эти данные свидетельствуют о высокой степени социальной мобильности экономически активного населения страны на начальном этапе ее рыночной трансформации.

Рыночные преобразования российского общества оказывают прямое воздействие не только на экономическую и социально-статусную дифференциацию населения страны, но и на динамику и направленность социально-демографических процессов. За период рыночных преобразований численность населения страны сократилась более чем на 3% — со 147,6 млн человек в 1990 г. до 143,0 млн человек в 2012 г. Анализ процессов сокращения численности населения показывает, что они обусловлены двумя факторами: естественным движением и миграцией населения.

Естественное движение населения — это социально-демографический процесс, выражающий изменение «численности и состава населения вследствие рождаемости, смертности, брачности и разводимости»⁵. На современном уровне рыночных преобразований России естественное движение населения, обуславливая межпоколенные перемещения, пока что негативно влияет на динамику изменения численности населения страны.

Таблица 1
Естественное движение населения в России за период 1992–2012 гг.
(тыс. человек)⁶

Годы	1990	1992	2000	2005	2008	2010	2012
Естественная прибыль, убыль (–) населения (тыс. человек)	332,9	–219,8	–958,5	–846,5	–362,0	–239,6	–2,5
На 1000 человек населения (человек)	—	–1,5	–6,6	–5,9	–2,5	–0,9	–0,02

⁴ Российский статистический ежегодник. 2012. М., 2012. С. 191.

⁵ Социологический энциклопедический словарь. С. 78.

⁶ Россия в цифрах. 2013. С. 33.

Данные государственной статистики, приведенные в табл. 1, показывают, что с начала 1990-х гг. и до настоящего времени убыль населения является постоянным спутником рыночных преобразований в России. Несмотря на то что с 2005 г. в стране наметилась тенденция прогрессивности в естественном движении населения, все равно в 2012 г. его убыль была достаточно высокой и составила 2,5 млн человек. В настоящее время естественная убыль играет решающую роль в сокращении численности населения России.

Вторым фактором, влияющим на динамику и направленность изменения численности населения России, является миграция. Миграция — это процесс перемещения людей на другую территорию, смена постоянного места жительства. Анализ направленности миграционных потоков за годы рыночной трансформации в России показывает, что характерной особенностью всего периода становления рыночных отношений является численное превосходство иммиграционных потоков над эмиграционными. Так, если в 1997 г. из России выехало 232 987 человек, то прибыло более чем в 2,5 раза — 597 651 человек. В 2011 г. из страны выехало 36 774 человека, а прибыло почти в 7 раз больше — 356 535 человек, миграционный прирост составил 319 761 человек⁷. Миграционные процессы оказывали и оказывают определенное стабилизирующее воздействие на процессы изменения численности населения страны, но миграционный прирост населения пока что значительно ниже его естественного прироста.

Современная Россия, как записано в ее Конституции, “есть демократическое федеративное правовое государство с республиканской формой правления”⁸. Рыночная трансформация российского общества специфически проявляется в социально-экономическом развитии 9 ее Федеральных территориальных округов, разделенных на 84 субъекта-региона.

На путь развития рыночных отношений регионы России перешли, находясь на разных уровнях социально-экономического, демографического и культурно-духовного развития, сформировавшихся под влиянием таких факторов, как географическое расположение и климатические условия, степень включенности региона в хозяйственно-экономическую систему страны, наличие природных и человеческих ресурсов. Реализуемые в настоящее время в стране методология и принципы рыночных отношений далеко не всегда учитывают влияние этих факторов на решение острых социально-экономических и демографических проблем регионов,

⁷ Россия в цифрах. 2008. М., 2008. С. 89–90; Российский статистический ежегодник. 2012. С. 113.

⁸ Конституция Российской Федерации. СПб., 2009. С. 4.

на их стабильность. Это особенно актуально и значимо для развития Дальневосточного федерального округа (ДФО), образованного Указом Президента Российской Федерации от 13 мая 2000 г. В состав округа входят 9 субъектов (регионов) Российской Федерации, в том числе Республика Саха (Якутия), Камчатский, Приморский и Хабаровский края, Еврейская автономная область, Чукотский автономный округ, Амурская, Магаданская и Сахалинская области.

Среди федеральных округов России Дальневосточный округ выделяется, во-первых, выгодностью географического расположения — он занимает все Тихоокеанское побережье России; во-вторых, огромностью территории (более трети — 36,08% — территории страны); в-третьих, пригодностью многих площадей территории округа для проживания населения, развития сельского хозяйства и размещения промышленных комплексов. Кроме того, недра округа содержат 92% государственных запасов олова, 81% запасов алмазов, 40% запасов золота, 35% запасов серебра, 23% запасов вольфрама и др. В 2010 г. округ занял первое место в Российской Федерации по добыче морепродуктов, второе место — по добыче угля и газа, пятое место — по добыче нефти. В то же время среди округов страны по добыче полезных ископаемых округ занимает восьмое место, по производству электрической энергии — седьмое, по мощности электростанций — шестое⁹. В настоящее время по уровню социально-экономического развития ДФО занимает одну из последних позиций среди федеральных округов России, а его включение в рыночные отношения идет менее динамично, чем других округов страны. Так, если за период 1990–2012 гг. общее количество предприятий и организаций в стране возросло в 16,8 раза, то в ДФО — только в 11,0 раз¹⁰, доля частных предприятий как базы рыночной экономики по стране достигла 85,6%, а в ДФО — только 79%¹¹. Следует указать и на тот факт, что в округе недостаточными темпами развивается малое предпринимательство, на которое возлагаются большие надежды в перспективном развитии социально-экономической сферы, в производстве материальных благ и занятости населения. В 2011 г. из 185 749 предприятий, функционировавших на территории округа, 81,3 тыс., или 4,3%, относились к числу малых предприятий. Они обеспечивали работой 481,7 тыс. человек¹². В округе на 10 000 населения приходится 101 малое предприятие (в целом по стране — 113)¹³.

⁹ Регионы России. Социально-экономические показатели. 2011. М., 2011. С. 474–475, 483, 514, 515.

¹⁰ Российский статистический ежегодник. 2012. С. 357, 359.

¹¹ Регионы России. Социально-экономические показатели. 2011. С. 403.

¹² Российский статистический ежегодник. 2012. С. 368.

¹³ Российский статистический ежегодник. С. 359; Регионы России. Социально-экономические показатели. 2011. С. 410–411.

Недостаточная включенность экономики округа в хозяйственно-экономическую систему страны, неразвитость инфраструктуры и недооценка значимости человеческого фактора привели к тому, что 6 регионов из 9 — Камчатский край, Магаданская область, Амурская область, Республика Саха (Якутия), Чукотский автономный округ, Еврейская автономная республика — являются дотационными регионами России.

Развитие и укрепление рыночных отношений в ДФО привели в движение многомиллионные массы его населения, стимулируя их мобильность и изменяя их социально-экономические статусы и роли. В первую очередь это проявилось в изменении численности населения, занятого трудовой деятельностью, его соотношения с численностью экономически активного населения.

Таблица 2

Численность экономически активного населения и населения, занятого в экономике по субъектам ДФО за период 2000–2011 гг. (тыс. человек)¹⁴

Годы Регионы округа	2000		2005		2011	
	Число экономически активного населения	Из них занятых в экономике	Число экономически активного населения	Из них занятых в экономике	Число экономически активного населения	Из них занятых в экономике
ДФО	3628	3170	3489	3213	3547	3284
Республика Саха (Якутия)	485	431	483	440	488	445
Камчатский край	213	178	209	189	204	192
Приморский край	1134	995	1074	993	1077	989
Хабаровский край	765	672	761	717	785	732
Амурская область	482	425	424	380	471	442
Магаданская область	118	105	102	95	103	98
Сахалинская область	303	263	309	285	294	270
Еврейская автономная республика	93	79	91	84	94	85
Чукотский автономный округ	36	32	32	31	31	29

¹⁴ Российский статистический ежегодник. 2012. С. 133.

Материалы табл. 2 показывают, что за период 2000–2011 гг. на фоне сокращения общей численности экономически активного населения округа в 6 регионах из 9 она сократилась на 81 тыс. человек, или на 2,2%. Но в то же время в 6 регионах из 9 произошло увеличение занятых в экономике на 114 тыс. человек, или почти на 3,6%. Это свидетельствует о сокращении в округе численности безработных, об усилении внутри округа региональной мобильности населения.

Динамика и направленность изменения численности населения округа, занятого в сфере экономики, и его социально-экономическая мобильность органически связаны с дифференциацией занятости населения по формам собственности (табл. 3).

Таблица 3

Распределение населения регионов ДФО, занятого в экономике, всего и по формам собственности в период 1995–2010 гг. (тыс. человек)¹⁵

Годы Регионы округа	1995			2010		
	Занято всего в экономике	В государственной собственности	В частной собственности	Занято всего в экономике	В государственной собственности	В частной собственности
ДФО	3374,8	1626,0	857,8	3313,3	778,7	1672,4
Республика Саха (Якутия)	513,9	291,3	113,6	481,1	109,7	193,6
Камчатский край	194,9	103,1	65,4	189,1	48	95,2
Приморский край	986,2	338,4	301,0	980,1	208,7	561,5
Хабаровский край	665,3	375,9	117,6	729,4	195,3	351,5
Амурская область	460,0	226,8	132,8	437,9	102,7	229,1
Магаданская область	134,8	70,7	32,8	89,9	23,8	37,1
Сахалинская область	291,0	148,1	71,0	288,7	53,9	159,1
Еврейская автономная республика	83,0	38,2	27,3	81,3	21,7	38,1
Чукотский автономный округ	45,7	33,5	6,3	35,9	14,9	7,2

¹⁵ Регионы России. Социально-экономические показатели. 2011. С. 99.

Данные табл. 3 свидетельствуют о высокой вертикальной социальной мобильности населения округа. За период 1995–2010 гг. численность работников частнособственнического сектора увеличилась в 1,9 раза и в 2,2 раза сократилась численность работников государственного сектора. Эти процессы проходили на фоне спада безработицы, которая в 2000 г. составляла 459 тыс. человек, или 12,6% экономически активного населения, а в 2011 г. уже 264 тыс. человек, или 7,4% экономически активного населения¹⁶.

Данные табл. 3 свидетельствуют, что рост численности работников частного сектора, как основы рыночной экономики, в регионах округа шел различными темпами. Это объясняется следующими факторами: во-первых, географическим расположением региона и наличием природных ресурсов; во-вторых, вектором направленности экономической деятельности того или иного региона; в-третьих, различными стартовыми уровнями социально-экономического развития регионов при их переходе к рыночной экономике; в-четвертых, различием регионов по степени интенсивности становления и укрепления частной собственности; в-пятых, качеством и количеством наличных человеческих ресурсов регионов; в-шестых, местом, отведенным региону в перспективных планах развития округа и страны в целом.

Развитие и укрепление рыночных отношений в ДФО, как и в других регионах страны, сопровождается такими негативными социальными явлениями, как безработица, эмиграция и сокращение естественного прироста населения.

Безработица — это естественный структурный элемент рыночной экономики. Для прогрессивного социально-экономического развития ДФО, если учитывать недостаточность включенности его экономического потенциала в хозяйственную систему страны и экстремальные природно-климатические условия, проблема безработицы является чрезвычайно актуальной. Все безработные — это трудоспособное население округа, его хозяйственно-экономически не использованный и не востребованный человеческий потенциал. В настоящее время феномен безработицы присущ развитию всех субъектов округа. Особенно высокий уровень безработных в таких регионах, как Приморский край — 9,7%, Республика Саха (Якутия) — 8,8, Еврейская автономная область — 8,8, Сахалинская область — 8,2 и Камчатский край — 8,1%. В 2011 г. в округе из 3 556,5 тыс. человек экономически активного населения 263 тыс. человек, или 7,4%, были безработными, что несколько превышает общегосударственный уровень. Это достаточно высокий показатель, особенно если учитывать тот факт, что численность

¹⁶ Там же. С. 111.

экономически активного населения округа достигает только 56,6%, что на 11,7% ниже среднесоциального показателя¹⁷.

Безработица в округе является социальным явлением, которым охвачены все трудоспособные возрастные группы обоих полов. В 2011 г. из 263 тыс. безработных 145,1 тыс. человек, или 55,2%, были мужчины (среди населения округа их немногим более 48%) и 117,8 тыс. человек, или 44,8%, — женщины (среди жителей округа их почти 52%)¹⁸.

В 2011 г. по возрастному критерию среди безработных жителей округа наибольшее количество — 37,1% — приходилось на возрастную группу 20–29 лет, т.е. на дальневосточную молодежь. Следовательно, именно эта категория лиц является первыми и основными претендентами на миграцию из региона и на несколько удлиненную “холостяцкую жизнь”, что прямо и косвенно оказывает влияние на естественное движение населения. На втором месте — 21,2% — жители в возрасте 30–39 лет и на третьем месте — 19,1% — население в возрасте 40–49 лет¹⁹. Анализ возрастного состава безработных в округе показывает, что их средний возраст 34–35 лет, это период самой высокой творческой продуктивности и физической активности человека.

По критерию образования среди безработных округа преобладают лица со средним (полным общим) образованием — 31,5%, на втором месте — лица с начальным профессиональным образованием — 23,7%. Необходимо отметить, что среди безработных округа достаточно высокий уровень — 11,9% — лиц с высшим профессиональным образованием²⁰.

Изучение и анализ социально-демографических характеристик дальневосточного безработного позволяют создать его портрет: это чаще всего семейный мужчина возраста 34–35 лет, городской житель, имеющий среднее (полное общее) образование и владеющий различными специальностями. Следовательно, в ближайшие годы руководству округа необходимо принимать конкретные меры по обеспечению трудовой занятостью безработных, в противном случае могут усилиться миграционные потоки населения за пределы округа и может возрасти численность безработных.

При анализе проблемы занятости в округе необходимо обратить внимание и на тот факт, что наличие 264-тысячной армии безработных еще не означает отсутствия в регионах округа свободных должностей и вакансий. Они всегда были, есть и, можно предположить, будут. Проблема в том, что их мало и их заполнить

¹⁷ Российский статистический ежегодник. 2012. С. 133.

¹⁸ Регионы России. Социально-экономические показатели. 2011. С. 113.

¹⁹ Там же. С. 115.

²⁰ Там же. С. 117.

ние всегда связано с определенными трудностями: квалификационными требованиями к должности (вакансии), профессионализмом самих претендентов, уровнем оплаты и условиями труда, перспективами профессионального и карьерного роста и др.

Таблица 4

Число безработных и потребность в работниках (человек) в 2000–2010 гг.²¹

Годы Регионы округа	2000		2010		
	Число безработных (тыс. человек)	Потребность в работниках	Число безработных (тыс. человек)	Потребность в работниках	Соотношение числа безработных и потребности в работниках (в разах)
ДФО	459 000	25 402	307 000	94 641	3,2
Республика Саха (Якутия)	55 000	3610	43000	4704	9,1
Камчатский край	35 000	3369	15 000	4515	3,3
Приморский край	140 000	7927	105 000	47 452	2,2
Хабаровский край	94 000	5877	70 000	15 114	4,6
Амурская область	66 000	1943	31 000	11827	2,6
Магаданская область	13 000	918	6000	1968	3,0
Сахалинская область	40 000	1329	27 000	5706	4,7
Еврейская автономная республика	14 000	258	9000	2767	3,2
Чукотский автономный округ	4000	171	1000	588	1,7

Данные табл. 4 показывают, что в регионах округа количество безработных всегда в разы превышало потребность в работниках. Так, в 2010 г. количество безработных в ДФО в 3,2 раза превышало число вакансий. В особо сложном положении находится экономически высокоразвитый, богатый природными ресурсами и перспективный в плане дальнейшего развития регион округа — Республика Саха (Якутия), где уровень безработицы в 9,1 раза превышает потребность в работниках. В другом не менее перспективном регионе Сахалинской области уровень безработицы превы-

шает наличие свободных должностей в 4,7 раза, в Хабаровском крае — в 4,6 раза. Многотысячная армия безработных в регионах округа — это потенциальные миграционные потоки экономически активного населения за пределы округа, а также возможные острые социальные конфликты. Следовательно, важнейшей проблемой успешного решения современных и перспективных социально-экономических и демографических задач округа является более полное обеспечение занятости населения и повышение значимости человеческого фактора.

Методология развития рыночных отношений в округе, породившая высокую напряженность в сфере занятости населения, способствовала формированию в ДФО социальной группы населения с доходами ниже прожиточного минимума, что также негативно отражается на стабилизации населения округа.

В Дальневосточном федеральном округе во все годы становления рыночной экономики доля населения с доходами ниже величины прожиточного минимума была достаточно высокой и всегда превышала общегосударственные показатели. Так, если в 1994 г. в среднем по стране доля населения с денежными доходами ниже прожиточного минимума составляла 22,4% от общей численности населения, то в ДФО — 24,4%. Наиболее критическим для округа был 2000 г., когда численность живущих за чертой бедности достигала 43,1% численности жителей округа против 29,0% по стране. Несмотря на то что в последующие годы во всех регионах округа утверждается тенденция сокращения численности живущих за чертой бедности, их доля в 2011 г. была достаточно высокой и равнялась 16,0%, что на 3,3% выше общегосударственных показателей²². Некоторое снижение численности живущих за чертой бедности можно объяснить, во-первых, массовой миграцией за пределы региона трудоспособного населения в поисках работы и, во-вторых, некоторым улучшением материально-экономического и финансового положения жителей округа.

Наличие в округе многотысячной армии живущих за чертой бедности и безработных оказывает прямое негативное воздействие на динамику численности населения региона. За период 1990–2012 гг. население округа сократилось с 8 045 тыс. человек в 1990 г. до 6 266 тыс. человек в 2012 г., т.е. на 1 779 тыс. человек, или на 22,1%²³.

Особенно интенсивно процесс сокращения населения проходил в Магаданской области — на 60,3%, Чукотском автономном округе — на 39,3, Камчатском крае — на 33,0 и Сахалинской обла-

²¹ Российский статистический ежегодник. 2012. С. 133.

²² Там же. С. 192.

²³ Там же. С. 77.

сти — на 30,7%. Эти регионы выделяются богатством природных ресурсов, разработка которых способствовала увеличению численности их жителей “временщиками” — людьми, приехавшими за “длинным рублем”. Развитие рыночной экономики разрушило подобную систему “экономической занятости”, что и привело к значительным миграционным оттокам населения из регионов в первые годы рыночной трансформации России.

Сокращение численности населения округа как повсеместный спутник его рыночных преобразований присуще и городским и сельским районам.

За период 1990–2011 гг. численность городского населения округа сократилась на 21,8%, с 6 121 тыс. человек в 1990 г. до 4 701 тыс. человек в 2011 г.²⁴ Особенно интенсивно процесс сокращения городского населения проходил в Чукотском автономном округе — на 72,8%, в Магаданской области — на 53,2 и в Сахалинской — на 33,8%. Безусловно, это большие потери для регионов. С городским населением, его численностью чаще всего связываются уровни культурно-образовательного, социально-политического и промышленно-экономического развития округа.

За период рыночных преобразований 1990–2011 гг. значительные изменения численности населения произошли и в сельских поселениях округа, где его убыль составила 340 тыс. человек, или 17,6%²⁵. Несмотря на то что и в абсолютном и в процентном исчислении это значительно меньше, чем убыль городского населения, для сельской местности это много, поскольку сельские жители того или иного региона — это чаще всего коренное население, “аборигены”.

По регионам округа наибольшее сокращение численности сельских жителей произошло в Магаданской области — на 88,5% и Чукотском автономном округе — на 59,0%. Миграция сельских жителей вызвана значительным разрушением сельскохозяйственного производства в этих регионах, которое базировалось на развитии рыболовства, оленеводства, охоты. В определенные годы в ряде регионов округа — в Камчатском крае, Республике Саха (Якутия), Сахалинской области и Чукотском автономном округе — наблюдался временный незначительный рост численности сельского населения. Это объясняется некоторым временным ухудшением уровня жизни городского населения региона и временным возвратом части горожан, бывших сельских жителей, на свою “малую родину”, в село.

Анализ динамики и направленности уменьшения численности и городского и сельского населения регионов округа показывает, что главную роль в этом процессе играют два фактора: миграция населения и естественное движение населения.

Миграция, как уже было сказано выше, — это пространственное перемещение людей, связанное с изменением их места жительства. В решении современных социально-экономических и демографических проблем Дальневосточного федерального округа миграция играет решающую роль.

Сущность и значимость миграции наиболее полно и наглядно выражается в показателях коэффициента миграционного прироста.

Таблица 5

Коэффициент миграционного прироста на 10000 населения в ДФО за период 1990–2010 гг., (человек)²⁶

Годы \ Регионы округа	1990	1995	2000	2005	2010	1995/1990	2010/1995
ДФО	-49	-188	-83	-32	-44	Снизился в 3,8 раза	Возрос в 4,2 раза
Республика Саха (Якутия)	-60	-219	-92	-49	-74	Снизился в 3,6 раза	Возрос в 2,9 раза
Камчатский край	-27	-346	-143	-68	-15	Снизился в 12,8 раза	Возрос в 23,0 раза
Приморский край	1	-72	-44	-23	-36	Снизился в 72 раза	Возрос в 2 раза
Хабаровский край	-27	-18	-38	-2	-20	Возрос в 1,5 раза	Снизился в 0,9 раза
Амурская область	-86	-68	-91	-25	-44	Возрос в 1,2 раза	Возрос в 1,5 раза
Магаданская область	-229	-1024	-384	-154	-120	Снизился в 4,4 раза	Возрос в 8,5 раза
Сахалинская область	-41	-374	-121	-56	-63	Снизился в 9,1 раза	Возрос в 5,9 раза
Еврейская автономная республика	-31	-86	-52	-54	-35	Снизился в 2,7 раза	Возрос в 2,4 раза
Чукотский автономный округ	-355	-1269	-704	-75	-168	Снизился в 3,5 раза	Возрос в 7,3 раза

²⁴ Там же. С. 78.

²⁵ Там же. С. 79.

²⁶ Регионы России. Социально-экономические показатели. 2011. С. 73, 93.

Динамика естественного прироста населения в регионах ДФО за период 1990–2011 годы (на 1000 человек населения)²⁷

Годы	1990	1995	2000	2005	2011
ДФО	7,2	–2,4	–3,5	–3,8	–0,3
Республика Саха (Якутия)	12,7	5,5	4,0	4,1	7,7
Камчатский край	6,2	–2,0	–1,7	–1,6	0,4
Приморский край	5,5	–3,7	–5,3	–5,8	–2,1
Хабаровский край	5,9	–3,9	–5,6	–5,4	–1,6
Амурская область	7,6	–1,9	–4,4	–4,8	–1,2
Магаданская область	8,0	–2,7	–2,1	–2,6	–1,4
Сахалинская область	6,1	–8,3	–4,2	–6,0	–2,4
Еврейская автономная республика	8,2	–2,7	–4,8	–6,3	–1,3
Чукотский автономный округ	10,1	1,3	1,9	3,9	2,5

Таблица 7

Коэффициенты детской смертности (число детей, умерших в возрасте до одного года, на 1000 родившихся живыми) по регионам за период 1990–2010 гг.²⁸

Годы \ Регионы округа	1990	1995	2000	2005	2010
ДФО	18,8	20,5	18,6	13,5	9,6
Республика Саха (Якутия)	19,9	9,5	17,6	10,6	7,2
Камчатский край	16,6	15,4	16,0	10,3	9,4
Приморский край	18,3	21,5	19,1	13,1	9,6
Хабаровский край	18,7	17,8	17,3	13,0	10,5
Амурская область	20,0	23,6	23,8	18,7	12,8
Магаданская область	17,4	14,2	15,1	12,1	9,3
Сахалинская область	16,7	22,7	15,1	14,4	5,9
Еврейская автономная республика	23,9	26,4	20,2	15,6	10,4
Чукотский автономный округ	18,5	34,0	23,4	17,6	21,8

²⁷ Российский статистический ежегодник. 2012. С. 105–107.²⁸ Регионы России. Социально-экономические показатели. 2011. С. 67.

Материалы табл. 5 свидетельствуют, что за годы становления рыночной экономики коэффициент миграционного прироста в регионах округа, в отличие от общегосударственного, о котором говорилось выше, всегда был отрицательным. Пик миграционного оттока населения в 7 регионах округа из 9 приходится на середину первого десятилетия формирования рыночных отношений. В 1995 г. отрицательный коэффициент миграционного прироста по округу был в 3,8 раза выше, чем в 1990 г., а в 2010 г. — в 4,2 раза выше, чем в 1995 г.

В настоящее время, несмотря на меры, принимаемые руководством округа, миграционный отток населения из Дальневосточного федерального округа не прекращается.

Значительное влияние на социально-экономическую мобильность населения округа оказывает фактор его естественного движения, основным показателем развития которого является соотношение уровней рождаемости и смертности. Динамика и направленность естественного движения населения во многом определяются уровнем экономического развития округа и состоянием социальной защиты населения, соотношением браков и разводов, направленностью, количественными и качественными показателями миграционных потоков.

Во все годы рыночных преобразований в округе фактор естественного движения населения всегда имел отрицательное значение. Если в 1990 г. естественный прирост населения в округе составил 58 220 человек, то уже через пять лет рыночных преобразований, в 1995 г., естественная убыль населения уже составляла 17 953 человека, а через 10 лет, в 2005 г., — 24 890 человек. В последующие годы в округе проявляется тенденция сокращения естественной убыли населения, но тем не менее в 2011 г. она составила 1332 человека, что для округа является значительным.

Материалы табл. 6 показывают, что за годы рыночных преобразований, начиная с 1990 г. и до настоящего времени, в округе в целом и в его регионах в частности, кроме Республики Саха (Якутия) и Чукотского автономного округа, не было естественного прироста населения. В то же время необходимо отметить, что с 2005 г. в регионах округа пусть медленно, но укрепляется тенденция естественного прироста населения, позволяющая надеяться на восстановление и стабилизацию естественного прироста населения в ближайшие 10–15 лет.

Естественное движение населения — сложное и многогранное социально-демографическое явление. Его направленность и количественные показатели во многом определяются уровнем детской смертности.

Данные табл. 7 свидетельствуют, что в первое десятилетие рыночных преобразований, до 2000 г., ежегодный коэффициент детской смертности в регионах округа был достаточно высок. После 2000 г. набрала силу тенденция сокращения детской смертности, и в 2010 г. коэффициент детской смертности равнялся 9,6, что в 1,9 раза ниже, чем в 2000 г. Существенное снижение детской смертности в последние годы в регионах округа, кроме Чукотского автономного округа, свидетельствует о начале процессов стабилизации естественного движения населения в округе, гарантирующих будущее его социально-экономического развития.

На количественные характеристики естественного движения населения округа определенное влияние оказывает соотношение бракосочетаний и разводов. Вполне естественно, что продолжительный период семейной жизни способствует развитию крепких семейных уз, приросту семьи, первичной социализации подрастающего поколения, оседлости на данной территории.

Таблица 8

Соотношение браков и разводов в ДФО за период 1990–2010 гг. (число разводов на 1000 браков)²⁹

Годы \ Регионы округа	1990	1995	2000	2005	2010
Российская Федерация	424	619	700	567	526
ДФО	498	748	799	627	583
Республика Саха (Якутия)	439	579	690	522	536
Камчатский край	635	853	843	612	674
Приморский край	487	704	748	686	564
Хабаровский край	477	867	906	598	587
Амурская область	413	688	640	604	568
Магаданская область	736	987	1426	772	668
Сахалинская область	538	787	876	649	633
Еврейская автономная республика	431	707	691	592	601
Чукотский автономный округ	731	1230	1090	733	753

Согласно статистическим данным за период 1990–2000 гг. (табл. 8) численность разводов почти во всех регионах округа возрастала,

²⁹ Там же. С. 74–75.

значительно опережая общегосударственные показатели. Если в 1990 г. на 1000 браков в округе приходилось 498 разводов, то через 10 лет, в 2000 г., — уже 799. К 2010 г. количество разводов на 1000 браков сократилось до 583, но это все равно на 85 разводов больше, чем в начальный год рыночной трансформации, и на 57 разводов больше, чем в среднем по стране.

Миграция и процессы естественного движения населения округа оказали прямое воздействие на дифференциацию его структуры по критерию трудоспособности.

Таблица 9

Структура населения ДФО по критерию трудоспособности в период 1990–2012 гг. (в %)³⁰

Годы \ Возрастные группы	1990	1995	2000	2005	2012	2012 (численность населения, человек)
Все население округа	100	100	100	100	100	6 255 833
Моложе трудоспособного возраста	27,6	24,8	21,0	17,9	17,5	1 106 287
Трудоспособный возраст	61,5	61,8	64,2	66,0	64,3	3 927 700
Старше трудоспособного возраста	10,9	13,4	14,8	16,1	18,2	1 231 846

Материалы табл. 9 показывают, что за период функционирования рыночных отношений численность населения моложе трудоспособного возраста сократилась в округе более чем в 1,5 раза. Одновременно с этим и почти такими же темпами в 1,6 раза произошло увеличение численности населения старше трудоспособного возраста. Рост миграционных потоков и отсутствие естественного прироста населения в округе привели в 2009 г. к критическому состоянию, когда на 10000 человек населения приходилось 266 пенсионеров, в то время как в 1995 г. их было 197,3 человека. Кроме того, если в 1995 г. на одного пенсионера приходилось 2,35 человека из числа занятых в экономике, то в 2009 г. значительно меньше — только 1,94 человека.

Анализ развития Дальневосточного федерального округа за годы становления рыночных отношений свидетельствует о наличии негативных тенденций в его социально-экономическом развитии. Эмиграция и отсутствие естественного прироста населения, приведшие к снижению численности населения округа, сокращению

³⁰ Российский статистический ежегодник. 2012. С. 84.

количества экономически активного населения, наличие многотысячной армии безработных стали закономерностью последних лет, сдерживающей перспективное развитие округа. Все это потребовало решительных действий, и в первую очередь — от руководства страны. В декабре 2009 г. Правительством Российской Федерации была утверждена стратегия социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона до 2025 г. Главной целью новой стратегии провозглашено формирование территориальной социально-экономической системы, способной обеспечить высокий уровень и качество жизни населения, разрешение демографической ситуации, умелое применение человеческого потенциала. Кроме того, программа предполагает формирование среднего класса, развитие малого и среднего предпринимательства, развитие инфраструктуры округа, расширение и углубление внешнеэкономического сотрудничества. Основой такой перспективы должны стать богатый по структуре и запасам природный потенциал округа, наличие территорий для хозяйственного освоения и близость к странам Азиатско-Тихоокеанского региона.

Во всех регионах округа были приняты региональные программы реализации государственных стратегических планов развития Дальнего Востока. Анализ этих программ показывает, что при учете специфики своего региона их все объединяет идея дальнейшей стабилизации и прироста населения, повышения значимости человеческого фактора, разработки новой молодежной политики, модернизации социальной инфраструктуры, развития новых секторов экономики, укрепления аграрного сектора и др.

Последующие годы показали, что стратегические планы развития Дальнего Востока реализуются далеко не полностью и малоэффективно, поэтому начиная со второй половины 2013 г. вопросы дальнейшего социально-экономического и промышленного укрепления регионов Дальнего Востока активно обсуждаются в решениях и постановлениях Правительства страны. Так, 20 марта 2014 г. на совещании Правительства России о развитии Дальнего Востока обсуждался проект федерального закона “О территориях опережающего социально-экономического развития и иных мерах государственной поддержки регионов Дальнего Востока”. Этому закону в ближайшем будущем суждено стать главным документом, регулирующим основные направления промышленно-экономического, аграрного и социально-демографического развития Дальневосточного федерального округа. Выступая в апреле 2014 г. на международном форуме “Евразийская экономическая перспектива”, председатель Госдумы С. Нарышкин заявил, что “введение санкций Евросоюзом в отношении России лишь ускорит ее инте-

грацию со странами Азиатско-Тихоокеанского региона”³¹. Несомненно, в этих условиях именно Дальневосточный федеральный округ сыграет главенствующую роль в укреплении международного имиджа России, ее места и роли в мировых глобализационных и интеграционных процессах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Глобальный кризис западной цивилизации и Россия / Отв. ред. Г.В. Осипов. М., 2008 (Global'nyj krizis zapadnoj civilizacii i Rossija / Отв. red. G.V. Osipov. М., 2008).
- Попова С.М., Шахрай С.М., Яник А.А. Измерения прогресса. М., 2010 (Popova S.M., Shahraj S.M., Janik A.A. Izmerenija progressa. М., 2010).
- Регионы России. Социально-экономические показатели. М., 2011 (Regiony Rossii. Social'no-jekonomicheskie pokazateli. М., 2011).
- Российский статистический ежегодник. М., 2012 (Rossijskij statističeskij ezhegodnik. М., 2012).
- Россия в глобализующемся мире. Стратегия конкурентоспособности. М., 2005 (Rossija v globalizujushhemsja mire. Strategija konkurentosposobnosti. М., 2005).
- Россия в цифрах. М., 2013 (Rossija v cifrah. М., 2013).
- Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992 (Sorokin P.A. Chelovek. Civilizacija. Obshhestvo. М., 1992).
- Социальное знание на службе российского общества. М., 2010 (Social'noe znanie na sluzhbe rossijskogo obshhestva. М., 2010).

³¹ Российская газета. 2014. 18 апр. № 89 (6361).

А.Т. Коньков, докт. социол. наук, зав. кафедрой социологии Сахалинского государственного университета*

ПРОБЛЕМА ИНТЕГРАЦИИ ЭТНИЧЕСКИХ МИГРАНТОВ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ РОССИИ И ЕЕ ОСОБЕННОСТИ В САХАЛИНСКОЙ ОБЛАСТИ

A.T. Konkov

THE PROBLEM OF INTEGRATION OF ETHNIC MIGRANTS IN THE RUSSIAN FAR EAST AND ITS FEATURES IN SAKHALIN REGION

Миграция иностранных граждан на российский Дальний Восток в постсоветский период является сравнительно новым явлением. За последние 20 лет наметились определенные проблемы взаимодействия этнических мигрантов и принимающего общества. В статье представлены данные об этнической миграции в Дальневосточном регионе, которые могут служить эмпирической основой для анализа перспектив интеграции различных групп мигрантов в российское общество.

Ключевые слова: российский Дальний Восток, этническая миграция, межэтнические отношения, межэтническая напряженность, интеграция и адаптация этнических мигрантов.

Foreign migration to the Russian Far East is a comparatively new phenomenon; however within the period of the last 20 years there have emerged certain problems of interaction between ethnic migrants and the receiving society. The article provides data on ethnic migration in the Far Eastern region of Russia that can serve as an empirical background for analysis of how different groups of ethnic migrants could be integrated in the Russian society.

Key words: Russian Far East, ethnic migration, interethnic relationships, interethnic tension, integration and adaptation of ethnic migrants.

Этническая миграция является важным компонентом развития межнациональных отношений, фактором становления разнообразных форм взаимодействия различных этносов — от межкультурного обмена и культурной интеграции до межнациональной напряженности, конфронтации и масштабных межэтнических конфликтов.

Открытые межнациональные конфликты, или межэтническая напряженность, наблюдаемые в явной форме и на протяжении многих десятилетий, с большой вероятностью поддаются прогно-

зированию на основе анализа ранее выявленных тенденций межэтнического взаимодействия. Гораздо сложнее оценить потенциал межнациональной конфронтации в тех регионах, где этническая миграция — сравнительно новое явление, где открытые формы межнациональных конфликтов не представлены, а культура межнационального взаимодействия местного населения с этническими мигрантами еще не оформилась. Данное обстоятельство требует тщательного анализа тенденций развития межнациональных отношений в таких регионах, выявления актуальных и потенциальных сфер межэтнической напряженности и факторов, ее определяющих.

Диагностика потенциала межнациональной конфронтации в регионах, где основным фактором развития межнациональных отношений выступает “новая” российская этническая иммиграция XXI в., остается важной научной и методологической задачей. Сахалинская область представляет собой регион, где преобладает так называемая “новая” миграция, а именно миграционный приток выходцев из стран СНГ. Этот процесс принял массовый характер сравнительно недавно — на протяжении последних семи–восьми лет. За указанный сравнительно короткий период доля недавних мигрантов из стран СНГ в населении Сахалинской области выросла с менее чем 1 до 8–10%.

Исследование влияния подобных процессов на межнациональные отношения в регионе должно опираться на тщательно обоснованную методологию, которая могла бы послужить средством прогнозирования межэтнической напряженности. Сегодня важно понять, какова этническая принадлежность основных миграционных потоков на российский Дальний Восток, и на Сахалин в частности; какие стратегии и тактики поведения реализуют этнические мигранты, каким образом они интегрируются — если интегрируются — в российское общество. Необходимо выявить реакции принимающего общества на их присутствие как на уровне общественных представлений (оценок, стереотипов сознания), так и на уровне повседневных контактов. В этом контексте интеграция этнических мигрантов может быть определена как процесс адаптации мигрантов к условиям России и как адаптация принимающего общества к мигрантам.

Разработке инструментария оценки этнической миграции как фактора межэтнической напряженности был посвящен исследовательский проект кафедры социологии Сахалинского государственного университета (СахГУ), осуществленный в 2012–2014 гг. в рамках реализации научно-исследовательской программы “Методология оценки этнической миграции как фактора межнациональной напряженности”, выполненной при финансовой под-

* Коньков Александр Тимофеевич, e-mail: konkov_sakh@rambler.ru

держке Министерства образования и науки России. В настоящей публикации представлены основные результаты данного исследовательского проекта, выполненного группой сотрудников кафедры социологии СахГУ.

Основные цели исследования заключались в следующем:

– разработать методологические принципы выявления актуальной и потенциальной этнической напряженности и этнической конфронтации с участием этнических мигрантов для ситуаций, предшествующих открытому и масштабному межэтническому конфликту;

– предложить индикаторы оценки этнической напряженности для различных сфер межэтнического взаимодействия (включая сферу предпринимательства, рынок труда, правовую сферу, девиантное поведение, культурно-бытовую сферу, сферу религиозной практики и идеологические отношения);

– оценить потенциал межэтнической конфронтации, включая оценку ресурсных возможностей межэтнической конфронтации (экономических, организационных, административных); мобилизационных возможностей; лидерского потенциала; потенциала самоорганизации вероятных субъектов межэтнических конфликтов;

– определить возможности и предпочтительные формы интеграции этнических мигрантов в целях предотвращения эскалации межэтнической напряженности и открытых межэтнических конфликтов.

В рамках данного исследования были получены следующие теоретические результаты и эмпирические данные.

В теоретическом плане выполнена проработка концепции этнической миграции и межэтнической напряженности как одного из ее последствий. В результате исследования обоснована концепция “новой этнической миграции” как социального конструкта, противопоставляемого феномену этнической миграции периода существования СССР.

Осуществлен анализ эмпирических данных о состоянии этнической миграции в Дальневосточном регионе и в Сахалинской области, в том числе:

1. Получены данные о демографической структуре этнических мигрантов.

2. Определены параметры интеграции этнических мигрантов по критериям:

- а) трудовой адаптации;
- б) социальной адаптации;
- в) культурной адаптации;
- г) социальной интеграции.

3. Определены сферы межэтнической напряженности и потенциальной межэтнической конфронтации в условиях российского Дальнего Востока.

Рассмотрим указанные результаты подробнее. В ходе исследования было определено, что в настоящее время основную часть мигрантов, прибывающих на российский Дальний Восток в целом и в Сахалинскую область в частности, составляют выходцы из стран и регионов, существенно отличающихся от российского общества в культурном отношении, в уровне социального и экономического развития. Речь в первую очередь идет о выходцах из среднеазиатских стран СНГ, а также гражданах Китая и КНДР, многие из которых рассматривают российский Дальний Восток в качестве возможного места для постоянного проживания или места приложения своего труда на перспективу в несколько лет.

Указанные обстоятельства, дополняемые хроническим миграционным оттоком коренного русскоязычного населения с Дальнего Востока России, формируют сложную структуру межнационального взаимодействия местного населения и мигрантов. Особенную актуальность приобретает проблема культурной, экономической и социальной интеграции этнических мигрантов в российское общество, причем как тех, кто приезжает на время, так и тех, кто планирует остаться здесь на постоянное жительство.

Об актуальности проблематики этнической миграции в Дальневосточном регионе, и в Сахалинской области в частности, свидетельствуют цифры, характеризующие миграционные процессы в регионе.

За период с 1991 по 2014 г. население Дальневосточного региона сократилось с 8064 тыс. человек до 6226 тыс. человек. Уменьшение численности населения составило 1780 тыс. человек, или 22,07%. Основной вклад в уменьшение численности населения внесла миграция (около 80% от суммарного объема потери населения за период с 1989 по 2012 г.)¹. Определенный вклад в депопуляцию региона также вносит устойчивое превышение смертности над числом родившихся во всех субъектах федерации Дальневосточного региона.

В отдельных краях и областях уменьшение численности населения происходило особенно стремительно даже по дальневосточным меркам. Так, население Чукотского автономного округа уменьшилось со 163,9 тыс. человек в 1989 г. до 50,5 тыс. человек в 2010 г. (снижение на 69,18%); население Камчатского края за тот же период уменьшилось с 466,1 тыс. человек до 321,7 тыс. человек (сни-

¹ УФМС: миграционная ситуация в области стабильна и контролируема (электронный ресурс). URL: <http://www.sakhalin.info> (дата обращения: 15.08.2013).

жение на 30,97%); население Сахалинской области снизилось с 719 тыс. человек в 1992 г. до 498,0 тыс. человек на начало 2011 г. (уменьшение на 30,74%). Несколько лучше развивается ситуация в Хабаровском крае, где за период с 1992 по 2012 г. численность населения снизилась с 1634,0 тыс. человек до 1342,5 тыс. человек (на 17,84%). В Приморском крае и Амурской области уменьшение численности населения в период между переписями 1989 и 2010 гг. составило соответственно 13,37 и 20,96%².

Среди тех, кто покидает российский Дальний Восток, преобладают лица в трудоспособном возрасте: доля таких мигрантов составляла в разные годы от 64 до 67%³. Большинство из них составляют русскоязычные граждане, главным образом представители славянских национальностей Российской Федерации.

Встречный поток мигрантов, прибывающих на Дальний Восток России, представлен следующими группами мигрантов:

1. Граждане стран СНГ, среди которых лидируют по абсолютным цифрам прибывших мигранты из трех среднеазиатских республик: Киргизии, Таджикистана и Узбекистана. Менее значительную подгруппу мигрантов составляют граждане стран Закавказья: Азербайджана, Армении и Грузии; вклад граждан других государств бывшего СССР в миграционный поток прибывающих на российский Дальний Восток незначителен.

2. Граждане соседних для российского Дальнего Востока государств: Китая и КНДР, а также Вьетнама.

3. Граждане других стран дальнего зарубежья: Турции, Афганистана и др.

4. Российские граждане из региона Северного Кавказа (Дагестан, Ингушетия, Чеченская республика, Кабардино-Балкария, Северная Осетия).

5. Трудовые мигранты и переселенцы (как этнические славяне, так и представители других народов России) из других регионов России с преобладанием русскоязычного населения.

Удельный вес каждой из перечисленных групп в общем миграционном потоке, прибывающем на Дальний Восток, менялся на протяжении последних двух десятилетий, однако основную часть прибывающих мигрантов составляли и продолжают составлять мигранты из Средней Азии, Китая и КНДР.

На протяжении последних полутора десятилетий доля выходцев из стран дальнего зарубежья в миграционном потоке на Дальний Восток росла в период с 1996 по 2008 г. Большую часть мигран-

тов долгое время составляли граждане Китая. Остальные мигранты представлены главным образом выходцами из государств СНГ. В общем числе прибывших граждан стран СНГ составляли в 2007 г. 41,5%, в 2008 г. — 44,6%, а в миграционном приросте соответственно 52,5 и 55,1%⁴.

В Сахалинской области миграционная ситуация характеризуется преобладанием мигрантов из числа граждан стран СНГ. За девять месяцев 2013 г. через государственную границу на территорию области въехали более 29 тыс. иностранных граждан и лиц без гражданства. Всего же на миграционный учет за тот же период времени было поставлено 52 365 иностранцев, большинство из которых являются гражданами стран СНГ. С 1 января до 30 июня 2012 г. в Сахалинской области было поставлено на миграционный учет 18 110 иностранных граждан следующих стран СНГ⁵: граждан Узбекистана — 7215 человек, Киргизии — 5553 человека, Таджикистана — 1843 человека, Украины — 1114 человек, Армении — 860 человек, Азербайджана — 603 человека, Молдавии — 396 человек, Казахстана — 339 человек, Белоруссии — 187 человек.

Приведенные выше данные, характеризующие миграционный приток иностранных граждан на территорию островной области, значительны по отношению к общей численности населения области. При населении Сахалинской области, оцениваемом по состоянию на начало 2014 г. в 490 тыс. человек, наличие на статистическом учете более чем 52 тыс. мигрантов из других стран представляется значительным показателем. Кроме того, следует учесть, что в Сахалинской области происходит ежегодное снижение численности населения на 2000–2500 человек, а годовой дефицит рабочей силы составляет около 14 000 человек.

В условиях, когда массовый приток этнических мигрантов носит характер устойчивой тенденции, велика вероятность развития конфликтных отношений между мигрантами и принимающим обществом. При растущей интенсивности контактов принимающего общества и мигрантов формируются проблемные области противоречий и конфликтов. Напряжение накапливается по линиям этнокультурных различий (язык, религия, нормы поведения), из-за контраста культуры города, преобладающей в Сахалинской области, и культуры деревни, носителями которой выступает большая часть мигрантов. Также велик контраст между современной российской индивидуалистической культурой и общинной (традицио-

⁴ См.: Мотрич Е.Л. Трансформация миграционных связей Дальнего Востока России со странами ближнего и дальнего зарубежья // *Пространственная экономика*. 2010. № 2.

⁵ См.: Загребнов Е. Экономическая организация китайской миграции на российский Дальний Восток после распада СССР // *Прогнозис*. 2007. № 1 (9). С. 252–277.

² Там же.

³ Портал Всероссийская перепись населения 2010 года. URL: <http://www.perepis-2010.ru>

налистской) культурой, преобладающей среди выходцев из стран Центральной Азии. В общественном сознании все эти противоречия вытекают одно из другого, представляются как проявление общей напряженности между мигрантами и местными жителями.

Для преодоления возникающих противоречий и предотвращения серьезных межэтнических конфликтов большое значение будет иметь эффективная интеграция этнических мигрантов и их адаптация в рамках полиэтнической культурной среды. Без этого принимающее общество не будет чувствовать себя в безопасности, а мигранты не смогут реализовать свои трудовые и миграционные ожидания. В общем виде интеграция этнических мигрантов не тождественна их обязательной натурализации (хотя не исключает ее) и, по-нашему мнению, включает в себя следующие элементы:

а) приобретение мигрантами законного правового статуса в Российской Федерации;

б) аккультурацию, или приобщение мигрантов к нормам и ценностям принимающего общества;

в) привыкание принимающего общества к мигрантам, к культурному многообразию в качестве нормы.

Основными индикаторами успешной интеграции мигрантов в современном российском обществе можно считать выполнение следующих фундаментальных условий:

1. Легальный статус в стране пребывания. Это условие обеспечивается наличием у мигранта трудовой визы, вида на жительство или законное безвизовое пребывание в стране, наличие регистрации по месту пребывания или по месту жительства. Большое значение имеет наличие разрешения на работу (приглашение на работу или патент на занятие индивидуальной трудовой деятельностью).

2. Вовлеченность мигрантов в социальное пространство принимающего общества (включенность в систему социальных сетей местного населения внутри миграционного сообщества и особенно за его пределами; связи, знакомства, формирующие необходимый социальный капитал мигрантов).

3. Культурная адаптированность мигрантов (владение языком принимающего общества в объеме, позволяющем реализовывать себя в трудовой сфере, повседневном взаимодействии с институтами общества и местным населением; знание и соблюдение общепринятых в российском обществе норм поведения).

4. Толерантные взаимоотношения между мигрантами и гражданами принимающего общества. Необходимым условием этого является ощущение безопасности, отсутствие угрозы жизни и благополучию в связи со своей этнической принадлежностью, которое в равной мере должны испытывать местные жители и приезжие этнические мигранты. Внешним проявлением такой ситуации яв-

ляется сравнительно низкий уровень преступности с участием мигрантов и в отношении мигрантов.

Следует подчеркнуть, что без удовлетворения перечисленных условий невозможна успешная интеграция мигрантов, на законных основаниях стремящихся стать частью принимающего общества. Однако далеко не все мигранты, приезжающие на российский Дальний Восток и в Сахалинскую область в частности, намерены закрепиться в регионе на многие годы или постоянное жительство. По данным социологического исследования, выполненного кафедрой социологии Сахалинского государственного университета, среди этнических мигрантов из стран СНГ (Киргизия, Узбекистан, Таджикистан, Азербайджан, Армения), проживающих в Сахалинской области, более половины опрошенных (59,5%) заявили, что они не планируют оставаться на постоянное жительство в Сахалинской области. Около 22% респондентов заявили, что они хотели бы остаться в Сахалинской области, а 18,5% респондентов затруднились ответить на соответствующий вопрос.

Как свидетельствует практика, сложившаяся на Сахалине, большинство легальных мигрантов приезжает в Сахалинскую область на основе трудовых приглашений, т.е. легально въезжает на территорию области. В большинстве случаев это граждане стран Центральной Азии, а также выходцы из Азербайджана и Армении. Нелегальные мигранты представлены главным образом гражданами Китая, а также теми выходцами из указанных выше стран СНГ, чей нелегальный статус мигрантов обусловлен главным образом нарушением ими сроков пребывания на территории Российской Федерации после легального въезда на территорию страны.

Если принять в качестве ориентира полученное нами значение, согласно которому около одной пятой от общего числа этнических мигрантов в Сахалинской области желали бы остаться здесь на постоянное жительство, можно говорить о существовании запроса на социально-экономическую и культурную интеграцию таких мигрантов. Следует, однако, оговориться, что полученные данные относятся к ограниченной выборке исследования (383 человека), включавшей мигрантов из стран СНГ, вносящих наиболее заметный вклад в общий миграционный поток населения области. Данным исследованием не были охвачены мигранты из Китая, доля которых среди этнических мигрантов на Сахалине существенна, хотя и серьезно уступает доле граждан стран Центральной Азии.

По данным некоторых исследований, выполненных в Дальневосточном регионе, подавляющее большинство мигрантов из Китая прибывают на российский Дальний Восток для заработка, т.е. для временного проживания, и не стремятся осесть здесь на посто-

янное жительство. Согласно одному из исследований дальневосточных ученых, средний срок пребывания в России у большинства китайских мигрантов значителен и составляет от одного до четырех лет. Однако при этом лишь 15% из них имеют жилье в России, а остальные проживают в общежитиях, приспособленных для этих целей помещениях или снимают жилье. При этом подавляющее большинство китайских мигрантов заработанные деньги тратят в Китае, куда уезжают на один—два месяца в год; там же у большинства китайских мигрантов, состоящих в браке, остаются семьи⁶.

Имеются основания полагать, что в Сахалинской области ситуация с мигрантами из Китая имеет сходные черты с ситуацией с мигрантами по всему российскому Дальнему Востоку с той разницей, что удельный вес граждан Китая среди мигрантов на Сахалине заметно ниже, чем в других краях и областях Дальнего Востока. Кроме того, транспортные и экономические издержки, возникающие у китайских мигрантов, желающих попасть на Сахалин, значительно выше, чем у их сограждан, приезжающих в Приморье, Хабаровский край или Амурскую область. Также важно, что Сахалинская область не входит в число приграничных областей России и Китая, между которыми существует упрощенный порядок пересечения границы. Все это в определенной степени ограничивает приток китайских граждан на Сахалин.

С учетом указанных обстоятельств можно предварительно констатировать, что проблема интеграции этнических мигрантов в условиях Сахалинской области связана главным образом с необходимостью найти адекватные меры государственного и общественного реагирования в отношении мигрантов из республик Центральной Азии, Закавказья и некоторых других регионов, желающих закрепиться на Сахалине.

Современное положение этнических мигрантов на Сахалине характеризуется тем, что по одним аспектам интеграция мигрантов происходит успешно, в то время как другие механизмы интеграции мигрантов практически не действуют.

С точки зрения правового статуса большинство этнических мигрантов законно въезжают в область в рамках безвизового соглашения (граждане республик СНГ) или по официальным приглашениям компаний-работодателей. Основной проблемой является нарушение сроков пребывания граждан СНГ в Российской Федерации. Данное обстоятельство предопределяет двойственное правовое положение таких мигрантов: законно въехав на террито-

рию России, многие из них впоследствии становятся нарушителями миграционного законодательства, превышая установленные сроки пребывания на территории России. Они становятся участниками нелегального рынка труда. Такие нарушения в большей степени характерны для выходцев из республик Центральной Азии и в меньшей степени — для выходцев из Закавказья.

Значительная часть этнических мигрантов занята нелегально, а условия труда (даже в ситуациях легальной занятости) зачастую не соответствуют требованиям российского законодательства: отсутствуют трудовые контракты, прием мигрантов на работу не оформляется, заработная плата выплачивается наличными деньгами без соблюдения требований налогового законодательства. Условия занятости также нередко нарушают элементарные требования гигиены и техники безопасности. Такие условия ставят этнических мигрантов в весьма двойственное положение, поскольку контролирующие органы, обнаруживая нарушения, вправе задерживать мигрантов, налагать штрафы на их работодателей и в конечном счете депортировать мигрантов за пределы страны.

На легальном сегменте рынка труда у мигрантов есть возможность приобрести законный статус через получение патента на занятие трудовой деятельностью на территории Сахалинской области. В 2012 г. за семь месяцев с начала года количество иностранных граждан, получивших такие патенты, составило 4476 человек⁷. Правовой статус таких мигрантов является более защищенным, они лучше интегрированы в принимающее общество в социальном и экономическом отношении. Часто сферами занятости этой группы мигрантов становятся общественный транспорт, сфера бытовых услуг, общественное питание, сельское хозяйство.

С точки зрения вовлеченности мигрантов в социальное и культурное пространство принимающего общества ситуация выглядит противоречивой. Мигранты, как правило, в той или иной мере владеют русским языком. Уровень владения русским языком выше у граждан Армении, Азербайджана, Киргизии, сохранивших в той или иной степени преподавание русского языка в школе; в целом он ниже у граждан Узбекистана и Таджикистана.

В социально-культурном отношении степень интегрированности в российское общество неодинакова у мигрантов из разных стран и у групп мигрантов, отличающихся сроком проживания в Российской Федерации. Одним из показателей социальной адаптированности мигрантов является наличие у них устойчивых социальных связей за пределами собственного этнического сообщества.

⁶ См.: Мотрич Е. Население Дальнего Востока и стран СВА: современное состояние и перспективы развития // Перспективы Дальневосточного региона: население, миграция, рынки труда. М., 1999.

⁷ Портал Всероссийской переписи населения 2010 года. URL: <http://www.perepis-2010.ru>

По данным упомянутого выше выборочного опроса, имели друзей среди местного населения не из числа представителей собственной этнической группы 46% респондентов, в том числе 92% опрошенных армян, 88 — азербайджанцев, 55 — киргизов, 40 — таджиков, 34% — узбеков. Степень включенности в социальные связи за пределами собственного этнического сообщества позитивно связана с двумя факторами: а) знанием русского языка и б) длительностью проживания на Сахалине.

Азербайджанская и армянская диаспоры на Сахалине являются относительно “старыми”, сформировавшимися еще в советское время; сегодня они пополняются главным образом за счет мигрантов, имеющих хороший уровень владения русским языком. В противоположность этому миграция на Сахалин граждан государств Центральной Азии является сравнительно новым явлением, приобретшим массовый характер в начале XXI в. Как правило, мигранты из этих государств являются выходцами из сельской местности, имеют низкий уровень образования, а также низкий уровень владения русским языком. В культурном отношении народы Центральной Азии сильнее отличаются от доминирующего населения Сахалинской области по сравнению с выходцами из Армении и Азербайджана. Все эти обстоятельства делают интеграцию граждан государств Центральной Азии на Сахалине более проблематичной. Тем не менее часть прибывающих этнических мигрантов имеет выраженные установки на интеграцию в российское общество — стремится получить вид на жительство или гражданство Российской Федерации, намерена остаться в России на постоянное жительство. В условиях Сахалинской области данная тенденция находит свое отражение в том, что в 2010–2012 гг. ежегодно около 1 тыс. граждан СНГ принимали российское гражданство (большую часть из них составляли граждане Киргизии, с которой у Российской Федерации действовало соглашение об упрощенном порядке принятия граждан этой республики в российское гражданство).

О степени толерантности принимающего общества в отношении мигрантов в условиях Сахалинской области можно судить по отсутствию выраженной межэтнической конфронтации, отсутствию у местного населения опыта насильственных межэтнических конфликтов. В целом население Сахалинской области отличается низкой степенью актуализации этнических предрассудков и национальной нетерпимости. Тем не менее некоторые группы мигрантов чаще, чем другие группы, сталкиваются с проявлениями нетерпимого отношения к себе со стороны представителей других национальностей. Согласно результатам выборочного социологического исследования, чаще других о таких фактах сообщали мигранты из

Киргизии (12%), Таджикистана (8%), Узбекистана (6%). Среди выходцев из Армении с подобными проявлениями сталкивались лишь 2% опрошенных, а среди выходцев из Азербайджана — 4% респондентов.

Осознание этническими мигрантами необходимости освоения культурных норм принимающего общества является одним из важных условий их полноценной интеграции. Отсутствие такого осознания или сознательное стремление к культурной сепарации нередко служит одним из факторов межэтнической напряженности и эскалации межнациональных конфликтов. В этой связи представляют интерес ответы этнических мигрантов на вопрос о том, как они оценивают свои знания культуры, правил и обычаев местного населения. Среди выходцев из Армении около 80% респондентов ответили, что они “хорошо” знают правила и обычаи местного населения; среди выходцев из Азербайджана таких оказалось 72%. По сравнению с указанными двумя группами лишь 20% респондентов, прибывших из Таджикистана, считают, что они хорошо знакомы с правилами и обычаями местного населения. Среди выходцев из Узбекистана и Киргизии таких респондентов оказалось 26 и 32% соответственно.

В целом необходимо отметить, что проблема интеграции этнических мигрантов на Сахалине в том виде, как она представлена в настоящее время, становится все более актуальной. По мере увеличения доли этнических мигрантов среди населения Сахалинской области создаются предпосылки для формирования в поселенческой структуре Сахалинской области этнических кластеров, сформированных по национальному и территориальному принципу. Подобные этнические кластеры формируются как в поселенческой структуре, так и в экономической сфере, в которой возникают очаги “анклавной экономики” этнических меньшинств.

Выполненное нами исследование позволило выделить основные сферы межэтнической напряженности между мигрантами и принимающим обществом в условиях современного российского общества. К ним относятся:

– Рынок труда в той его части, которая определяется нами как неофициальный рынок труда. Здесь сосредоточены этнические мигранты, утратившие или никогда не имевшие легального статуса для пребывания и трудовой деятельности в Российской Федерации. Субъектами межэтнической напряженности выступают трудовые мигранты и их работодатели, представляющие местное население, а также посредники, частично представленные легальными мигрантами и частично — местным населением.

– Рынок жилья, в особенности сегмент съемного низкогокачественного и ведомственного жилья (общежития), сдаваемого в наем

этническим мигрантам. Субъектами межэтнической напряженности выступают этнические мигранты и местные жители, а также разные группы этнических мигрантов (как легальных, так и нелегальных), представленные на данном сегменте рынка съемного жилья.

— Отдельные сегменты экономической деятельности в регионе. В первую очередь это розничная торговля, строительство, общественный транспорт. Сегодня эти секторы экономики Сахалинской области в значительной мере трансформировались в анклав этнического предпринимательства. Субъектами межэтнической напряженности здесь выступают этнические мигранты, с одной стороны, представители мелкого бизнеса и соискатели рабочих мест из числа представителей этнического большинства — с другой. Поле напряженности выступает конкуренция за контроль над местами розничной торговли, демпинг цен и заработной платы, недобросовестная конкуренция.

— Культурно-бытовая и образовательная сфера. Здесь проявляются различия в бытовом укладе этнических мигрантов и местного населения, недостаточный уровень владения мигрантами русским языком, недостаточное знание и соблюдение ими социальных и культурных норм принимающего общества. Субъектами межэтнической напряженности выступают этнические мигранты и широкие группы населения из числа этнического большинства.

— Сфера религиозной практики. Субъектами межэтнической напряженности являются этнические мигранты, стремящиеся сохранить традиционные для них религиозные практики, и широкие слои местного населения, не готового к принятию некоторых форм выражения религиозности и соответствующих социальных практик (включая, например, отсутствие у большей части населения Сахалинской области опыта проживания с соседями-мусульманами).

Все указанные сферы мы оцениваем как потенциально конфликтогенные. Обострение конкуренции и непонимания в каждом из названных полей взаимодействия мигрантов и местного населения может, как нам представляется, привести к эскалации существующей в настоящее время межэтнической напряженности и перетеканию ее в открытые межэтнические конфликты.

В указанных обстоятельствах приток этнических мигрантов на Дальний Восток России способствует изменению этнической структуры населения региона и одновременно с этим создает предпосылки для формирования этнических диаспор и неинтегрированных этнических сообществ. Для преодоления возникающих противоречий и предотвращения серьезных межэтнических конфликтов большое значение имеет первичная адаптация этнических мигран-

тов в рамках полиэтнической культурной среды с возможностью интеграции тех из них, которые находятся в регионе на законных основаниях. В общем виде успешная интеграция этнических мигрантов включает в себя: а) аккультурацию, или приобщение мигрантов к нормам и ценностям принимающего общества; б) призывание принимающего общества к мигрантам; в) натурализацию мигрантов (установление правил и условий приобретения мигрантом статуса постоянного жителя или гражданина принимающей страны).

В настоящее время интенсивность миграции в Сахалинскую область выходцев из различных государств ближнего и дальнего зарубежья остается на уровне, поддающемся контролю и не препятствующему аккультурации мигрантов. Отношение жителей Дальневосточного региона к мигрантам в целом можно определить как толерантное, что, однако, не исключает проявления настороженности. Регулирование миграционных процессов в условиях Дальневосточного региона, испытывающего хронический отток населения и дефицит трудовых ресурсов, должно опираться на ясное понимание того, сколько и каких мигрантов может и желает принять регион и на каких условиях. Решая указанную задачу, общество должно стремиться обеспечить условия для эффективной интеграции в него тех мигрантов, которые отвечают предъявляемым к ним требованиям и желают стать постоянными жителями новой для них территории. В этой связи исследование и осмысление проблем интеграции этнических мигрантов в специфических условиях российского Дальнего Востока остается важной теоретической и прикладной научной задачей.

Статья выполнена в рамках НИР “Методология оценки этнической миграции как фактора межнациональной напряженности” при финансовой поддержке Министерства образования и науки РФ (Конкурс 2012 г. — “Проведение фундаментальных исследований в рамках тематических планов вузов”. Регистрационный номер 01201252443).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Загребнов Е. Экономическая организация китайской миграции на российский Дальний Восток после распада СССР // Прогнозис. 2007. № 1 (9). С. 252–277 (Zagrebnov E. Jekonomicheskaja organizacija kitajskoj migracii na rossijskij Dal'nij Vostok posle raspada SSSR // Prognosis. 2007. N 1 (9). S. 252–277).

Мотрич Е.Л. Трансформация миграционных связей Дальнего Востока России со странами ближнего и дальнего зарубежья // Пространственная экономика. 2010. № 2 (Motrich E.L. Transformacija migracionnyh svjazej Dal'nego Vostoka Rossii so stranami blizhnego i dal'nego zarubezh'ja // Prostranstvennaja jekonomika. 2010. N 2).

Мотрич Е. Население Дальнего Востока и стран СВА: современное состояние и перспективы развития // Перспективы Дальневосточного региона: население, миграция, рынки труда. М., 1999 (*Motrich E.* Nаселение Dal'negо Vostoka i stran SVA: sovremennoe sostojanie i perspektivy razvitija // Perspektivy Dal'nevostochnogo regiona: naselenie, migracija, rynki truda. М., 1999).

Портал Всероссийской переписи населения 2010 года. URL: <http://www.perepis-2010.ru> (Portal Vserossijskoj perepisi naselenija 2010 goda. URL: <http://www.perepis-2010.ru>).

УФМС: миграционная ситуация в области стабильна и контролируема (электронный ресурс). URL: <http://www.sakhalin.info> (дата обращения: 15.08.2013) (UFMS: migracionnaja situacija v oblasti stabil'na i kontroliruema (elektronnyj resurs). URL: <http://www.sakhalin.info> (data obratsheniya: 15.08.2013).

СЛОВО МОЛОДОМУ УЧЕНОМУ

Л.А. Беспалая, асп. кафедры политологии и социологии политических процессов социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова*

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ И ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ НА МАТЕРИАЛАХ ЦЕНТРАЛЬНОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА

L.A. Bepalaya

CIVIL SOCIETY IN MODERN RUSSIA: FORMATION AND DEVELOPMENT (BASED ON CFD MATERIALS)

В статье рассматриваются особенности формирования и проблемы развития гражданского общества в современной России на примере Центрального федерального округа. Автор определяет необходимые социально-экономические и политико-культурные условия для успешного становления гражданского общества в нашей стране.

Ключевые слова: гражданское общество, политическая система, Центральный федеральный округ, общественные палаты, общественный контроль, гражданское участие, общественные объединения, малый и средний бизнес, средний класс, социальный потенциал.

The article considers the problem of formation and development of civil society in contemporary Russia as an example of the Central Federal District. The author defines the necessary social, economic, political and cultural conditions for the successful development of civil society in our country.

Key words: civil society, the political system, Central Federal District, public chambers, public control, civic participation, public associations, small and medium businesses, the middle class, social potential.

Лидирующая роль государства в странах транзитного типа, в том числе и России, заключается в создании необходимых условий, способствующих утверждению демократической политической системы и постепенному “вызреванию” гражданского общества¹. Это происходит через развитие демократических социально-поли-

* Беспалая Лилия Анатольевна, e-mail: iloveflower@mail.ru

¹ Под гражданским обществом понимается “совокупность социальных связей, отношений и институтов, функционирующих относительно независимо от политической власти и способных через систему институтов опосредования (политические партии, группы интересов, группы давления) оказывать на нее воздействие в принятии тех или иных решений” (*Федоркин Н.С.* Гражданское общество в России: проблемы и трудности формирования // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 18. Социология и политология. 2005. № 4. С. 3).

тических институтов, усвоение соответствующих политико-культурных и правовых ценностей и наличие в обществе социальной базы, основой которой является средний класс. От государственного курса зависит процесс и конечный итог модернизационных преобразований таких стран. Активная поддержка формирующегося гражданского общества со стороны государства приводит к постепенной стабилизации демократической политической системы и утверждению относительно равноправных «партнерских» отношений между государством и гражданским обществом. При противоположном курсе, т.е. при нежелании власти осуществлять реальную поддержку в становлении гражданского общества через создание необходимых условий, гражданское общество превращается в номинальное, не способное оказывать влияние на процесс принятия политических решений.

Существующие в современной России институциональные особенности, социально-экономическая обстановка, исторический опыт страны, базовые характеристики политической культуры образуют особую, весьма подвижную совокупность факторов, постоянно воздействующих на воспроизводство политических отношений, а также влияющих на специфику формирования гражданского общества в нашей стране.

В силу исторических особенностей социально-политической системы одной из главных характеристик российских трансформаций являлось то, что все они по своему замыслу и характеру проводились исключительно как преобразования «сверху». Таким образом, государство выступало инициатором либерального переустройства, направляющего страну по западноевропейскому пути. Такая генетическая особенность происходила из общего хода исторического развития, в котором государству изначально принадлежала ведущая роль.

«Догоняющее» развитие на протяжении нескольких столетий происходило тогда, когда общество в силу различных объективных и субъективных причин не было способно воспринять предложенные государством изменения. Большинство отечественных общественно-политических трансформаций осуществлялось на неподготовленной почве, в условиях практически полного отсутствия социальной базы для своей реализации, что в результате приводило к нарастанию кризисных явлений в стране. Это было актуально и для постсоветской эпохи нашей истории. Не принимая во внимание существующие трудности, государство, приступая к реализации проекта перехода к демократической политической системе, не было полностью готово к претворению его в жизнь, поскольку не имело четких конечных целей реформирования общества. Таким образом, «несоответствие между стратегиями проектов «сверху»

и наличием средств для достижения этих целей»² образовывало противоречие, тормозящее процесс утверждения демократии и соответствующее ему становление гражданского общества.

Помимо отсутствия необходимого фундамента для осуществления глобальных модернизационных проектов важная особенность нашей страны, влияющая на построение взаимоотношений между государством и обществом, заключается в территориальном масштабе России, различии географических и природно-климатических условий каждого федерального округа. Это нашло отражение в особенностях хозяйственной деятельности округов и как следствие — в различном уровне социально-экономического развития субъектов, входящих в тот или иной округ РФ.

Благоприятная социально-экономическая обстановка способствует более высокой концентрации человеческих ресурсов, влияет на увеличение социального капитала гражданского общества, т.е. на возможности проявления его «голоса». В тех субъектах РФ, где отмечаются хорошие показатели индекса развития человеческого потенциала (ИРЧП)³, гражданская активность населения проявляется наиболее полноценно. Большинство субъектов Центрального федерального округа (ЦФО) относится к структурам со средним уровнем индекса человеческого развития⁴. В связи с этим Центральный федеральный округ представляет интерес для исследования основных особенностей в процессе формирования гражданского общества, поскольку имеет определенные социальные, экономические, политические предпосылки, являющиеся необходимыми для его успешного становления. Эти предпосылки также проявляются в следующем.

Во-первых, в плотности городского населения. Согласно официальной статистике, доля городского населения в ЦФО на 1 ян-

² Карпова Н.В. Политико-культурный контекст российских реформ (историко-социологический сравнительный анализ) // Политическая культура в современной России: состояние, проблемы, пути трансформации. Материалы «круглого стола» / Под ред. Н.С. Федоркина, Н.В. Карповой. М., 2009. С. 12.

³ Индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП), а с 2013 г. — индекс человеческого развития (ИЧР). ИЧР является агрегатным показателем прогресса субъектов по трем измерениям: здоровье, образование и доход (уровень жизни). Каждое из указанных измерений формируется из таких индикаторов, как: ожидаемая продолжительность жизни при рождении, средняя продолжительность обучения, ожидаемая продолжительность обучения, валовый национальный доход на душу населения. Сравнение индекса субъектов и стран, по мнению специалистов, достаточно условно, но показательно, высокий показатель данного индикатора начинается с отметки 0,677, что говорит о неплохом уровне развития округа. Среди субъектов—лидеров ЦФО выделяется г. Москва (0,931) и Белгородская область (0,866).

⁴ Доклад о человеческом развитии в Российской Федерации за 2013 г. URL: <http://www.undp.ru/documents/NHDR-2013.pdf>

варя 2013 г. составляет 81,7%⁵. Города привлекают наиболее инициативную часть общества, заинтересованную перспективами улучшения своего социального положения и предоставлением качественных образовательных и медицинских услуг, более широкими возможностями по повышению личного дохода и участию в общественной и политической жизни страны. Таким образом, мегаполисы и крупные города — это основа “сосредоточения” социальной базы гражданского общества — среднего класса⁶.

Во-вторых, ЦФО характеризуется наиболее широким спектром общественных объединений. Как правило, они тяготеют к крупным населенным пунктам, где сконцентрировано население, ближе властные структуры, более организованные и инициативные граждане⁷. По результатам всероссийских опросов населения социологи определили, что жители городов с населением от 100 до 500 тыс. человек проявляют наибольшую готовность к гражданской активности, к участию в деятельности общественных объединений. Осведомленность об их наличии также существенно выше в крупных городах, хотя и там она составляет лишь 18%⁸.

В-третьих, в уровне гражданской активности населения. Исследователи отмечают, что в субъектах ЦФО уровень гражданской активности значительно выше, чем общероссийский⁹. Это во многом объясняется неплохими социально-экономическими показателями

⁵ По данным официальной статистики, в ЦФО крупных городов 41 (2 города-миллионера, 4 крупнейших (население от 500 тыс. до 1 млн жителей), 11 крупных (население от 250 тыс. до 500 тыс. жителей), 24 больших (население от 100 тыс. до 250 тыс. жителей)) (Центральный федеральный округ. Об округе // Официальный сайт ЦФО. URL: <http://cfo.gov.ru/>).

⁶ В мегаполисах средний класс составляет половину населения (51%), в крупных городах — 47%. Доля представителей ядра среднего класса максимальна в мегаполисах (24%) (см.: *Бутрин Д., Мануйлова А.* Женщины на госслужбе всем довольны // Коммерсант. 2014. 26 мая. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2479506>).

⁷ Согласно данным, в ЦФО значительно преобладает доля устойчивых объединений (78%), функционирующих не первый год, что является показателем зрелости общественных организаций. В то же время в субъектах ЦФО наблюдается динамика роста численности “новых” общественных объединений, которая свидетельствует об усилении гражданских инициатив. В ЦФО темп роста числа общественных объединений превышает общероссийский. В пределах Центрального федерального округа наиболее высокий темп развития общественных объединений характерен для таких субъектов, как: Москва, Московская, Воронежская и Тверская области. Это урбанизированные субъекты с развитой экономикой, сложной социальной структурой, обширными межрегиональными и зарубежными связями, обладающие значительным потенциалом развития (см.: *Гражданское общество в регионах ЦФО: состояние, проблемы и перспективы развития.* URL: http://www.oscfo.ru/files/otchet_02.pdf).

⁸ Общественная палата РФ. Доклад о развитии гражданского общества в современной России за 2013 год. URL: http://www.oprf.ru/files/2014dok/doklad_grazhdanskoe_obshestvo_2013_itog.pdf

⁹ Гражданское общество в регионах ЦФО...

телями по сравнению с другими федеральными округами. Удовлетворив основные потребности, граждане начинают отстаивать не только личные интересы, но и общественные.

В-четвертых, в ЦФО особую роль играет такой мегаполис, как Москва, хотя оценка его роли в округе является противоречивой. С одной стороны, он создает максимально комфортные условия для развития институтов гражданского общества и осуществления предпринимательской деятельности. С другой — поглощает лучшие кадры, и в результате контраст между столицей и субъектами ЦФО многократно возрастает¹⁰.

Социологами признается сам факт существования гражданского общества в ЦФО, а также степень его важности для успешного развития округа в будущем в контексте налаживания взаимного диалога между обществом и властью. Однако несмотря на существующий социальный потенциал, имеется ряд определенных проблем, которые тормозят процесс развития гражданского общества как в округе, так и в целом по стране. Цель данной статьи заключается в стремлении определить основные проблемы и особенности развития гражданского общества в России на примере субъектов ЦФО¹¹.

К одной из актуальных социальных проблем, являющихся реальным препятствием для демократического развития страны, относится возникшая в 1990-е гг. проблема острого социального неравенства. Согласно данным Института социологии РАН, 59% российского населения попадает под категорию, характеризующуюся тремя параметрами уровня жизни: “ниже черты бедности”, “на грани бедности”, состояние “малообеспеченности”¹². Невысокий уровень жизни большинства населения порождает отстраненность от общественно-политической жизни страны, поскольку уровень и качество жизни жителей находятся в тесной взаимосвязи с уровнем гражданской активности.

Очевидно, что в обществе, в котором существует острое противостояние бедности и богатства, реализация ценностей и идеалов демократии крайне затруднительна. Такая социально-экономиче-

¹⁰ Помимо Москвы в состав ЦФО входит 17 субъектов с населением 38,7 млн человек и территорией 650,3 тыс. км² (согласно данным Росстата на 1 января 2013 г.) (см.: *Гражданское общество в регионах ЦФО...; Центральный Федеральный округ...*).

¹¹ Опорным пунктом для статьи послужил доклад Общественной палаты РФ “Состояние гражданского общества в современной России” за 2013 г. и исследование “Гражданское общество в регионах ЦФО: состояние, проблемы и перспективы развития”, подготовленное Комиссией по развитию гражданского общества и общественной безопасности Общественного совета ЦФО совместно с аппаратом полномочного представителя Президента РФ в ЦФО.

¹² См.: *Горшков М.К.* Российское общество как оно есть. М., 2011. С. 168.

ская ситуация исключает возможность формирования социально-политической обстановки, которая могла бы привести к возникновению доверия между различными слоями общества, а также толерантной среды, без которой невозможно сформировать дееспособное гражданское общество, активистский тип политической культуры, условия для устойчивого развития страны и продвижения ее к реальной демократии. Принимая во внимание проблему, связанную с существующим социальным неравенством в российском обществе, разрывом между элитой и большей частью населения, можно утверждать, что одним из центральных моментов является вызревание социальных групп, способных обеспечить формирование гражданского общества в России. В качестве таких групп рассматриваются новая ответственная политическая элита и средние слои общества. Однако немногочисленность среднего класса в нашей стране также является существенной проблемой на пути становления гражданского общества¹³.

Лидирующая роль в преодолении сложившейся ситуации принадлежит государству, которое должно направить усилия на увеличение численности среднего класса, необходимого для стабильного функционирования гражданского общества. Это возможно осуществить посредством поддержки мелкого и среднего бизнеса. Именно предприниматели составляют активную основу среднего класса, поскольку заинтересованы в соблюдении таких демократических принципов, как неприкосновенность частной собственности, наличие экономической свободы для реализации своих интересов, независимое судопроизводство и т.д.

¹³ Существуют различные точки зрения относительно критериев выделения среднего класса, а также его процентного уровня в нашей стране. Согласно аналитическому докладу Института социологии РАН «Средний класс в современной России: 10 лет спустя», 42% населения нашей страны могут считаться средним классом. Критериями выделения являлись: уровень образования (наличие как минимум среднего специального), уровень благосостояния (доход не ниже средних цифр для данного поселения, количество товаров длительного пользования не меньше, чем у населения в целом), профессиональный статус (человек занят нефизическим трудом) и самоидентификация человека. Безусловно, эти данные являются сильно завышенными, поскольку критерии предполагают возможность включения в состав среднего класса большего числа людей, чем при использовании западных образцов. Если обратиться к данным Независимого института социальной политики, в основе которых лежали западные критерии, то лишь 8% населения России можно отнести к среднему классу: это та часть населения, у которой за 20 лет после распада СССР появились новые способы пополнять бюджет при помощи доходов от собственности и финансовых активов, бизнеса (см.: Социологи изучили средний класс в РФ: проповедует советские ценности, лоялен власти и не хочет перемен // NEWSru.com. 2014. 02 июня. URL: <http://newsru.com/russia/02jun2014/middle.html>). Однако, на наш взгляд, наиболее приближенная к российским реалиям цифра колеблется в районе 26% (см.: Горшков М.К. Указ. соч. С. 228).

В нашей стране слой предпринимателей, их объединения и ассоциации не имеют серьезных возможностей влияния на политическую систему в связи с их немногочисленностью и трудностями в процессе осуществления предпринимательской деятельности. Государственная политика в отношении малых и средних предприятий (далее — МСП) в РФ строится на основе самых общих представлений, согласно которым предпринимательство нужно развивать и поощрять для оживления экономических процессов. Более того, само государство ограничивает перспективы его развития. Согласно отчету о состоянии национального предпринимательского климата за 2012 г., подготовленному Общероссийской общественной организацией малого и среднего предпринимательства «ОПОРА России»¹⁴, в список ключевых для МСП проблем помимо дефицита кадров входит уровень налоговой нагрузки на предприятия, связанный с увеличением страховых взносов. Среди других трудностей стоит отметить низкую доступность финансовых ресурсов (48% респондентов отмечают, что главным препятствием для получения финансирования являются неподъемно высокие ставки по кредитам), земли и недвижимости (каждый второй производственный бизнес сталкивается со значительными трудностями в ходе покупки или аренды земельных участков и производственных помещений), административные барьеры (треть компаний считает барьеры настолько тяжелым бременем, что приспособиться к ним не получается), коррупцию (лишь 13% опрошенных заявляют, что «коррупции в регионе не существует», но столько же, 13%, признают, что практикуют «неформальные» вы-

¹⁴ Главной целью исследования была всесторонняя оценка условий развития малого и среднего предпринимательства в субъектах и городах России, а также их сравнение путем составления рейтингов субъектов и городов по общему качеству предпринимательского климата. Рейтинг субъектов сформирован на основании Индекса условий для развития малого и среднего бизнеса, который включает в себя пять слагаемых: «Недвижимость и инфраструктура», «Людские ресурсы», «Финансовые ресурсы», «Административный климат и безопасность», «Система поставщиков». Согласно этому исследованию, в «десятку» субъектов с наилучшими условиями вошли такие субъекты ЦФО, как Московская, Белгородская и Липецкая области, а также активно индустриализующаяся Калужская область. Авторы исследования делают оптимистичный вывод, что «практически любой субъект РФ может обеспечить хорошее качество условий для производства малого бизнеса, с какими бы проблемами это ни было связано». Наиболее низкие позиции среди всех субъектов ЦФО занимает Ярославская область (31-е место). Этот субъект сконцентрирован на привлечении крупного иностранного бизнеса, из-за чего качественные людские ресурсы для малого бизнеса оказываются менее доступными. Москва занимает 17-е место среди 40 лучших субъектов РФ (см.: Предпринимательский климат в России: Индекс ОПОРЫ 2012 // Официальный сайт Национального института системных исследований предпринимательства. 2012. 26 дек. URL: http://www.nisse.ru/business/article/article_1998.html).

платы чиновникам)¹⁵. Если к перечисленным трудностям добавить, что существенная доля российского бизнеса продолжает находиться “в тени”, это говорит об острой необходимости решения существующего круга проблем через более продуманную, комплексную и последовательную политику в отношении среднего и малого бизнеса. Это возможно через выделение четких приоритетов финансовой и имущественной поддержки, систему определенных мер, связанных с налоговыми послаблениями для развития МСП.

В настоящее время ЦФО — лидер среди федеральных округов по числу малых предприятий и количеству занятых в них. В округе сосредоточено около 30% малых предприятий страны¹⁶. Положение и поддержка предпринимателей в ЦФО зависят от конкретного субъекта, где власть либо стремится поддерживать развитие предпринимательства, либо не уделяет этому вопросу соответствующего внимания. Государство финансирует целевые программы, которые реализуются во всех субъектах ЦФО¹⁷, однако вопрос состоит в том, как эти программы осуществляются и какие предприятия поддерживаются. Это показательно на примере Калужской области, которая имела серьезные проблемы в развитии МСП и смогла тем не менее их преодолеть¹⁸.

Как правило, поддержка со стороны государства ограничивается помощью именно начинающим предпринимателям через предоставление грантов на создание собственного дела, возмещение затрат,

¹⁵ Там же.

¹⁶ Весомую долю вносят г. Москва и Московская область, где в совокупности действуют почти 17% всех малых предприятий России и работают более 12,5% занятых в данном секторе по стране. По количеству юридических лиц — субъектов МСП на 1 тыс. человек лидирует Ярославская область, обгоняя по данному индикатору столицу; по количеству индивидуальных предпринимателей на 1 тыс. человек — Брянская область. По показателю доли занятых в секторе МСП в общем количестве занятых в экономике по итогам 2010 г. первое место в ЦФО заняла Владимирская область (33,7%), наименьшая доля занятых в МСП — в Белгородской области (22,1%). Отраслевая структура МСП в ЦФО, как и в стране в целом, имеет существенный перекос в сторону оптовой и розничной торговли. Оборот МСП в данном секторе на порядок превышает его величину в других секторах, включая обрабатывающие производства, строительство, транспорт и связь (см.: Гражданское общество в регионах ЦФО...).

¹⁷ На территории округа действуют фонды по поддержке предпринимательства, координационные органы — Советы по развитию малого и среднего предпринимательства, в состав которых входят представители бизнес-сообщества, региональных отделений Общероссийской общественной организации ОПORA и другие. Аналогичные советы созданы на муниципальном уровне.

¹⁸ Региональным фондом поддержки предпринимательства разработан уникальный финансовый продукт “555”: займ до 5 млн руб. при процентной ставке от 5% выдаются на срок до пяти лет. В прошлом году было заключено 112 таких договоров на общую сумму более 150 млн руб. (см.: Шуленова Е. Как большим. В регионах ЦФО готовы вкладывать средства в развитие предпринимательства // Российская газета. 2014. 17 июня. URL: <http://www.rg.ru/2014/06/17/reg-cfo/biznes.html>).

связанных с приобретением производственного оборудования, возмещение процентов по банковским кредитам и расходов по договорам лизинга. Однако в процессе дальнейшего развития предприятие сталкивается с целой совокупностью проблем, указанных выше. Если подытожить ситуацию, которая сложилась вокруг малого и среднего бизнеса в ЦФО и в стране в целом, можно сделать вывод о том, что он не развивается, а скорее выживает с переменным успехом, используя те небольшие возможности, которые предоставляет государство. Несмотря на некоторые усилия, наблюдается общая несбалансированность в осуществлении государственной политики по поддержке МСП. Для того чтобы изменить сложившуюся ситуацию, необходимо создавать условия для развития МСП, поощрять предпринимательскую инициативу, направлять гранты не приближенным к властным структурам предприятиям, а непосредственно тем организациям, которые будут благотворно влиять на экономическое развитие субъекта ЦФО. Выполнение перечисленных условий найдет отражение как в количестве, так и в “качестве” российского среднего класса.

Профессиональную основу среднего класса в современной России, по оценкам ИС РАН, уверенно составляют работники госсектора. В ядре среднего класса их количество достигло по состоянию на 2014 г. 68%, а на периферии — 43%. При этом его ядро демонстрирует максимальный уровень удовлетворенности своей работой (61% оценивает ее на “хорошо”) по сравнению как с его периферией (41%), так и с остальным населением (26%). Таким образом, большая часть российского среднего класса находится в прямой зависимости от государства. Это говорит о сильном отличии российского среднего класса от среднего класса стран Запада, где его основа — частные предприниматели, ученые, медики, которые работают в негосударственных структурах и имеют высокую степень автономности в своей деятельности.

Как отмечает глава Центра комплексных социальных исследований института социологии РАН Владимир Петухов, наш средний класс — это “отражение всего российского общества”¹⁹. В отношении политических воззрений его представителей существует некая амбивалентность: соединение патерналистских ориентаций российского “генотипа” и новых гражданских установок, усвоенных в пореформенный период. Практически половина ядра среднего класса считает, что “России необходима твердая рука” (в целом по стране за жесткий подход выступает 59% населения), при этом 50% граждан признают, что демократические ценности должны быть превыше всего. Еще большее число россиян выступает за

¹⁹ Социологи изучили средний класс в РФ...

стабильность: примерно 70% и среднего класса, и остального населения²⁰. Очевидно, лояльность власти, нежелание перемен и политическая пассивность — это не те характеристики, которые должны быть присущи среднему классу, наоборот, он должен отличаться активностью участия в общественно-политической жизни страны, стремлением изменить ее к лучшему.

Представители среднего класса практически не включены в реальный политический процесс. Большинство (62%) никакого участия в политической жизни не принимают, они не стремятся к самоорганизации и созданию политических ассоциаций²¹, общественных объединений и организаций по защите прав граждан, непосредственно являющихся институтами гражданского общества. В современном российском обществе сложился определенный “когнитивный вакуум” (термин Г.Г. Дилигенского): люди не имеют иного опыта участия в демократическом процессе кроме выборов. Это во многом связано с тем, что в нашей стране пока не существует демократической элиты, способной обучать граждан и распространять образцы либеральной практики. Исторический опыт, мозаичность политической культуры, низкий уровень социального доверия в обществе, острое социальное неравенство, высокая степень зависимости среднего класса от государства также влияют на уровень гражданской и политической активности населения, сосредоточивая внимание граждан на решении прежде всего личных проблем.

Авторы доклада делают прогноз, что в ближайшие годы наиболее активная часть среднего класса начнет предъявлять больше требований власти по учету их интересов в близких им сферах (например, в образовании, здравоохранении и культуре)²². Но это не означает, что у постепенно растущего среднего класса появится стремление к реальному политическому представительству, поскольку для него, как и для всего общества в целом, характерны политическая пассивность, уход от общественной жизни и сосредоточенность на собственных интересах.

Для осуществления эффективного механизма обратной связи между политической системой и гражданским обществом необхо-

²⁰ Численность российского среднего класса достигла 60 млн человек // NEWSru.com. 2014. 26 мая. URL: <http://newsru.com/finance/26may2014/middleclass.html>

²¹ О важности различного рода ассоциаций и участия в них еще в XIX в. писал великий французский социолог А. де Токвиль, считая, что “умение создавать объединения — это первооснова общественной жизни”. Их основная функция заключается в укреплении социально-политической системы за счет обеспечения стабильного функционирования и развития демократических учреждений и нравов, обретения опыта участия народа в управлении.

²² См.: *Бероева Н.* У нас чиновник — средний класс. А у вас? // Комсомольская правда. 2014. 14 июля. URL: <http://m.kp.ru/daily/26255.5/3134632/>

димо становление соответствующих институтов гражданского общества. В субъектах ЦФО зарегистрировано около 40 тысяч общественных объединений, осуществляющих свою деятельность в различных формах организации (фонды, движения, ассоциации, союзы, НКО и т.д.)²³. Однако есть разница между официальной статистикой и реально функционирующими общественными объединениями. По данным Общественных палат субъектов Федерации, из числа зарегистрированных объединений значительная их часть не работает²⁴. Среди основных направлений их деятельности в субъектах ЦФО преобладают социальная защита, молодежная политика и правовая защита граждан²⁵. Процесс появления новых общественных объединений ЦФО проходит достаточно медленно, хотя темп роста превышает общероссийский. Однако количественное увеличение объединений, рост направлений их деятельности по ряду причин пока не привели к значительным качественным изменениям.

Для институтов гражданского общества в субъектах ЦФО характерен неоднородный уровень взаимодействия с органами региональной власти. Это отчасти связано с особенностями проводимой в субъектах политики и заинтересованностью местной элиты в сотрудничестве с общественными организациями²⁶, а также с выбором местными властями направлений и форм работы с представителями гражданского общества.

Не все направления деятельности общественных объединений в субъектах ЦФО имеют хорошую поддержку со стороны местных властей. Высоким уровнем поддержки характеризуются молодежные, детские организации, а также деятельность общественных организаций инвалидов, пожилых людей. Таким образом, расширяется количество социально ориентированных организаций, направленных на помощь определенным социальным группам. Что касается непосредственно институтов гражданского общества (по-

²³ Географическое распределение общественных объединений весьма разнообразно и неравномерно. Лидером по количеству зарегистрированных объединений, безусловно, является Москва, за ней идут Московская и Белгородская области. Если рассматривать такой показатель, как количество НКО на 1000 граждан, то здесь субъектами-лидерами являются Костромская, Курская, Тверская, Ивановская области и Москва (см.: *Гражданское общество в регионах ЦФО...*).

²⁴ Общественная палата РФ. Доклад о развитии гражданского общества в современной России за 2013 год.

²⁵ Гражданское общество в регионах ЦФО...

²⁶ Отдельные субъекты подходят более широко к законодательной рекомендации взаимодействия, поддержке организаций и принимают законы, адресованные всем общественным объединениям. Первым таким законом стал Закон г. Москвы от 12 апреля 2000 г. № 8 “О взаимодействии органов власти с негосударственными некоммерческими организациями”. Впоследствии такие законодательные акты были приняты и в других субъектах ЦФО.

литические ассоциации, объединения по защите прав и интересов граждан, профсоюзы и т.д.), целью которых является стремление оказать воздействие на политическую систему, то они не имеют соответствующего уровня поддержки. Возникновение новых организаций также осложняется отсутствием материально-технической базы, проблемами в поиске источников финансирования, невысоким уровнем заинтересованности граждан в деятельности этих объединений и разным уровнем взаимодействия субъектов с органами власти.

Одним из важнейших критериев определения качества сотрудничества между органами государственной власти субъекта Федерации и общественными объединениями является объем бюджетных средств, выделенных на поддержку деятельности объединений. В последние несколько лет наблюдается динамика в увеличении финансирования общественных объединений на федеральном уровне²⁷, хотя по совокупной оценке оно составляет лишь 5%, тогда как в западных странах приблизительно 48%. В субъектах ситуация обстоит еще хуже, что отмечают руководители общественных объединений, ощущая острую нехватку бюджетных средств.

Местные власти не всегда стремятся активно устанавливать модели партнерского взаимодействия со структурами гражданского общества. Зачастую активные представители общественных объединений не воспринимаются как реальный партнер в достижении общезначимых целей. В последние годы мониторинг Общественной палаты Российской Федерации фиксирует нарастающие противоречия между постепенно возрастающей активностью граждан и готовностью местных властей организовать с ними диалог²⁸. В целом же интерес граждан к деятельности институтов гражданского общества по-прежнему находится на низком уровне. В восприятии населения они пока не стали основным проводником, с помощью которого общественные ценности будут доноситься до государственных органов, а решения получают обратную связь в обществе. Существуют партии, профсоюзы, объединения предпри-

²⁷ Важнейшим событием последних двух лет в области развития гражданского общества в России стало выделение значительных средств из федерального бюджета, направленных на реализацию проектов общественных объединений и на укрепление их материально-технической базы. Согласно ежегодному докладу Общественной палаты РФ о состоянии гражданского общества в РФ, объем господдержки российских НКО в 2013 г. по сравнению с 2012 г. увеличился почти вдвое. В 2012 г. на господдержку НКО в России было выделено 4,7 млрд руб., в том числе 1 млрд руб. на гранты президента РФ. В 2013 г. сумма поддержки заметно возросла. В федеральный бюджет заложено 8,285 млрд руб., в том числе 2,37 млрд на президентские гранты.

²⁸ Общественная палата РФ. Доклад о развитии гражданского общества в современной России за 2013 год.

нимателей и т.п., но психологически и практически большая часть населения вовлечена в их деятельность крайне слабо. Поэтому переход к реальной демократии предполагает не только формальное установление демократических институтов, утверждение соответствующего законодательства и наличие различных общественных объединений, но и масштабное изменение политико-культурных ценностей и ориентаций общества, моделей поведения людей в русле более активного, рационального и осознанного участия в политической жизни страны.

Однако следует отметить, что в политическом сознании определенной части российского общества произошли заметные изменения, отразившиеся в готовности к активным действиям за свои гражданские и политические права. Сегодня наблюдается рост интереса к разнообразным неформальным возможностям низовой самоорганизации, волонтерству, движениям “одного требования”, действующим на принципах добровольности и альтруизма. Этот новый для российской действительности способ активизации политически активного населения стал важным сигналом для российской власти. Митинги оппозиции на Болотной площади, проспекте Академика Сахарова, а также другие массовые демонстрации в крупных городах показали возросшую роль политических коммуникаций, осуществляемых через сетевые структуры и блогосферу. Они стали одной из возможностей проявления “голоса” гражданского общества.

Одним из мощных инструментов влияния институтов гражданского общества на политическую систему могли бы стать СМИ. Информационное обеспечение деятельности институтов гражданского общества является важным фактором, способствующим развитию и улучшению их функционирования в субъектах при условии, что в информационном поле проблематика гражданского общества освещается всестороннее, с учетом развития гражданских инициатив. На сегодняшний момент общественные объединения редко обращаются в СМИ, в основном только в том случае, чтобы отчитаться перед грантодателями по количеству публикаций. Сами журналисты не проявляют большого интереса к их деятельности, поскольку события общественной жизни редко можно отнести к “жареным фактам” и они не могут привлечь внимания значительной аудитории. Учитывая слабое взаимодействие институтов гражданского общества со СМИ и ужесточение законодательства, тем не менее за последние три года увеличилось количество публикаций и репортажей об общественных объединениях, возрос уровень информированности населения о результатах деятельности таких объединений.

На современном этапе развития гражданское общество в ЦФО представляет скорее некую совокупность объединений, а не целостную систему, хотя оно и имеет значительный потенциал роста. Несмотря на представленный в ЦФО широкий спектр институтов гражданского общества, возможность их воздействия на власть остается незначительной. Существует определенный дисбаланс между центром (г. Москва) и субъектами ЦФО в развитии условий, который проявляется в количестве и качестве общественных объединений и прежде всего в уровне их поддержки со стороны местных властей.

Наличие эффективного общественного контроля со стороны гражданского общества — одно из ключевых условий функционирования демократической политической системы. Общественный контроль способствует постоянному совершенствованию государственных управленческих механизмов, учитывая требования граждан через систему обратной связи, стимулируя государство к принятию политических решений в интересах общества, активизируя наиболее инициативную часть населения. Функции общественного контроля в России выполняют различные институты гражданского общества, в основном Общественные палаты и Общественные советы всех уровней (федерального и регионального), общественные наблюдательные комиссии и т.д.

Во всех субъектах ЦФО созданы региональные Общественные палаты. Однако единый подход к определению направления их деятельности и правового статуса отсутствует²⁹. К тому же существующие Общественные палаты не пользуются поддержкой населения, и их сложно назвать в полной мере представительными. Это во многом объясняется порядком формирования этих структур, которые рассматриваются представителями общественности как возможность включения в состав Палат лояльных к деятельности местной власти людей или тех граждан, которые не имеют прямого отношения к институтам гражданского общества. Общественные палаты финансируются за счет средств региональных бюджетов, принципы такого финансирования в законах субъектов Федерации не определены, что позволяет органам власти при формиро-

²⁹ На основании отдельного регионального закона действуют Общественные палаты в следующих областях: Брянской, Ивановской, Костромской, Курской, Липецкой, Смоленской, Тамбовской и Калужской. Субъекты, в которых правовой статус Палаты закреплен постановлением или распоряжением главы региональной администрации, — Москва, Белгородская, Владимирская, Московская, Рязанская, Тверская и Ярославская области. Субъекты, в которых правовой статус Палаты закреплены в виде некоммерческой организации, — Воронежская, Орловская и Тульская области. Основные цели, задачи, направления и механизмы деятельности региональных Общественных палат схожи с ориентирами деятельности федеральной Палаты с учетом региональной специфики.

вании бюджета произвольно определять размер средств на обеспечение их деятельности.

С учетом возрастания роли этих структур в обеспечении взаимодействия гражданского общества с органами власти, осуществления системы общественного контроля важно сформулировать единые требования к основам их функционирования. В связи с этим в Общественной палате Российской Федерации в 2010 г. был подготовлен рамочный законопроект о региональных общественных палатах. На данный момент этот законопроект дорабатывается, учитывая те изменения, которые затронули Общественную палату РФ в настоящее время.

Для повышения эффективности деятельности Общественной палаты РФ 23 июля 2013 г. был принят Федеральный закон № 235 «О внесении изменений в Федеральный Закон “Об Общественной палате Российской Федерации”», который меняет порядок ее формирования³⁰. Новый порядок формирования палаты означает существенное расширение регионального представительства и повышает статус региональных Общественных палат. Поскольку существенную часть нового состава составляют представители региональных палат, это дает возможность усилить представление интересов субъектов на федеральном уровне. Тем самым повышается эффективность взаимодействия между центром и субъектами РФ.

В последние несколько лет наблюдается тенденция более активного участия Общественных палат субъектов Российской Федерации и других общественных объединений в мероприятиях общественного контроля. Так, в 2013 г. с участием НКО началось наведение порядка в сфере жилищно-коммунального хозяйства. Эффективным оказался контроль при проведении мониторинга за выполнением указов Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 г.³¹ Однако на данный момент совокупность этих мероприятий остается разрозненной, поскольку деятельность институтов гражданского общества в области общественного контроля не регулируется единым законодательством, не определены функции и

³⁰ В новом составе Общественной палаты РФ 166 членов. Теперь Общественная палата Российской Федерации формируется из 40 граждан России, утверждаемых Президентом Российской Федерации, 83 представителей Общественных палат субъектов Российской Федерации и 43 представителей общероссийских общественных объединений, которые должны пройти процедуру рейтингового интернет-голосования. Таким образом, на законодательном уровне определена возможность каждого гражданина России принять участие в избрании членов Общественной палаты. Срок полномочий действующих членов истек в июле 2013 г., формирование нового состава началось в январе 2014 г. 30 мая 2014 г. завершилось формирование третьей части Общественной палаты РФ и в целом ее нового состава.

³¹ Общественная палата РФ. Доклад о развитии гражданского общества в современной России за 2013 год.

полномочия каждого института, не установлены процедуры по его осуществлению³². Очевидно, что следующим шагом на пути формирования системы общественного контроля в нашей стране должен стать закон “Об основах общественного контроля в Российской Федерации”. Несмотря на то что Президент РФ поддержал идею принятия закона, проект которого в течение ряда лет разрабатывался с участием Общественной палаты Российской Федерации и Совета по правам человека и развитию гражданского общества при Президенте Российской Федерации, тем не менее на сегодняшний момент он так и не принят.

Основная роль государства в контексте формирования гражданского общества и дальнейшего демократического развития современной России, и в частности ЦФО, заключается в создании условий для возможности накопления в обществе социально-экономического и политико-культурного капитала, необходимого для его успешного становления. Это должно проявляться в следующем. Во-первых, в создании предпосылок для развития социальной базы гражданского общества — среднего класса, в поддержке малого и среднего бизнеса как наиболее активной его части. Во-вторых, в совершенствовании нормативно-правовой базы для возможности улучшения деятельности институтов гражданского общества и для развития институциональной инфраструктуры гражданского участия. В-третьих, в возможности осуществления эффективного общественного контроля над деятельностью органов государственной власти. В-четвертых, в разработке долгосрочной стратегии взаимодействия общественных объединений и власти.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бероева Н. У нас чиновник — средний класс. А у вас? // Комсомольская правда. 2014. 14 июля. URL: <http://m.kp.ru/daily/26255.5/3134632/> (*Beroeva N.* U nas chinovnik — srednij klass. A u vas? // Komsomol'skaja pravda. 2014. 14 iyulya. URL: <http://m.kp.ru/daily/26255.5/3134632/>).

Бутрин Д., Мануйлова А. Женщины на госслужбе всем довольны // Коммерсант. 2014. 26 мая. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2479506> (*Butrin D., Manujlova A.* Zhenshiny na gossluzhbe vsem dovol'ny // Kommersant. 2014. 26 maya. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2479506>).

Горшков М.К. Российское общество как оно есть. М., 2011 (*Gorshkov M.K.* Rossijskoe obshhestvo kak ono est'. M., 2011).

Гражданское общество в регионах ЦФО: состояние, проблемы и перспективы развития. URL: http://www.oscfo.ru/files/otchet_02.pdf (*Grazhdanskoe obshhestvo v regionah CFO: sostojanie, problemy i perspektivy razvitiya.* URL: http://www.oscfo.ru/files/otchet_02.pdf).

Доклад о человеческом развитии в Российской Федерации за 2013 г. URL: <http://www.undp.ru/documents/NHDR-2013.pdf> (*Doklad o chelovecheskom razvitii v Rossijskoj Federacii za 2013 g.* URL: <http://www.undp.ru/documents/NHDR-2013.pdf>)

Карпова Н.В. Политико-культурный контекст российских реформ (историко-социологический сравнительный анализ) // Политическая культура в современной России: состояние, проблемы, пути трансформации: Материалы “круглого стола” / Под ред. Н.С. Федоркина, Н.В. Карповой. М., 2009 (*Karpova N.V.* Politiko-kul'turnyj kontekst rossijskih reform (istoriko-sociologicheskij sravnitel'nyj analiz) // Politicheskaja kul'tura v sovremennoj Rossii: sostojanie, problemy, puti transformacii. Materialy “kruglogo stola” / Pod red. N.S. Fedorkina, N.V. Karpovoj. M., 2009).

Общественная палата РФ. Доклад о развитии гражданского общества в современной России за 2013 год. URL: http://www.oprf.ru/files/2014dok/doklad_grazhdanskoe_obshhestvo_2013_itog.pdf (*Obshhestvennaja palata RF. Doklad o razvitii grazhdanskogo obshhestva v sovremennoj Rossii za 2013 god.* URL: http://www.oprf.ru/files/2014dok/doklad_grazhdanskoe_obshhestvo_2013_itog.pdf).

Предпринимательский климат в России: Индекс ОПОРЫ 2012 // Официальный сайт Национального института системных исследований предпринимательства. 2012. 26 дек. URL: http://www.nisse.ru/business/article/article_1998.html (*Predprinimatel'skij klimat v Rossii: Indeks OPORY 2012.* 26.12.2012 // Oficialniy sayt Nacional'nogo instituta sistemnyh issledovanij predprinimatel'stva. 2012. 26 dec. URL: http://www.nisse.ru/business/article/article_1998.html).

Федоркин Н.С. Гражданское общество в России: проблемы и трудности формирования // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 18. Социология и политология. 2005. № 4 (*Fedorkin N.S.* Grazhdanskoe obshhestvo v Rossii: problemy i trudnosti formirovanija // Vestn. Mosk. un-ta. Ser. 18. Sociologija i politologija. 2005. N 4).

Центральный Федеральный округ. Об округе // Официальный сайт ЦФО. URL: <http://cfo.gov.ru/> (*Central'nyj Federal'nyj okrug. Ob okruge* // Oficial'nyj sayt CFO. URL: <http://cfo.gov.ru/>).

Шуленова Е. Как большим. В регионах ЦФО готовы вкладывать средства в развитие предпринимательства // Российская газета. 2014. 17 июня. URL: <http://www.rg.ru/2014/06/17/reg-cfo/biznes.html> (*Shulepova E.* Kak bol'shim. V regionah CFO gotovy vkladyvat' sredstva v razvitie predprinimatel'stva // Rossijskaja gazeta. 2014. 17 iyunya. URL: <http://www.rg.ru/2014/06/17/reg-cfo/biznes.html>).

³² Там же.

А.Ю. Ракитина, асп. кафедры истории и теории социологии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова*

СОЦИАЛЬНАЯ ЭФФЕКТИВНОСТЬ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТИ

A.Y. Rakitina

SOCIAL EFFICIENCY OF CHARITY

В статье рассматривается феномен благотворительности как элемент социальной системы. Изучаются подходы к определению социальной эффективности осуществления благотворительной деятельности. Выявлены факторы эффективности благотворительной деятельности.

Ключевые слова: благотворительность, социальная эффективность, социальные проблемы, социальная ответственность, социальная система, социальный институт.

The article considers the phenomenon of charitable giving as a part of social system. The approaches to defining its social efficiency have been given. The efficiency factors have been revealed.

Key words: charity, social efficiency, social problems, social responsibility, social system, social institute.

Со времен общественного разделения труда, впервые возникшего вследствие неолитической революции, и по настоящее время в обществе, как в пределах одной страны, так и в мировом масштабе, существует классовая дифференциация, неизменным атрибутом которой является неравномерное распределение общественных ресурсов. Как реакция на такое положение вещей, будь то интуитивная, психологическая или рациональная, в любом социальном контексте инициируется благотворительная деятельность, призванная сгладить противоречия, порожденные различием интересов индивидов, их неравными возможностями и способностями, неравным доступом к общественным благам.

Благотворительная деятельность как “проявление сострадания к ближнему и нравственная обязанность имущего спешить на помощь к неимущему”¹ и как особого рода социальное действие очень долгое время считалась, и по сей день иногда считается, достаточной сама по себе для “оправдания социального неравен-

ства”². Во многом этому способствовало поверхностное толкование религиозных воззрений, когда акт дарения воспринимается как показатель высокой степени духовно-нравственного развития человека и больше ни к чему не обязывает.

Однако как важный элемент социальной структуры и социальный институт (и эта роль в последнее время все больше признается не только учеными, но и общественностью, что проявляется в повышенном внимании к проводимым благотворительным акциям, мероприятиям, а также в осуществлении благотворительной, гуманитарной помощи, в частности на международном уровне) благотворительность в современном обществе становится “одним из факторов стабильного развития общества”³. Она перестает быть средством оправдания неравенства или чего бы то ни было, компенсации и т.п., она становится средством решения социальных проблем. И акцент в современном обществе все быстрее переносится со стадии дарения на стадию оценки эффективности той или иной благотворительной активности и ее пользы для общества. Вместо “внутренней ценности подаяния” на первый план выходит “ответственность за социальную эффективность оказываемой помощи”⁴. “Основными критериями эффективности благотворительности является направленность на удовлетворение значимых общественных потребностей, т.е. социальный эффект, а не факт формального оказания помощи, а также способность благотворителей своевременно выявлять и по мере возможности оказывать содействие в решении сложных социальных проблем”⁵.

Оценка и прогнозирование общественной пользы — всецело прерогатива субъекта благотворительной деятельности. Духовно-нравственная ответственность, которая лежит в основе социальной ответственности, не может обойти вопроса пользы блага для объекта благотворительной деятельности, будь то материальные, денежные ресурсы или предоставляемые возможности. В этой связи можно привести слова Аристотеля о “неизбежном неравенстве между дарителем и получателем дара” и о необходимости для “дарителей действовать с оглядкой, не осыпать своими щедротами первого встречного, правильно выбирая тех, кого они хотят облагодетельствовать, и наделяя их должными суммами в должное

² Мерсиянова И.В., Якобсон Л.И. Потенциал и пути развития филантропии в России. М., 2010.

³ Булгакова Л.А. Благотворительность в истории России. СПб., 2008.

⁴ Соколов А.Р. Российская благотворительность в русском общественном сознании. СПб., 2005. С. 46.

⁵ Зеленова Е.А. Трансформация благотворительной деятельности в системе социальной политики России. М., 2009.

* Ракитина Анастасия Юрьевна, e-mail: nastya_rakitina@mail.ru

¹ Андреевский И.Е. Энциклопедический словарь, изданный Брокгаузом и Ефроном. СПб., 1891. Т. 4.

время”⁶. Еще один пример: Готфрид Фонт, профессор Парижского университета, «еще в 1280 г., отвечая на вопрос: “достойна ли награды милостыня не нуждающемуся”, решительно заявил, что она “как совершающаяся без размышления заслуживает наказания”»⁷.

Благотворительность не является панацеей от социальных недугов, но она обладает значительным потенциалом в решении социальных проблем⁸. Необходимо учитывать, что социальные проблемы имеют глубокие корни, и бороться надо с их причинами, а не со следствиями. Иначе “неразборчивое подавание” способно только увековечить нищету и другие социальные проблемы, “порождая праздность, апатию и профессиональное нищенство”⁹. Неверно выбранные формы и методы осуществления благотворительной деятельности искажают результат, негативно влияют на благотворительную деятельность, не решая социальных проблем и порой даже усугубляя их.

Таким образом, даже если есть понимание того, что благотворительная деятельность должна быть социально эффективной, что уже является показательным с точки зрения социальной ответственности индивида или организации, встает вопрос: а что подразумевают под социальной эффективностью различные субъекты благотворительной деятельности?

Как уже было отмечено, один подход основывается на том, что социальная эффективность благотворительности выражается в решении социальной проблемы путем устранения ее последствий. Например, можно раздать деньги нищим. Итогом будет краткосрочное устранение последствий социальной проблемы. Сама проблема останется нерешенной, т.е. создается видимость успешного результата на небольшой промежуток времени. Что в данном случае можно сказать о социальной эффективности? По сути, она нулевая. Это можно проследить по ситуации с африканскими странами, в которые направляются самые крупные потоки международной помощи: на континенте, который за последние 70 лет получил более 1 трлн долл.¹⁰, до сих пор борются с голодом. Причина неэффективности здесь заключается в отсутствии “гражданских и финансовых институтов”¹¹, в направлении помощи не на развитие инфраструктуры, а только на продовольственную поддержку.

Бесспорно, в условиях быстрого реагирования необходимо решать тактические задачи, направленные на устранение послед-

ствий социальных проблем. Одной из целей благотворительности как раз и является оказание помощи в ситуациях, требующих оперативности, как альтернатива государственной социальной политике и государственному финансированию. Однако есть и другая важная задача, гораздо более существенная, основанная на стратегическом подходе к определению приоритетных направлений и форм благотворительной деятельности. Именно стратегический подход делает благотворительность созидательной.

Другой подход к определению социальной эффективности благотворительной деятельности основывается на устранении причин социальных проблем и трансформации социальных условий, в рамках которых возможно существование таких проблем. Этот подход уже давно нашел применение в благотворительных проектах, реализуемых в США, передовой стране с точки зрения развития благотворительности и степени ее включенности в социальную структуру.

В начале XX в. “на филантропическую сцену”¹² вышли два состоятельных промышленника — Эндрю Карнеги и Джон Рокфеллер и привнесли идеи относительно осуществления благотворительной деятельности. Согласно мнению Э. Карнеги, “благотворительность никогда не должна сводиться к простой подаче милостыни”, вместо этого истинная благотворительность должна “стимулировать людей помогать самим себе”, т.е. “лучший способ принести пользу обществу — поместить в зоне досягаемости членов общества лестницы, по которым стремление может подниматься наверх”.

Идея “помогать людям — помогать самим себе” была поддержана Д. Рокфеллером. В своем эссе “Давать — сложное искусство” он говорит, что “если люди могут быть научены помогать самим себе, мы искореняем основы многих зол в мире” и что “единственное, что представляет собой долгосрочную пользу для человека, — это то, что он делает для себя”¹³.

В действительности эта идея не нова. Она также была реализована и в России, что можно проследить по истории российского “золотого века” благотворительности, который пришелся на период конца XIX — начала XX в. По инициативе просвещенных и образованных дарителей, преисполненных любви к России и ее историческим традициям, развивались приоритетные отрасли отечественной науки, формировались художественно-эстетические центры, открывались уникальные галереи и музеи, получали признание театры. Таковыми стали Третьяковская галерея, Шуйкинские и Морозовские собрания современной французской живописи,

⁶ Аристотель. Сочинения: В 4 т. Т. 4. М., 1984.

⁷ Цит. по: Соколов А.Р. Указ. соч. С. 47.

⁸ Булгакова Л.А. Указ. соч. С. 3.

⁹ Там же. С. 4.

¹⁰ См.: Богданова О. Нет добра без худа // РБК. 2013. Март. С. 36.

¹¹ Там же. С. 38.

¹² Цит. по: Frumkin P. Strategic giving: the art and science of philanthropy. Chicago, 2006. P. 8.

¹³ Ibid.

Бахрушинский театральный музей, Частная опера С.И. Мамонтова, Московский художественный театр, Музей изящных искусств Ю.С. Нечаева-Мальцева, Морозовские клиники, Алексеевская и Бахрушинская больницы, приюты Солодовниковых, Мазуриных, Рукавишниковых, Шелапутинская и Медведниковская гимназии, школы Ф.И. Шалапина, образовательные учреждения и т.п.¹⁴ Благотворительная деятельность Абрикосовых, Ртищева, Сибирякова и многих других увековечила их имена. Необходимо подчеркнуть, что пожертвования периода “золотого века” меценатства и благотворительности в России нередко были основным источником развития целых отраслей городского хозяйства (например, здравоохранения).

Что характерно, размах благотворительности и ее потомственный характер базировались на религиозных основах. Сама благотворительность являла собой заметную сторону духовной жизни общества. От сострадания к неимущим рождалось желание им помочь, но помощь в виде милостыни оказывалась и раньше и не приводила к решению конкретных социальных проблем. Поэтому просвещенность и образованность дарителей в этом ключе благотворно сказывалась на форме осуществления благотворительной деятельности, а именно на создании условий для подлинной филантропии, когда для достижения результата необходимы усилия как со стороны дающего, так и со стороны получающего субъекта. Наиболее ярко эту идею демонстрирует создание образовательных учреждений — школ, гимназий, университетов.

Идея “помогать людям — помогать самим себе” была не нова и с учетом исторической ретроспективы.

В Средние века обострение нетерпимости к нищенству (которое приобрело уже статус института), вызванное распространением протестантских религиозных воззрений и социально-экономическими изменениями эпохи капитализма, породило в Европе негативное отношение к милостыне и неразборчивому подаению. Густав Шмоллер говорит об этой трансформации следующее: “Основной принцип благотворительности, выдвинутый реформацией, гласит: спасение души не приобретается бессистемной раздачей милостыни, но в видах человеколюбия нуждающийся, по тщательном исследовании его положения, должен получать не больше того, сколько ему действительно необходимо, причем нужно всячески склонять бедных к работе”¹⁵.

Волна недовольства, направленная на “профессиональных нищих”, а вслед за этим и негативное отношение к благотворитель-

ности, хлынули из Европы в Россию. Так, в 1682 г., в царствование Федора Иоанновича, было заявлено намерение “разобрать” нищих и, как “во всех странах Европейских”, “возбранить им просить милостыню, поместить дряхлых и увечных в шпитальни или богадельни, а здоровых и притворных нищих принудить хлеб свой заживать работою или каким ремеслом к общенародной пользе”¹⁶.

Сбалансированное функционирование социальной системы возможно при отсутствии институциональных дисфункций и эффективном распределении социальных ролей. Благотворительность как уникальный инструмент по “заделыванию дыр” различного рода обладает колоссальным потенциалом. Единственное, что нужно учитывать: не нужно пытаться давать готовое решение, которое может оказаться неэффективным, нужно создавать условия, в которых проблема будет органично решаться сама.

Таким образом, можно резюмировать, что:

1. Социальная эффективность благотворительности в современном мире в условиях ее качественной включенности в социальную структуру является необходимым условием ее осуществления.

2. Социальная эффективность в свою очередь подразумевает духовно-нравственную и социальную ответственность субъекта благотворительной деятельности, что означает борьбу с источниками социальных проблем, а не с их последствиями.

3. Социальная ответственность при осуществлении благотворительной деятельности означает определение, прогнозирование полезности блага для объекта благотворительной деятельности.

4. Стратегический подход — основа осуществления благотворительной деятельности. Субъект благотворительной деятельности должен обладать дальновидностью и глобальным видением социальных проблем.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Андреевский И.Е. Энциклопедический словарь, изданный Брокгаузом и Ефроном. СПб., 1891. Т. 4 (*Andrejevskij I.E. Jenciklopedičeskij slovar', izdannij Brokgauzom i Efronom. SPb., 1891. T. 4.*)

Аронов А.А. Золотой век русского меценатства. М., 1995 (*Aronov A.A. Zolotoj vek russkogo mecenatstva. M., 1995.*)

Богданова О. Нет добра без худа // РБК. 2013. Март (*Bogdanova O. Net dobra bez huda // RBK. 2013. Mart.*)

Булгакова Л.А. Благотворительность в истории России. СПб., 2008 (*Bulgakova L.A. Blagotvoritel'nost' v istorii Rossii. SPb., 2008.*)

Аристотель. Сочинения: В 4 т. Т. 4. М., 1984 (*Aristotel'. Sochinenija: V 4 t. T. 4. M., 1984.*)

¹⁴ См.: *Аронов А.А.* Золотой век русского меценатства. М., 1995. С. 10.

¹⁵ Цит. по: *Соколов А.Р.* Указ. соч. С. 46.

¹⁶ Цит. по: *Булгакова Л.А.* Указ. соч. С. 4.

Зеленова Е.А. Трансформация благотворительной деятельности в системе социальной политики России. М., 2009 (*Zelenova E.A. Transformacija blagotvoritel'noj dejatel'nosti v sisteme social'noj politiki Rossii. M., 2009*).

Мерсиянова И.В., Якобсон Л.И. Потенциал и пути развития филантропии в России. М., 2010 (*Mersijanova I.V., Jakobson L.I. Potencial i puti razvitija filantropii v Rossii. M., 2010*).

Соколов А.Р. Российская благотворительность в русском общественном сознании. СПб., 2005 (*Sokolov A.R. Rossijskaja blagotvoritel'nost' v ruskom obshhestvennom soznanii. SPb., 2005*).

Frumkin P. Strategic giving: the art and science of philanthropy. Chicago, 2006.

Н.А. Рукина, асп. кафедры истории и теории социологии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова*

ИНФОРМАЦИОННОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ НА ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ

Rukina N.A.

INFORMATIONAL INFLUENCE ON PUBLIC OPINION: THEORETICAL APPROACHES

Статья посвящена воздействию СМИ и коммуникационных технологий на общество. Рассмотрены основные даты и исследования. Заявлено несколько социальных рисков использования виртуальных сетей связи.

Ключевые слова: средства массовой информации, средства массовой коммуникации, информационной воздействие, общественное мнение, теоретический подход, социальная сеть, интернет, сетевое общество.

The article is devoted to the influence of media and communication technologies on society. Main dates and researches are described. Several social risks of using virtual communication networks are mentioned.

Key words: media, mass communication, information exposure, public opinion, theoretical approach, social networking, Internet, network society.

Значительные изменения в нашей повседневной жизни обусловлены прорывом в области телекоммуникационных и информационно-коммуникационных технологий (ИКТ). По всему земному шару люди могут узнавать новости, используя для этого ресурсы разнообразных средств массовой информации (СМИ): газет, журналов, радио, телевидения — независимо от того, насколько далеко они находятся от места событий, от того, каковы их социальный статус, доход или профессия. Благодаря интернету доступ к информации легко получить в сжатые сроки и из любой точки мира. СМИ как наиболее массовый и эффективный способ распространения информации являются ключевым ресурсом современного общества.

Для того чтобы очертить предметное поле, приведены определения СМИ и общественного мнения.

СМИ (средства массовой информации) — средство распространения информации, характеризующееся обращенностью к массовой аудитории, общедоступностью, корпоративным характером

* Рукина Наталья Александровна, e-mail: nataliarukina@yandex.ru

производства и распространения информации. К средствам массовой информации относятся пресса, радио, телевидение; кинематограф, звукозаписи и видеозаписи; видеотекст, телетекст, рекламные щиты и панели; домашние видеосистемы, сочетающие телевизионные, телефонные, компьютерные и другие линии связи¹. СМИ — это не только основной источник информации о событиях в современном мире, но и один из самых значительных факторов влияния на мировоззрение, формирование общественного мнения, культуру. СМИ присутствуют во всех сферах жизни современного человека, “озвучивают” существенные проблемы общества и заставляют задумываться о наличии глобальных проблем человечества и возможных способах их решения. Безусловно, СМИ несут развлекательную функцию и некоторую культурную составляющую, которая формирует общественное мировоззрение, влияющее затем на каждого члена общества.

Общественное мнение — совокупность суждений и оценок, характеризующих консолидированное отношение массового сознания к наиболее значимым и актуализированным проблемам, событиям и фактам экономики, политики, культуры, общественной жизни²; состояние массового сознания, заключающее в себе отношение (скрытое или явное) людей к событиям и фактам социальной действительности, к деятельности различных групп и отдельных личностей³. Общественное мнение не есть нечто абстрактное, оно складывается из постижения конкретных фактов, состоящих из повседневного опыта, интересов и страстей⁴.

Процесс развития теорий формирования общественного мнения посредством СМИ следует разделить на два этапа: классический и современный, что обуславливается в первую очередь разницей в подходах к изучению данного феномена. В рамках классического этапа впервые разрабатывались принципы исследования процесса влияния СМИ на общество. В период 1920–1940-х гг. были проведены серьезные теоретические обобщения в рамках теории пропаганды, которая стала основным используемым средством достижения поставленных целей во время агитационной кампании. Широко использовались книги, фотографии, фильмы, плакаты, листовки, радиосигналы. Был проведен ряд исследований медиавоздействия как фактора, влияющего на ценностные установки индивидов и принятие определенных решений. Г. Лассуэлл основной функцией СМИ считал поддержание равновесия в обществе,

для чего необходимо “равноценное просвещение эксперта, лидера и гражданина”⁵. Он изучал пропагандистские сообщения времен Первой мировой войны, используя метод контент-анализа, а затем систематизировал полученные данные в своих трудах. Ученый пришел к выводу, что пропаганда — это “инструмент тотальной политики вместе с дипломатией, экономическими мероприятиями и вооруженными силами. Ее цель заключается в экономии материальных затрат на мировое господство”⁶. Автор понятия “социального стереотипа” У. Липпман в своей работе “Общественное мнение” сформулировал комплексный подход к вопросу о формировании общественного мнения и влиянии средств массовой информации на общественность через описание механизмов, связанных со сложившейся в то время политической ситуацией⁷.

В более поздний период (1940–1960) ученые преуменьшали роль СМИ в воздействии на общественность. Кроме того, ученые убедились, что установки, существующие в обществе, можно укреплять и направлять, но не изменять. П. Лазарсфельд использовал в исследовании избирательной кампании 1940-го г. метод латентного анализа и панельный метод, чем, несомненно, внес существенный вклад в развитие нестандартных методов аналитики влияния СМИ на общественное мнение⁸. Автор парадигмы “ограниченных эффектов” отстаивал мнение, что каждый ученый должен в первую очередь опираться на достоверные данные эмпирических исследований.

В завершающие годы классического периода (1960–1980) на первый план выходит вопрос о степени воздействия на общество телевидения, а точнее, поведенческие реакции людей на агрессию, транслируемую по теле- и радиоканалам. Автор теории “социального научения” А. Бандура полагал, что, за исключением лишь некоторых элементарных рефлексов, человек появляется на свет, не обремененный врожденными стереотипами поведения — ему еще предстоит им обучиться⁹. На основе как непосредственного опыта человека, так и его наблюдений и имитаций действий окружающих вырабатываются новые формы поведения. Научение через личный опыт — простейший из способов, но чаще люди учатся во время наблюдения за другими представителями общества. Согласно разработанному А. Бандурой социально-когнитивному подходу, существует четыре важных процесса, с которыми связано научение

¹ См.: *Осипов Г.В.* Социологический энциклопедический словарь. М., 2000. С. 298.

² См.: *Грицанов А.А., Абушенко В.Л., Евелькин Г.М., Соколова Г.Н., Терещенко О.В.* Социология: Энциклопедия. Минск., 2003. С. 845.

³ *Грушин Б.А.* Мнения о мире и мир мнений. М., 2011. С. 64–67.

⁴ См.: *Токвиль А.* Демократия в Америке / Предисл. Г.Дж. Ласки. М., 1992.

⁵ См.: *Адамьянц Т.З.* Социальные коммуникации. М., 2009. С. 6–8.

⁶ *Гнатюк О.Л.* Основы теории коммуникации. М., 2010. С. 178–180.

⁷ См.: *Липпман У.* Общественное мнение. М., 2004. С. 93–114.

⁸ См.: *Назаров М.М.* Массовая коммуникация в современном мире: методология анализа и практика исследований. М., 2002. С. 138–149.

⁹ См.: *Бандура А.* Теория социального научения. СПб., 2000. С. 107–111.

через наблюдение: внимание, запоминание, воспроизведение и мотивация¹⁰.

На классическом этапе были разработаны ключевые понятия и положения, принципы и алгоритмы применения контент-анализа для изучения медиавоздействия, что положительно повлияло на дальнейшее развитие и рост популярности самого метода.

На современном этапе ученые пришли к выводу, что необходим комплексный анализ процесса влияния СМИ на общество, что было вызвано быстрым развитием технологий и их доступностью, способствующих массовой, всеобъемлющей передаче информации посредством СМИ. Отличительная черта этого этапа — проблема “массированного воздействия” информации на поведение людей. Результатом стало инициирование большого количества новых исследований, основанных на использовании свежих методологических подходов, и как результат — новые и оригинальные теории.

“Эффект прайминга” — явление, возникающее при восприятии информации, активизирует у человека уже существующие ассоциации, понятия, мысли и знания. Эффект прайминга — одно из последних направлений в теориях влияния СМИ, является важным инструментом изучения медианасилия (насилия, транслируемого посредством СМИ) на аудиторию. Каждое новое исследование лишь подтверждает наличие эффекта прайминга, который играет особо важную роль в формировании общественного сознания и как следствие — общественного мнения¹¹.

1. Теория “культивации” — это современное направление, в рамках которого утверждается, что индивид тем более искаженно воспринимает реальность, чем больше времени тратит на просмотр программ и передач по телевидению. Создание этой теории в начале 1970-х гг. стало попыткой обосновать и логично объяснить влияние телевидения на телезрителей, а именно — воздействия медианасилия. Вместе с тем активно изучались различные явления, происходящие в обществе, например формирование возрастных и гендерных стереотипов¹².

2. Теория “активной аудитории”. Согласно социально-когнитивному подходу, восприятие информации через СМИ проходит четыре последовательных этапа: внимание, запоминание, воспроизведение и мотивацию. Теория “активной аудитории” при этом утверждает, что в первую очередь должно прийти понимание, а оно уже породит внимание. Предполагается возможность охарак-

теризовать поведение людей по отношению к информации, передаваемой через СМИ, как мотивированное и целенаправленное. Активность аудитории при этом неодинакова. Люди выбирают информацию, в которой заинтересованы, и согласуют выбор со своими мотивами и потребностями. Проведенные исследования доказали, что при просмотре новостей зрители активно и заинтересованно сканируют информационный поток на предмет необходимых данных, тогда как при просмотре развлекательных программ степень сосредоточенности невысока¹³.

3. Теория установления приоритетности новостей существенно отличается от всех выше представленных. Ученые в первую очередь опираются на положение о том, что крайне сложно значимо влиять на общественное мнение при помощи средств массовой информации, если действовать открыто. Но все же остается возможность направлять потребителей, если подчеркивать необходимую информацию посредством массмедиа. Освещение таких новостей в средствах массовой информации часто происходит посредством создания фреймов (образов). Например, СМИ выделяют в качестве основных носителей информации бездомных людей, освещая проблему бездомности. В данном случае резонанс в общественном сознании увеличивается, так как достигается ощущение представления “объективной реальности” и ожидаемый уровень воздействия повышается¹⁴.

Согласно теории “когнитивного диссонанса” Л. Фестингера, люди избирательно относятся к информации, стараются избегать негативной информации и наоборот ищут информацию, подтверждающую правильность их решений и мнений¹⁵. Как правило, причиной тому является стремление каждого человека преодолеть когнитивный диссонанс.

Средства массовой информации, обращаясь к внешним или внутренним (когнитивным) аспектам для формирования общественного мнения, используют самые разнообразные методы. И. Манн выделяет три типа воздействия на аудиторию: убедить изменить свое мнение, сформировать мнение и привести его к общему, усилить существующее мнение¹⁶.

К числу наиболее разработанных и апробированных способов организации информационных потоков относятся пропаганда и агитация.

¹³ См.: *Брайант Дж., Томпсон С.* Основы воздействия СМИ. М., 2004. С. 150–153.

¹⁴ Там же.

¹⁵ См.: *Андреева Г.М., Богомолова Н.Н., Петровская Л.А.* Зарубежная социальная психология XX столетия: теоретические подходы. Учебное пособие для вузов. М., 2002. С. 111–131.

¹⁶ См.: *Манн И.Б.* PR на 100%. М., 2012. С. 56–87.

¹⁰ Там же.

¹¹ См.: *Назайкин А.Н.* Эффект прайминга в медиаисследованиях и рекламе // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10. Журналистика. 2010. № 6. С. 160–169.

¹² *Harris R.A.* Cognitive psychology of mass communication. N.Y., 2009. P. 275–276.

Пропаганда представляет собой основную форму односторонней и монологической организации информационных потоков, формирующуюся без учета мнений реципиента и на основе острого отношения коммуникатора к позициям своих конкурентов¹⁷.

Как указывает Т. Треверс-Хили, большинство современных исследователей рассматривают пропаганду как “односторонний процесс, где общественность (или ее определенная часть) становится мишенью (target), а целью (objectives) — изменения общественного мнения или подсказка, как должно вести себя общество (prompt public responsive action)”¹⁸.

Для пропаганды решающей задачей является реальный контроль над общественным мнением. Характерна высокая избирательность: стремление учитывать возрастные, демографические, социальные и иные параметры аудитории, ее осведомленность о предмете¹⁹.

Агитация (agitatio, лат. — “приведение в движение”) — устная, печатная и наглядная деятельность, воздействующая на мнение и настроение людей с целью побудить их к определенным действиям²⁰.

Пропаганда создает отношение с уровнем восприятия, понимания, трактовки. Агитация же работает с инициацией действий. Задачей агитации является приведение в движение общества путем насаждения определенных образцов поведения и взаимодействия. Для агитационной “упаковки” информации весьма часто прибегают к различным психологическим эффектам. Показательна в этом отношении методика нейролингвистического программирования (НЛП)²¹. Стоит сказать, что хотя НЛП и не признано академическим сообществом, приемы и техники, описываемые в этой методике, получили широкое распространение во всех сферах деятельности, в которых оказание воздействия на восприятие человека посредством коммуникации является первоочередной задачей. Существует “золотая коллекция” техник, к которым, к примеру, можно отнести “якорение” (в основе лежит труд физиолога И.П. Павлова, описавшего систему условных рефлексов). Данная техника работает таким образом, что воспроизведение небольшого элемента сильных переживаний (положительных или отрицательных) способно вызвать эмоциональное переживание в целом.

На всем протяжении истории с момента появления первого печатного станка воздействие все новых информационных систем на

общество стремительно возрастает. Однако только два последовательных события разделили историю информационного общества на два периода: создание компьютера и создание интернета. М. Маклюэн назвал компьютер “самым экстравагантным из всех технологических одеяний” и задолго до глобального влияния ИКТ-систем на глобальные экономические, политические и социальные процессы предвидел уникальность новой разработки.

М. Маклюэн определял ту или иную культурную эпоху с позиции доминирования в ней определенной коммуникационной технологии. Изобретение компьютера спровоцировало появление информационной окружающей среды, особенностью которой стала недоступность буквального ее восприятия, а главной угрозой — возможность запрограммировать и “производить любое желаемое воздействие” на общество²².

Наиболее значимым в его теории является вывод о том, что доминирующие типы коммуникации корреспондируют с определенными социальными и культурными элементами конкретной эпохи. Смена эпох и культурная эволюция происходят посредством внедрения новых технологий и развития “средств общения”. В то время пока среда создается человеком, она незаметна для него. Как только одна среда сменяет другую, она становится зримой и вызывает социальное напряжение, когда новые технологии отвергаются, человек стремится вернуть утраченное. “Любая технологическая инновация буквально ампутирует нас. Вызывает боль, которая воспринимается мозговыми центрами”²³.

Средства коммуникации, будучи “технологическим продолжением” человека, влияют на общество в целом, изменяя чувства и чувствительность. Новую электрическую эпоху М. Маклюэн определяет как время вовлеченности людей в различные служебные среды. “Компьютер отвергает человеческое прошлое, делая его вечно настоящим. Он делает естественным и необходимым диалог между культурами”²⁴. Образуется мозаичное восприятие через интервалы. Основным структурирующим принципом сознания снова становится миф как способ удержания цельности восприятия.

Создание новых электронных коммуникационных средств обусловило восстановление “поля одновременности” событий в жизни людей. Человеческая семья существует теперь в условиях “глобальной деревни”. При этом термин “глобальная деревня” широко употребляется автором в самых разных контекстах. Основными характеристиками “глобальной деревни” становятся доминирование

¹⁷ См.: Соловьёв А.И. Политические коммуникации. М., 2004. С. 99–100.

¹⁸ См.: Треверс-Хили Т. Паблик релейшнз и пропаганда — сравнение ценностей // PR сегодня: новые подходы, исследования, практика. М., 2002. С. 34.

¹⁹ См.: Войтасик Л. Психология политической пропаганды. М., 1981. С. 111.

²⁰ См.: Гриднева Н. Безоглядная агитация // Власть. 1999. № 3.

²¹ См.: Почепцов Г.Г. Теория коммуникации. М., 2001. С. 74–81.

²² См.: Маклюэн М., Фиоре К. Война и мир в глобальной деревне. М., 2012. С. 44.

²³ Там же. С. 84.

²⁴ Там же. С. 90–105.

устной коммуникации, всеобщая глобализация и создание глобальной коммуникационной сети наподобие центральной нервной системы человека.

Массовое использование микроэлектронных технологий несет с собой переоценку труда и даже человека: “Я мыслю — следовательно, я произвожу”, — обещание информационной эпохи, сформулированное социологом М. Кастельсом²⁵.

М. Кастельс формирует концепцию сетевого общества с новой социальной структурой, в которой новые технологии, производство информации приводят к объединению всего мира, формируют единое социально-экономическое пространство. В сетевом обществе основанная на знаниях информация создается, обрабатывается и передается с помощью компьютерных сетей. Происходят значительные изменения в экономической и политической сферах под воздействием технологий. Преобразования также охватывают средства массовой информации. Владельцами каналов массовой коммуникации являются международные предприятия. Сами каналы отличаются интерактивностью и являются цифровыми. Появляются новые типы СМИ, получившие название “горизонтальной сети связи”. Три новых изобретения — блог (интернет-дневник), видеоблог (видеодневник) и подкаст (канал собственного радиовещания) — являются хорошими примерами появления в интернете новых форм взаимодействия. Предоставляемый ими контент легкодоступен любому человеку, в то же время их производители могут оставаться независимым от медиакомпаний и национальных правительств. М. Кастельс называет этот сложный процесс “распространением массовых коммуникаций согласно их собственным внутренним правилам”²⁶.

Анализируя связь СМИ и политической сферы, М. Кастельс отказывается считать телевидение и особенно интернет своего рода “машиной для убеждения”. Он обращает наше внимание на значимость индивидуальной интерпретации реципиента. В соответствии с этим содержание не имеет общих интерпретаций, каждая интерпретация является уникальной и тесно связана с принятыми личностью рамками толкования.

М. Кастельс считает, что развитие сетевого общества подрывает основы института национального государства: поскольку сетевое общество функционирует по всему миру, то государство более не может существовать исключительно в национальных рамках. В то

²⁵ См.: *Кастельс М.* Технология, общество и исторические изменения. Библиотека интернет-университета РГИУ. Электронные данные. URL: http://www.vusnet.ru/biblio/archive/kastels_inform/

²⁶ *Кастельс М.* Становление общества сетевых структур // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология / Под ред. В.Л. Иноземцева. М., 1999. С. 12–14.

же время существуют серьезные культурные препятствия на пути к созданию мирового правительства, что корректирует процесс глобализации.

Термином “глобальная сеть” сегодня принято обозначать крупнейшую глобальную компьютерную сеть — интернет. В 1990-е гг. интернет объединил в себе большинство существовавших тогда сетей (хотя некоторые, как Фидонет, остались обособленными). В течение пяти лет интернет приобрел аудиторию более 50 миллионов пользователей. Другим средствам массовой информации требовалось гораздо больше времени для достижения такой популярности.

Уменьшение стоимости компьютерных устройств, подключения к сети, самого трафика, создание общественных точек доступа, развитие системы образования в сфере ИКТ способствуют скорейшему количественному росту пользователей и качественному развитию технологий.

Факт взрывоподобного превращения скромного средства общения для ограниченного круга специалистов в средство тотальной персональной и массовой коммуникации дает возможность предположить, что разрастание этой системы вряд ли поддается контролю. Скорее его можно назвать неконтролируемым, хаотичным и непредсказуемым. Различны взгляды на природу интернета как на коммуникативную среду. Одни сомневаются, можно ли считать его средством массовой информации, поскольку распространение информации посредством интернета возможно на практически неограниченный круг пользователей. Другие уверены, что сеть — это множество сайтов, каждый из которых имеет свою аудиторию, а потому она эффективна только как средство групповой коммуникации²⁷. И потому предлагают рассматривать сеть как средство групповой коммуникации, не более.

Вслед за своей аудиторией в сеть стали переходить традиционные СМИ, коммерческие структуры, государственные органы власти. Уже к 2005 г. все ведущие издания, телевизионные и радиоканалы имели собственные сайты, на которых размещались новости и другая информация. Сегодня эти ресурсы полностью дублируют процесс вещания, предоставляя аудитории возможность самостоятельно его организовывать. Интернет образует глобальное информационное пространство, к которому пользователи могут обратиться вне зависимости от географических и временных условий.

Целевая аудитория чрезвычайно широка, с одной стороны, и дифференцирована — с другой. Подобная биполярность обеспечивается спецификой ресурсов:

²⁷ См.: *Лукина М.М., Фомичёва И.Д.* СМИ в пространстве Интернета. М., 2005. С. 6.

– порталы для привлечения большего количества пользователей стремятся размещать разнообразную информацию и удовлетворять широкий спектр запросов²⁸;

– специфицированные же источники насыщают самые вариативные запросы и разделяют интересы даже малочисленных групп.

Таким образом, мы имеем дело не с альтернативным СМИ, а с принципиально новым информационно-коммуникативным пространством.

Первая социальная сеть (интерактивный многопользовательский сайт, контент которого наполняется его посетителями, с возможностью указания какой-либо информации об отдельном человеке, по которой аккаунт пользователя смогут найти другие участники сети) “Classmates” возникла в интернете в 1995 г. и своим успехом предопределила появление десятков подобных коммуникационных сервисов.

Вторым этапом в распространении социальных сетей стал 2004 г., когда были созданы приложения LinkedIn с целью установления деловых контактов, Facebook и MySpace, ориентированные на репрезентацию идентичностей пользователей.

Структура социальной сети может быть открытой или с ограниченным доступом, позволяя регулировать доступность персональных данных в поисковых системах и среди других пользователей.

Социальные сети изменили представления о пользователях. Если вначале появления коммуникативных интернет-ресурсов были распространены анонимное ведение блогов или общение в чатах, то с появлением социальных сетей пользователи перестали скрывать свои настоящие имена и другие данные.

Данные процессы, безусловно, актуализировали проблематику сохранения безопасности персональных данных. Предоставляя неограниченные возможности общения, интернет создает серьезные угрозы пользователям со стороны заинтересованных лиц, организаций и даже правительственных организаций. Угроза состоит не только в использовании сведений во вред конкретным людям, но и организациям и странам.

В результате рассмотрения процессов развития СМИ и ИКТ, на наш взгляд, становится очевидным то, что остановить процесс развития информационных технологий невозможно. Количество пользователей интернета постоянно растет, технологии развиваются и используются практически во всех сферах современного общества. Утверждается “безусловное влияние ИКТ на формиро-

вание общества XXI века”²⁹. Осознавая воздействие СМИ, интернета и в целом ИКТ-среды, следует отметить необходимость создания достаточного уровня безопасности пользователей и организаций, дальнейшего изучения постоянно изменяющейся коммуникационной среды.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Адамьянц Т.З. Социальные коммуникации. М., 2009 (*Adam'janc T.Z. Social'nye kommunikacii*. М., 2009).

Андреева Г.М., Богомолова Н.Н., Петровская Л.А. Зарубежная социальная психология XX столетия: теоретические подходы: Учебное пособие для вузов. М., 2002 (*Andreeva G.M., Bogomolova N.N., Petrovskaja L.A. Zaru-bezhnaja social'naja psihologija XX stoletija: teoreticheskie podhody: Uchebnoe posobie dlja vuzov*. М., 2002).

Бандура А. Теория социального научения. СПб., 2000 (*Bandura A. Teorija social'nogo nauchenija*. SPb., 2000).

Брайант Дж., Томпсон С. Основы воздействия СМИ. М., 2004 (*Brajant Dzh., Tompson S. Osnovy vozdeystvija SMI*. М., 2004).

Войтасик Л. Психология политической пропаганды. М., 1981 (*Vojtasik L. Psihologija politicheskoj propagandy*. М., 1981).

Гнатюк О.Л. Основы теории коммуникации. М., 2010 (*Gnatjuk O.L. Osnovy teorii kommunikacii*. М., 2010).

Гриднева Н. Безоглядная агитация // Власть. 1999. № 3 (*Gridneva N. Bezogljadnaja agitacija // Vlast'*. 1999. N 3).

Грицанов А.А., Абушенко В.Л., Евелькин Г.М., Соколова Г.Н., Терещенко О.В. Социология: Энциклопедия. Минск, 2003 (*Gricanov A.A., Abushenko V.L., Evel'kin G.M., Sokolova G.N., Tereshhenko O.V. Sociologija: Jenciklopedija*. Minsk, 2003).

Грушин Б.А. Мнения о мире и мир мнений. М., 2011 (*Grushin B.A. Mnenija o mire i mir mnenij*. М., 2011).

Кастельс М. Становление общества сетевых структур // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология / Под ред. В.Л. Иноземцева. М., 1999 (*Kastel's M. Stanovlenie obshhestva setevyh struktur // Novaja postindustrial'naja volna na Zapade. Antologija / Pod red. V.L. Inozemceva*. М., 1999).

Кастельс М. Технология, общество и исторические изменения. Библиотека интернет-университета РГИУ. URL: http://www.vusnet.ru/biblio/archive/kastels_inform/ (*Kastel's M. Tehnologija, obshhestvo i istoricheskie izmenenija. Biblioteka internet-universtiteta RGIU*. URL: http://www.vusnet.ru/biblio/archive/kastels_inform/).

Липпман У. Общественное мнение. М., 2004 (*Lippman U. Obshhestvennoe mnenie*. М., 2004).

Лодин В.Г. Практическая реализация концепции “электронного правительства” (e-government) в рамках проекта “e-Europe” // Вестн. Российск.

²⁹ См.: Лодин В.Г. Практическая реализация концепции “электронного правительства” (e-government) в рамках проекта “e-Europe” // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер. Политология. 2008. № 5. С. 29–37.

²⁸ См.: Гнатюк О.Л. Основы теории коммуникации. М., 2010. С. 178–180.

ун-та дружбы народов. Сер. Политология. 2008. № 5 (*Lodin V.G. Praktičeskaja realizacija koncepcii "jelektronnogo pravitel'stva" (e-government) v ramkah proekta "e-Europe" // Vestn. Ros. un-ta družby narodov. Ser. Politologija. 2008. N 5).*

Лукина М.М., Фомичёва И.Д. СМИ в пространстве Интернета. М., 2005 (*Lukina M.M., Fomicheva I.D. SMI v prostranstve Interneta. M., 2005).*

Маклюэн М., Фиоре К. Война и мир в глобальной деревне. М., 2012. (*Makljujen M., Fiore K. Vojna i mir v global'noj derevne. M., 2012).*

Манн И.Б. PR на 100%. М., 2012 (*Mann I.B. PR na 100%. M., 2012).*

Назайкин А.Н. Эффект прайминга в медиаисследованиях и рекламе // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10. Журналистика. 2010. № 6 (*Nazajkin A.N. Jefeckt prajminga v mediaissledovanijah i reklame // Vestn. Mosk. un-ta. Ser. 10. Jurnalistika. 2010. N 6).*

Назаров М.М. Массовая коммуникация в современном мире: методология анализа и практика исследований. М., 2002 (*Nazarov M.M. Massovaja kommunikacija v sovremennom mire: metodologija analiza i praktika issledovanij. M., 2002).*

Осипов Г.В. Социологический энциклопедический словарь. М., 2000 (*Osipov G.V. Sociologičeskij jenciklopedičeskij slovar'. M., 2000).*

Почепцов Г.Г. Теория коммуникации. М., 2001 (*Počepecov G.G. Teorija komunikacii. M., 2001).*

Соловьёв А.И. Политические коммуникации. М., 2004 (*Solov'ev A.I. Politicheskie kommunikacii. M., 2004).*

Токвиль А. Демократия в Америке / Предисл. Г.Дж. Ласки. М., 1992 (*Tokvil' A. Demokratija v Amerike / Predisl. G.Dzh. Laski. M., 1992).*

Треверс-Хилл Т. Паблик релейшнз и пропаганда — сравнение ценностей // PR сегодня: новые подходы, исследования, практика. М., 2002 (*Trevers-Hill T. Pablik relejshnz i propaganda- sravnenie cennostej // PR segodnja: novye podhody, issledovanija, praktika. M., 2002).*

Harris R.A. Cognitive psychology of mass communication. N.Y., 2009.

РЕЦЕНЗИИ

В.А. Сушко, канд. социол. наук, доц. кафедры методологии социологических исследований социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова*

ЛОГИКА И ПРИНЦИПЫ КОНСТРУИРОВАНИЯ КОЛИЧЕСТВЕННОГО СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ. Рецензия на учебное пособие Ю.П. Аверина "Теоретическое построение количественного социологического исследования"¹

V.A. Sushko

LOGIC AND PRINCIPLES OF QUANTITATIVE SOCIOLOGICAL RESEARCH PROJECT (review of the training manual "Theoretical constructs of quantitative sociological research" by Yu.P. Averin)

Статья представляет собой рецензию на учебное пособие Ю.П. Аверина "Теоретическое построение количественного социологического исследования".

Ключевые слова: социологическое исследование, методы и методология, программа социологического исследования.

The article is a review of the training manual Yu.P. Averin "Theoretical constructs quantitative sociological research".

Key words: sociological research, methods and methodology, the program of sociological research.

Современная социология дает знания об обществе как едином социальном организме во взаимодействии объективных и субъективных факторов исторического развития и функционирования, а следовательно, позволяет действовать осознанно, научно прогнозируя возможные последствия своей деятельности. Социологические знания в наше время играют важную роль в прогнозировании, являются важным показателем мнения народа, представленного в виде результатов социологических исследований. Социологическое видение общества, реализация социологического подхода к обществу — это всегда анализ явления, процесса в системе социальных связей, анализ с точки зрения его соотношения с обществом как целым. Информация, полученная в ходе социологического исследования, может способствовать решению проблем в различных

* Сушко Валентина Афанасьевна, e-mail: valentina.sushko@gmail.com

¹ См.: Аверин Ю.П. Теоретическое построение количественного социологического исследования. М.: Академический проект, 2014.

областях человеческой жизни и деятельности. С его помощью можно выяснить скрытые качества социальных явлений и процессов, установить существенные причины, лежащие в их основе. Важнейшую роль социологические исследования играют в условиях современной экономической и социальной жизни, когда предстоит выяснить движущие факторы развития и деятельности социальных, этнических, демографических общностей, раскрыть особенности социального положения и жизнедеятельности различных социальных групп, показать социальную мобильность и дифференциацию общества в современных условиях.

В этой связи особого внимания заслуживает вышедшая в начале 2014 г. книга Ю.П. Аверина² “Теоретическое построение количественного социологического исследования”. Учебное пособие представляет собой второе расширенное и существенно дополненное издание этого фундаментального труда, которое дает практически исчерпывающее профессиональное описание и знание того, какие существуют принципы, методы и подходы к построению программы социологического исследования от постановки проблемы до формулировки гипотез и построения измерительного инструментария для их проверки. Большое внимание уделяется обоснованию технологий и процедурам теоретической разработки отдельных этапов программы, которые лежат в основе дальнейшего построения методики эмпирического исследования. В учебном пособии достаточно много иллюстраций с примерами из эмпирических исследований, проведенных автором книги.

Овладение методологией социологических исследований позволяет будущим социологам профессионально реализовать практически преобразовательную функцию социологии и обеспечить ее широкое использование обществом. Освоение универсальных принципов и методов получения социологического знания о социальных явлениях позволяет социологу использовать их в любой отрасли социологической науки, в любой сфере общественной жизни. Поэтому большое внимание в учебном пособии уделено использованию понятийного аппарата теории для построения концептуальных моделей, приемам сведения общих, абстрактных понятий к конкретным частным понятиям, на основе которых формулируются гипотезы исследования³.

Учебное пособие состоит из восьми тем, логично объединенных общей авторской концепцией. Каждая тема заканчивается

определением основных понятий, контрольными вопросами для проверки усвоения содержания темы и списком литературы.

Такая структура позволяет от теоретического осмысления построения количественного социологического исследования перейти к практическому построению концепции и программы.

Тема 1 “Методология социологического исследования как отрасль социологии. Исследовательские парадигмы”. Тема начинается с раскрытия функций социологии: онтологической, которая объединяет задачи теоретического описания, объяснения и прогнозирования бытия социального явления⁴, и логико-методологической, решающей задачу определения закономерностей производства достоверного знания о социальных явлениях, закономерностей того, как надо их познавать⁵. Далее в учебном пособии рассматриваются и даются определения объекта и предмета методологии социологического исследования, понимание и сущность исследовательских парадигм, таких, как позитивизм, неопозитивизм, номинализм, интерпретивизм и многопарадигмальный подход к исследованию. Каждый раздел снабжен схемами и примерами, достаточно ясно и понятно объясняющими излагаемый материал, а также определениями, отдельно сформулированными и вынесенными за рамки основного текста.

Тема 2 “Программа количественного социологического исследования: функции, структура, логика построения, назначение и общее понимание основных элементов” сначала раскрывает общие принципы научного исследования — универсализм и организованный скептицизм. Логические принципы научного исследования являются следствием принятия профессионалом определенных правил получения и воспроизводства знания. В этой связи автор раскрывает суть этих правил, опираясь на работу Н. Сторера, раскрывающего содержание постулатов научного этоса Р. Мертона⁶. Показано, насколько эти принципы неразрывно связаны между собой, выполнение требований одного из них невозможно, если не выполняются требования другого принципа⁷. Затем дается определение программы социологического исследования, раскрываются функции и структура программы, причем все это также предлагается к изучению при помощи интересных и наглядных схем. Зачастую у социолога-исследователя возникают вопросы: с чего начинать построение программы, на что необходимо опираться, чтобы по-

⁴ Там же. С. 10.

⁵ Там же.

⁶ См.: *Сторер Н.* Социология науки // Американская социология: перспективы, проблемы, методы / Сокр. пер. с англ. В. Воронина и Е.В. Зиньковского. Ред. и вступ. ст. Г.В. Осипова. М., 1972. С. 253.

⁷ См.: *Аверин Ю.П.* Указ. соч. С. 32.

² **Аверин Юрий Петрович** — профессор, доктор социологических наук, заведующий кафедрой методологии социологических исследований социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. Автор более 50 научных публикаций.

³ См.: *Аверин Ю.П.* Теоретическое построение количественного социологического исследования. С. 7.

лучить знание об исследуемом явлении, как надо делать, чтобы получить эти знания, что потом делать с уже полученными данными? Достаточно подробно, включая 13 процедур, представлена процедура построения вводной части программы социологического исследования и теоретико-методическая часть программы, включающая 9 процедур. Материал систематизирован, четко изложен и достаточно понятен для изучения. Также в конце темы представлена обобщенная структура программы социологического исследования, позволяющая глубже осмыслить прочитанное.

Тема 3 “Замысел социологического исследования: содержание и способы разработки вводной части программы” начинается с постановки проблемы исследования. Достаточно важно и необходимо на этом этапе правильно понимать социальную проблему, осознать то противоречие, которое ее формирует, понять, насколько она является острой в современном обществе и какие пути ее решения существуют. Важно, чтобы она не достигла той остроты, которая может закончиться конфликтами. Для этого необходимо определить критерии отбора социальной проблемы для социологического исследования. Также в данной теме рассматриваются подходы к формулировке темы социологического исследования, структура темы, определение цели исследования, критерии ее определения и типичные ошибки при формулировке. Затем уделяется внимание рассмотрению вопроса о постановке задач социологического исследования, определяются их виды. В качестве примеров приводятся результаты исследования по такой важной теме современного общества, как качество жизни взрослого населения России, одним из руководителей которого был автор. После этого автор предлагает свое понимание теоретических основ исследования, обоснование и логику их выбора и в качестве примера приводит теорию социального действия, теорию П. Бурдьё, теоретический подход В. Наварро, теорию систем действия Т. Парсонса, теорию семьи и теорию малых групп. Определяя эмпирические основы исследования, автор подробно описывает источники их получения, определяет эмпирический объект социологического исследования, методы сбора, обработки и обобщения первичных эмпирических данных. В помощь студентам в конце темы приводятся различные примеры.

В теме 4 “Обоснование концепции и построение концептуальной модели социологического исследования: теоретическое самоопределение и структура понятий” дается понимание концепции социологического исследования и ее роли, основание выбора концепции, логические шаги к выбору теоретических основ. Автор достаточно детально, с применением понятийного аппарата, подробных примеров разбирает то, как конструируется концептуаль-

ная модель, какие необходимо предпринять шаги для ее построения, а также какова ее роль в социологическом исследовании.

Такое подробное описание и объяснение являются новшеством для учебников и учебных пособий такого рода, так как в многочисленных книгах по методологии социологического исследования данная тема практически нигде не затрагивалась, почти полностью отсутствует в учебных материалах для студентов-социологов, и поэтому такое представление является важнейшей частью учебного пособия и может быть полезно не только будущим социологам, но и тем, кто уже занимается прикладной социологией. Без четкого понимания того, как строить такие концепции, зачем они нужны, как избежать ошибок при их построении и умения использовать эти концепции, не должно обходиться ни одно социологическое исследование.

Тема 5 “Построение операциональной модели и определение переменных социологического исследования: переход к наблюдаемым свойствам” является логическим продолжением четвертой темы, так как в ней раскрываются теоретические подходы к пониманию операциональных понятий того, как нужно строить операциональную модель социологического исследования. Также важнейшей частью данной темы является объяснение понимания переменных социологического исследования, требования к операциональным свойствам как к переменным. Подробно рассматривается классификация переменных и их роль в социологическом исследовании, выделяются явные и скрытые переменные и их разновидности. Все пункты работы сопровождаются подробными примерами, иллюстрациями, схемами. Затем подробно рассматриваются переменные в зависимости от их роли в объяснении отношений между предметом и объектом социологического исследования, выделяются зависимые и независимые переменные, объяснительные, контрольные и факторные переменные.

Тема переменных в социологическом исследовании крайне важна и необходима, так как ее роль достаточно велика. Многие ученые в своих трудах рассматривали понятие, роль и виды переменных. Среди них В.И. Добренков, А.И. Кравченко⁸, Э. Гидденс⁹, Ю. Волков, И. Мостовая¹⁰, Н. Аберкромби, С. Хилл, Б.С. Тернер¹¹ и многие другие. В данном учебном пособии используется определение П. Лазарсфельда, согласно которому переменные — это любое средство, с помощью которого можно провести различия между

⁸ См.: Добренков В., Кравченко А. Социология: В 3 т. М., 2001. Словарь по книге.

⁹ См.: Гидденс Э. Социология. Глоссарий: основные понятия и важнейшие термины. М., 1999.

¹⁰ См.: Волков Ю., Мостовая И. Социология: Учебник для вузов. М., 1998. Глоссарий к книге.

¹¹ См.: Аберкромби Н., Хилл С., Тернер Б.С. Социологический словарь. М., 2008.

единицами исследования¹², т.е. изменение средств состояния позволяет провести это различие¹³. Такая структура объяснения позволяет с интересом изучать материал, находя все новые аспекты исследуемых проблем.

Тема 6 “Причинно-следственные связи и построение объяснительной модели в количественном социологическом исследовании” посвящена объяснению природы причинности в социальной действительности, потому что задачи социологической науки состоят не только в том, чтобы описывать свойства социальных явлений, выявлять связи между ними, но и объяснять, почему данные связи возникают. Это позволяет определять социальные механизмы существования и развития данных явлений. Чтобы такое объяснение было возможным, необходимо выявить связи между свойствами социальных явлений, которые носят закономерный характер¹⁴. В этой связи рассматривается социальный факт как основание причинности, а затем уже особенности причинно-следственных связей в социальной действительности. На многочисленных схемах, диаграммах, таблицах приводятся примеры с данными из социологических исследований, посвященных изучению различных сторон качества жизни, таких, как влияние социального статуса на качество жизнедеятельности индивида, самочувствие взрослого населения России в течение года, установки и стереотипы подростков в отношении здоровья и их место в системе ценностей, и другие, наглядно показывающие особенности причинно-следственных связей и их критерии. Также в рамках этой темы объясняются и анализируются виды объяснительных моделей в социологическом исследовании. Это достаточно важный фрагмент, так как в зависимости от того, какой вид объяснительной модели используется в рамках данного исследования, формируются соответствующие цель и задачи исследования, определяются его теоретические основы¹⁵.

В этой связи рассматриваются модель целостности, модель всеобщей значимости, модель символического интеракционизма, функциональная модель Р. Мертона и синергетическая модель. Все модели сопровождаются определениями, объяснениями, примерами и таблицами, из которых понятна цель излагаемого материала.

Тема 7 “Построение и проверка гипотез в количественном социологическом исследовании. Построение эмпирических и теоретических обобщений” посвящена рассмотрению гипотезы как

важнейшего элемента программы социологического исследования. Гипотеза в социологической науке вообще и в социологическом исследовании в частности занимает особое место. Из подтвержденных гипотез состоит тело теории, и чем больше подтвержденных гипотез включает в себя теория, тем больше описательно-объяснительный охват данной теории. В этом смысле общенаучная функция гипотез заключается в том, что их выдвижение позволяет получить новые научные утверждения, обогащающие знание о социальной действительности. Таким образом, гипотеза является главной составляющей теории на стадии ее формирования и проверки¹⁶. Поэтому представляется важным определить критерии состоятельности гипотезы, источники выдвижения гипотез, этапы построения гипотезы, включающие предварительный, теоретический и эмпирические этапы. Содержание и форма гипотез также важны, потому что гипотезы играют важную роль в социологическом исследовании и содержат хотя и вероятностное, еще не подтвержденное научными средствами, но новое знание, предполагающее способы разрешения противоречия, лежащего в основе проблемы. Также роль гипотезы заключается в том, что она помогает отобрать те факты, которые необходимы для решения проблемы исследования, и определяет основное направление анализа эмпирических фактов.

Автор разделяет гипотезы на три вида: описательные, описательно-объяснительные и объяснительные — и подробно объясняет содержание и форму каждой, приводя в пример логические схемы умозаключений, используемые в гипотезах. После этого очерчивается логический путь проверки каждого вида гипотез и схемы этих проверок. После того как подробно описаны гипотезы, автор переходит к пониманию социального показателя и его разновидности, используя подход Ч. Додда, который ввел в категориальный аппарат социологии понятие показателя¹⁷, а также раскрывает принципы построения и способы конструирования социальных показателей.

В рамках последней, восьмой, темы “Измерение показателей и построение социальных индикаторов” автор говорит о том, что такое измерение в социологическом исследовании, что такое измерение показателей, и переходит к понятию индикатора, а также рассматривает виды социальных индикаторов. Каждый вид социального индикатора автор поясняет подробным определением, примерами, схемами, таблицами и расчетами, что наглядно де-

¹² Lasarsfeld P. Concept formation and measurement in the behavioral sciences: some historical observations // Concepts, Theory and Explanations in the behavioral Sciences / Ed. by G. DiRenzo. N.Y., 1966.

¹³ См.: Аверин Ю.П. Указ. соч. С. 173.

¹⁴ Там же. С. 234.

¹⁵ Там же. С. 276.

¹⁶ Добренев В.И., Кравченко А.И. Социология: В 3 т. Т. 1: Методология и история. М., 2000. С. 133; Аверин Ю.П. Указ. соч. С. 302.

¹⁷ Dodd Ch. Dimensions of society. N.Y., 1940; Аверин Ю.П. Указ. соч. С. 359.

монстрирует представленный материал и упрощает возможность его понимания и использования при построении программы количественного социологического исследования.

В целом данное учебное пособие содержит подробный анализ осмысления, составления и выполнения программы количественного социологического исследования.

Следует также обратить внимание на структуру книги. Она выстроена четко, в соответствии с общей логикой исследования поставленных проблем. К достоинствам учебного пособия следует отнести также хороший научный стиль изложения, делающий материал доступным для широкого круга читателей, а также основательную эмпирическую базу исследования.

Выводы автора находят свое отражение в схемах, таблицах и рисунках, что делает работу наглядной и помогает восприятию содержания.

Учебное пособие Ю.П. Аверина содержит уникальную систематизацию концепций и практик в методологии социологического исследования.

Работа, несомненно, представляет интерес не только для экспертного и научного сообщества, студентов и аспирантов, занимающихся данной тематикой, но и для широкого круга читателей, которых волнуют современные процессы, происходящие в российском обществе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аберкромби Н., Хилл С., Тернер Б.С. Социологический словарь. М., 2008 (*Aberkrombi N., Hill S., Turner B.C. Sociologičeskij slovar'. M., 2008*).

Аверин Ю.П. Теоретическое построение количественного социологического исследования. М., 2014 (*Averin Ju.P. Teoretičeskoe postroenie kolichestvennogo sociologičeskogo issledovanija. M., 2014*).

Волков Ю., Мостовая И. Социология: Учебник для вузов. М., 1998. Глоссарий к книге (*Volkov Ju., Mostovaja I. Sociologija: Učebnik dlja vuzov. M., 1998. Glossarij k knige*).

Гидденс Э. Социология. М., 1999. Глоссарий: основные понятия и важнейшие термины (*Giddens Je. Sociologija. M., 1999. Glossarij: osnovnye ponjatija i vazhnejšie terminy*).

Добреньков В.И., Кравченко А.И. Социология: В 3 т. М., 2001. Словарь по книге (*Dobren'kov V.I., Kravčenko A.I. Sociologija: V 3 t. M., 2001. Slovar' po knige*).

Сторер Н. Социология науки // Американская социология: перспективы, проблемы, методы / Ред. и вступ. ст. Г.В. Осипова. М., 1972 (*Storer N. Sociologija nauki // Amerikanskaja sociologija: perspektivy, problemy, metody / Red. i vstup. st. G.V. Osipova. M., 1972*).

Dodd Ch. Dimensions of society. N.Y., 1940.

Lasarsfeld P. Concept formation and measurement in the behavioral sciences: some historical observations // Concepts, Theory and Explanations in the behavioral Sciences / Ed. by G. DiRenzo. N.Y., 1966.